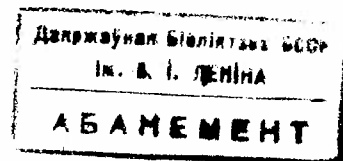

ас-7586

Г. СМОЛЯР

МСТИТЕЛИ ГЕТТО

Перевод — М. ШАМБАДАЛ

О Г И З
Госиздательство „Дер Эмес“
Москва 1947

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая

СОПРОТИВЛЕНИЕ

I. Обратный путь	3
II. Начало гетто	6
III. Начало сопротивления	15
IV. Первый прорыв сквозь ограду гетто	25
V. В единых боевых рядах	28
VI. Дружба	32
VII. Первые партизаны из Минского гетто	35
VIII. Началась напряженная работа	38
IX. Единственный выход — вооруженная борьба	59
X. Первый провал	61
XI. Боевая организация восстанавливается	70
XII. Четырехдневная бойня	78
XIII. Только собственными силами	82
XIV. После Сталинграда	86
XV. Накануне конца	89
XVI. Смерть предателям!	94
XVII. Из гетто — в лес	95
XVIII. Клянемся!	97

Часть вторая

ЖИЗНЬ

I. Публичное письмо	99
II. Первый партизан из Минского гетто	100
III. Всегда с пулеметом	103
IV. Чешская винтовка Цири Ботвинник	106
V. Рыжий мельник	109
VI. Он — не сирота	110
VII. Шестнадцатилетние и их командир!	112
VIII. Именно возле гетто!	116
IX. Старый Шимен рассказывает	118
X. Немецкая бомба наложенным платежом	121
XI. Медсестра Тая	123
XII. Знаменосец	124
XIII. Рапортуем!	126

15. 3. 2007

СОПРОТИВЛЕНИЕ

I. ОБРАТНЫЙ ПУТЬ

Сотни и тысячи мужчин, женщин и детей уныло плелись по дороге. Волна, сорвавшая с мест этих людей, утратила первоначальную силу. Не осталось следа от торопливости первых дней, от желания во что бы то ни стало перебраться через болота и речки на пути, и даже от инстинктивного стремления укрыться, замаскироваться во время налетов вражеских стервятников в открытом поле. Детей уже не несли и даже не вели за руки. Они покорно, без слез и жалоб, тащились следом. Ноги отяжелели. Рубаха на теле, — а многие ушли в одной рубахе, — и та стала невыносимо тяжела. Люди с трудом переступали. Камешек, сломанная ветка на дороге казались непреодолимыми препятствиями и бессознательно обходились. А сколько раз люди падали и оставались на месте даже тогда, когда никаких препятствий на пути не было! Часто присаживались. К опустившимся на землю тут же присоединялись другие, не говоря ни слова растягивались и погружали лица в спаленную траву, чтобы хоть немного остудить жилку на виске, которая так лихорадочно билась и наливалась голову свинцом. Кто-то всхлипывал, но никто не оборачивался, чтобы узнать — кто и почему?.. Затем снова поднимались и снова куда-то тащили разбитое тело, усталые распухшие ноги...

Куда?..

Впереди — враг. В Минске еще немцев нет. А Борисов уже занят.

Идущие пытаются свернуть направо, налево, но везде вырастают вражеские десантные группы. От них впервые был услышан клич смерти: «Юден — капут». Стало ясно — дальше идти некуда.

Не сговариваясь, не совещаясь, колонны стали поворачивать обратно на большой тракт. Проселками

итти было иногда опаснее. Из танков с черными свастиками выглядывали наглые морды. Пронеслись грузовики, и на каждом из них надпись, раскаленным гвоздем вонзавшаяся в сердце, — «Нах Москау»... Иной раз машина останавливалась, и какая-нибудь пьяная морда изрыгала: «Не угодно ли с нами — в Иерусалим?»

Куда же итти?

Все явственнее доносился едкий дым разрушенного Минска. Там уже не осталось своего угла, куда приклонить голову. Да и как возвращаться туда, где каждый камень напоминает о вчерашнем счастье, которого больше нет, о родных и близких, которые куда-то ушли, растерялись по дорогам? А наши, повидимому, где-то далеко и добраться до них уже невозможно...

И вот группа людей сворачивает в сторону — в ближнем колхозе живет родственник. Авось удастся там переждать, покуда вернутся наши... Отдохнуть, притти в себя...

Остальные идут дальше, сами не зная куда и зачем.

Впрочем, заросший, со сгорбленной спиной человек, в котором трудно было узнать председателя профсоюза работников печати Белоруссии, — Иоэль Лифшиц кое-что знал. Из поездки в освобожденную Западную Белоруссию он как-то привез желтую заплату, которую сорвал с себя один варшавский еврей, перешедший советскую границу.

Еще не доходя до Пушкинской улицы, люди узнали: в городе хватают мужчин. Поблизости от того места, где когда-то была выставка, висело объявление: «Мужчины в возрасте от 15 до 45 лет обязаны регистрироваться в полевой комендатуре. За уклонение — смертная казнь».

Тогда это еще звучало непривычно: смертная казнь!

Ужас этой угрозы сопровождал людей до опустевших улиц города, где на каждом перекрестке стояли гитлеровские молодчики в стальных касках со своей эмблемой — мертвой головой — на них и с металлическими бляхами в виде полумесяца на шее. «Ком, ком хир!» — кричали они и уводили десятки мужчин — белоруссов и евреев, русских и грузин, юношей и седовласых стариков — в Дрозды, на поле, к речке, где тысячи, десятки тысяч — военнопленных и гражданских — попали в только что созданный концентрационный лагерь.

Со всех сторон — пулеметы и прожекторы. Около тридцати тысяч мужчин вынуждены были валяться на земле. Стоило кому-нибудь попытаться приподнять голову, сделать малейшее движение, чтобы лежать стало удобнее, как в самую гущу людей летели пули. Июльская жара выматывала последние силы. Люди тянулись к воде, но и там их подстерегала смерть.

Возле лагеря собирались тысячи женщин. Хлеба в городе не было. Гитлеровские мародеры все разграбили. Остались большие полуразрушенные склады картофельной муки и сиропа, люди научились стряпать из этого какие-то яства и носили их в лагерь. Невзирая на смертельную опасность, женщины пробирались в лагерь, чтобы передать своим несколько коржей из картофельной муки, бутылку с водой... Женщины приходили разыскивать отца, мужа, сына, брата, а если их уже не было, отдавали еду первому попавшемуся.

В страшной беде и опасности рождалась и крепла дружба, несмотря на то, что враг заслал в среду узников много «блатных» — уголовных преступников, которые пытались установить здесь кулачное право и разжечь национальную рознь. Из этого ничего не вышло, и гитлеровцы издали приказ: «Евреев отделить!» В лагере уничтожения, в Дроздах, было создано три лагеря: для евреев, военнопленных и прочих гражданских... Началась вакханалия розысков скрывающихся евреев и переодетых военнопленных.

Часто русские и белоруссы не отпускали своих знакомых евреев в другой лагерь. Они их прятали. А еврейские женщины приносили платье, чтобы переодеть военнопленных (иногда даже в женское платье) и спасти их.

Братская помощь, великая дружба народов, такая понятная и естественная для советского человека (этого гитлеровцы не смогли уничтожить даже в своем страшном концлагере), — эта дружба и породила начало, пока еще пассивного, сопротивления.

На пятый день все гражданские, кроме евреев, были из лагеря освобождены.

Из лагеря в Дроздах все чаще доносились автоматные очереди. Лагерное начальство приказало всем интеллигентам регистрироваться.

Лагерная стража погрузила на машины сотни и тысячи людей, а несколько минут спустя пулеметы громо-

гласно известили, каким почетом пользуются интеллигенты, — особенно евреи, — у тех, кто сеял смерть и опустошение в нашей стране.

Горелик кончил Минскую консерваторию, и его бархатный голос часто ласкал наш слух. «Певец?» — увиделись палачи и приказали Горелику петь. Горелик пел еврейские народные песни перед многочисленной, многонациональной толпой узников.

— Этот остается здесь! — решили рыцари ножа, которые уже знали о «концертах», предстоящих Горелику на Юбилейной площади... Вместе с остальными еврейскими заключенными он был потом переведен в минскую тюрьму, а оттуда — в гетто.

II. НАЧАЛО ГЕТТО

В тот день, когда оставшиеся в живых евреи были выпущены из тюрьмы, на улицах Минска появился приказ полевого коменданта о гетто.

ПРИКАЗ

о создании еврейского района в городе Минске

1.

Начиная со дня издания настоящего приказа, в городе Минске выделяется особый район, в котором должны проживать исключительно евреи.

2.

Все евреи — жители города Минска — обязаны, после опубликования настоящего приказа, в течение 5 дней переселиться в еврейский район. Евреи, которые по истечении этого срока будут обнаружены в не-еврейском районе, будут арестованы и строгойше наказаны. Не-евреи, проживающие в пределах еврейского района, обязаны немедленно покинуть еврейский район. Если в не-еврейском районе не окажется квартир, освобожденных евреями, жилищный отдел Минской Городской Управы предоставит другие свободные квартиры.

3.

Разрешается брать с собой домашнее имущество. Кто будет уличен в присвоении чужого имущества, или грабеже, подлежит расстрелу.

4.

Еврейский район ограничивается следующими улицами: Колхозный пер. до Колхозной улицы, далее вдоль реки до улицы Нема, исключая православную церковь, до Республиканской улицы с прилегающими улицами: Шорная, Коллекторная, Мебельный пер., Перекопская, Низовая, еврейское кладбище, Абутковая ул., 2-й Ананский пер., Заславская улица до Колхозного переулка.

¹ Фактически район с самого начала был меньше указанного в этом приказе (Г. С.).

6

5.

Еврейский район, сразу же после переселения, должен быть огорожен от города каменной стеной. Построить эту стену обязаны жители еврейского района, используя для этой цели в качестве строительного материала камни с нежилых или разрушенных зданий.

6.

Евреям из рабочих колонн запрещается пребывание в нееврейском районе. Означенные колонны могут выходить за пределы своего района исключительно по специальным пропускам на определенные рабочие места, распределяемые Минской Городской Управой. Нарушение этого приказа карается расстрелом.

7.

Евреям разрешается входить в еврейский район и выходить из него только по двум улицам — Ананской и Островской. Перелезая через ограду воспрещается. Немецкой страже и охране порядка приказано стрелять в нарушителей этого пункта.

8.

В еврейский район могут входить только евреи и лица, принадлежащие к немецким воинским частям, а также к Минской Городской Управе, и то лишь по служебным делам.

9.

На юденрат возлагается заем в размере 30 000 червонцев на расходы, связанные с переселением из одного района в другой. Означенная сумма, процентные отчисления с каковой будут определены позднее, должна быть внесена в течение 12 часов после издания настоящего приказа в кассу Городской Управы (ул. Карла Маркса, 28).

10.

Юденрат должен немедленно представить жилищному отделу Городской Управы заявку на квартиры, которые евреи оставляют в не-еврейском районе и еще не занятые арийскими (не-еврейскими) жильцами.

11.

Порядок в еврейском районе будет поддерживаться особыми еврейскими отрядами порядка (специальный приказ об этом будет своевременно издан).

12.

За переселение всех евреев в свой район несет полную ответственность юденрат города Минска. Всякое уклонение от выполнения настоящего приказа будет строжайше наказано.

Полевой комендант.

За этим приказом последовал приказ о желтой «заплате». С немецкой пунктуальностью указывался размер заплаты, место, на которое она должна быть нашита, а в конце — все чаще повторяющаяся угроза: «За неисполнение приказа — смертная казнь».

На первых порах среди минских евреев царил растерянность. Люди теснее жались друг к другу, не по-

7

казывались на улицах, откуда постоянно доносился топот кованых сапог гитлеровцев.

С помощью соседей — белоруссов и русских — добывали самое несбыточное, покупали на рынке несколько картофелин (в стране колоссальных урожаев картофеля приходилось покупать поштучно!). С соседнего пожара приносили несколько щепок — вскипятить воду... Людей с желтыми заплатами на улицах почти не было видно.

Гитлеровские молодчики рыскали по улицам и переулкам в погоне за «еврейскими физиономиями». Если налетят на «подходящего» (часто это бывали грузины, а то и белоруссы), разрежут бритвой одежду в том месте, где должна быть пришита заплатка. К комендатуре приводили людей и обливали их с головы до ног желтой краской. На одежде рисовали желтый круг, «могидовид» или что-нибудь непристойное.

Одну такую группу особенно долго держали на улице возле комендатуры. Их не «красили». Вышел офицер и приказал выступить на два шага вперед тому, кто понимает по-немецки. Никто не двинулся с места. Офицер повторил приказ. Многие понимали по-немецки, но никто не выходил.

— Я немного понимаю, — тихо проговорил наконец Илья Мушкин и вышел из ряда.

Когда Мушкин вернулся из комендатуры, показалось, что его начинающая седеть голова совсем побелела, а прямые плечи сгорбились.

На следующий день на всех улицах и переулках будущего гетто был расклеен приказ о том, что «еврей Элиас Мушкин назначается комиссарским председателем юденрата» и что все его распоряжения должны немедленно выполняться.

Распоряжения, написанные на машинке, появлялись по 3—4 раза в день: регистрация освобожденных из тюрьмы, регистрация всего еврейского населения... Ежедневно по утрам все работоспособные мужчины и женщины обязаны отмечаться в юденрате (ул. Мясникова — вне района гетто), а оттуда колоннами в сопровождении немцев отправляться на работу. Все обязаны внести деньги на постройку стены вокруг гетто, все обязаны сдать ценные вещи — золото, серебро, драгоценности на уплату контрибуции... А главное — в течение 5 дней — до 25 июля все еврейское население должно перейти в район, отведенный для гетто.

Евреи стали выбираться из убежищ. Создавалась видимость «порядка», люди начали хлопотать, бегать, просить Мушкина о том, чтобы снизили контрибуционные взносы, чтобы помогли найти квартиру в районе гетто, чтобы отложили срок переселения... Целыми днями возле юденрата стояла толпа, здесь можно было встретить знакомых, узнать, кто остался в Минске, кому удалось эвакуироваться...

Здесь же тайно сколачивались группы пытавшихся бежать, перебраться через линию фронта. Отсюда пятнадцатилетний Фимка Прессман (впоследствии знаменитый подрывник немецких эшелонов) с группой сверстников ушел на восток, добрался до Смоленска, но вынужден был вернуться, так как ему не удалось пробиться через вражеское расположение. Здесь, возле юденрата, из уст в уста передавались самые «последние» известия о «действительном» положении на фронте. Источника этих сведений никто не знал, но ежедневно здесь можно было услышать «оперативную сводку», неизменно сообщавшую о крупных победах Красной Армии и о поражениях немцев, несмотря на то, что отступление Красной Армии тогда еще продолжалось. Но неблагоприятных «сводок» никто и слушать не хотел.

Группы возвращавшихся с принудительных работ на железной дороге буквально осаждались. С жадностью слушали их сообщения: столько-то эшелонов с ранеными ушло на запад, столько-то с «живым товаром» — на восток... Если количество «западных» было больше, это означало: «он» отступает... Если наоборот, то это опять-таки должно было означать, что «его» основательно бьют, что «он» вынужден подвозить все новые и новые резервы... Если, вернувшись с принудительных работ, люди рассказывали, что «их» немец сегодня особенно свирепствовал, это доказывало, что «они» нервничают, так как у них дела не веселые...

Сюда на площадь около юденрата стали поступать первые сведения о «лесных братьях», об их героических делах. Люди клялись, что своими глазами видели, как к хлебозаводу на Хлебной улице (в гетто) подъехала машина с солдатами в немецкой военной форме; они нагрузили полную машину хлеба, роздали всем находившимся здесь евреям по целому караваю, а уезжая, заявили на чистейшем русском языке: «Не падайте, братцы, духом, скоро будете свободны!». Каждая

такая весть с молниеносной быстротой и в самых различных версиях распространялась не только в гетто, но и по всему городу и доходила, конечно, до гитлеровцев. В гетто были расклеены объявления: «Все, кто распространяет ложные слухи, особенно о положении немецких войск на фронте, будут переданы немецким властям». Так говорил юденрат, вынося приказы полевой комендатуры, которой он был нужен, как передатчик и исполнитель бесконечного количества все новых и новых распоряжений, заказов, приказов, предупреждений...

Здесь же, возле помещения юденрата, впервые встречались старые знакомые, партийные товарищи, которые пристально вглядывались друг в друга и шепотом спрашивали: что делать? Необходимость что-то сделать, невозможность сидеть сложа руки в то время, как вся страна поднялась на кровавую борьбу против фашистских поработителей, — чувствовал каждый действительно советский человек. Сталинский призыв, прозвучавший в день 3 июля, дошел и до гетто (первые люди узнали о выступлении товарища Сталина от Исроэля Лапидуса — впоследствии командира партизанского отряда, — слушавшего до прихода в гетто радиопередачи из Москвы).

Советские люди стали изыскивать способы, как, находясь во вражеском тылу, присоединиться к всенародной борьбе. Были и такие коммунисты, которые пытались решить этот вопрос для себя лично: «я в гетто не останусь» — и уходили неизвестно куда.

Коммунист В. Кравчинский ушел из Минского гетто в Узденский район: оттуда дошли слухи, что в лесах имеются красноармейские части, не успевшие дойти до линии фронта.

Десять дней Кравчинский разыскивал эти части, высылал бывших с ним людей на разведку, разведчики добрались до дремучих лесов в районе Негорелого, но связи с частями установить не удалось. Кравчинский вернулся в Минск.

Коммунист М. Екельчик сразу же по выходе из тюрьмы добыл «караимский» паспорт и ушел из гетто в белорусский район города.

— Что делать? — спрашивал Яков Киркаешта, заведывавший до войны отделом пропаганды Белостокского горкома партии. Бывший беспризорник из мол-

давского местечка, он воспитывался в Одесском «Ев-рабмоле» (Дом еврейской рабочей молодежи), где получил квалификацию сапожника, затем стал учиться, кончил курсы пропагандистов при ЦК ВКП(б) и приехал в Белосток.

Воспитанный партией, советской властью, он сам знал и умел другим разъяснить, что значит строить социалистическое общество, что значит иметь счастье жить в этом обществе. Работая у тогдашней границы двух миров, он сам знал и другим разъяснял необходимость стражайшей бдительности, постоянной мобилизационной готовности.

Но в кровавой действительности немецкой оккупации, похожей на страшный сон, он еще пока не ориентировался.

Около юденрата он искал знакомых, которые могли бы подтвердить в бюро документов, что его фамилия Шустерман: гитлеровцы не должны были напасть на след Киркаешта. Мейер Фельдман также должен был изменить фамилию. Немцы поймали его и отвели чистить тюремный двор. Среди сторожей он заметил знакомого, с которым когда-то работал на текстильной фабрике. Значит, надо прежде всего добыть себе новый паспорт. Мейер Фельдман искусством этим владел издавна. Сколько таких подложных паспортов он, бывший работник подпольного коммунистического движения в Западной Белоруссии, уже сфабриковал за свою жизнь!

Далеко не полная регистрация, проведенная юденратом, показала, что в гетто насчитывается около 55 тысяч евреев (позднее, когда из окрестных местечек прибыли оставшиеся там в живых, число это достигло 80 тысяч). Как разместить столько людей на небольшом пространстве между Немгой и Вторым Апанским переулком, между Ново-Мясницкой и половиной Коллекторной? Приближается уже последний срок — 1 августа, а еще и половина еврейского населения не устроена в гетто. Идет погоня за каждой комнатой. В районе гетто расположены преимущественно маленькие домишки. Из центра города, главным образом с Московской улицы, где уцелело довольно много домов, и с дальней Комаровки, с Переспы и Ляховки тянутся евреи в гетто. Нет ни подвод, ни лошадей — приходится тащить, что можно, на себе, а остальное отдавать на

хранение соседям-белоруссам. «Сохраним! — обещают они. — Когда наши вернутся, все отдадим».

За деньги удалось выхлопотать продление окончательного срока переселения в гетто на несколько дней. Но чем ближе последний день, тем сильнее паника. При юденрате создан специальный жилищный отдел, которым ведаёт бывший режиссер Дольский.

— Такой спектакль, — шутил он сквозь слезы, — мне никогда не приходилось ставить...

Стена вокруг гетто еще не была построена, не было еще даже проволочной ограды, но гетто уже существовало. Вчера еще можно было ходить по всему городу, а сегодня уже требуется масса ухищрений, чтобы тайком от полицейских столкнуться с крестьянином, подъехавшим к самому гетто и привезшим немного продуктов, или встретиться с бывшим соседом-белоруссом, пришедшим узнать, что слышно, как «устроились» в гетто.

И только дети, наши советские дети, никак не могут постичь, что такое границы гетто. Они прошмыгивают мимо зазевавшихся полицейских и целые дни проводят у своих школьных товарищей — белорусских ребят, а по вечерам приносят домой несколько картошек или краюху хлеба и дружеское слово утешения от знакомых и друзей.

Одиннадцатилетний Вилик Рубежин остался в Минске один. Он не знает, куда девались его родители. Он не в силах усидеть в гетто. Несколько раз в день он переходит границы гетто, отправляется к пионерам своего отряда и возвращается сытый. Он даже помогает приоткрывшей его семье Сарры Голанд.

Десятилетнему Алику доставляет особенное удовольствие обманывать черных полицейских ворон и носить между гетто и «русским» районом, как называют в гетто всю остальную часть города.

В гетто продают чуть ли не даром все, что можно продать: страх перед завтрашним днем невероятно велик. Зарботков не будет, запасов нет, крестьян в гетто не пускают, евреям ходить на рынок не разрешается. Как же жить?

Вскоре, однако, положение становится таким, что думать даже о ближайшем дне не имеет никакого смысла. В гетто наступают жуткие ночи.

С наступлением темноты на улицах гетто не видать ни живой души. Ворота запираются на засов, — а ворота, которые создают иллюзию защиты, выросли повсюду,

ду, даже кособокные лачуги и те отгородились тяжелыми воротами, — люди собираются во дворах и начинается оживленная беседа обо всем, что произошло за день. Новостей много. В каждом дворе имеется кто-нибудь, знающий немецкий язык. Он рассказывает, что ему удалось вычитать из случайно найденной немецкой газеты, а слушатели комментируют все сообщения по принципу «читай наоборот». Затем приходит черед известиям, которые в шутку называют «известиями Ива» («Иди вили азой» — «Так хочется евреям»). Согласно этим сведениям наши уже снова заняли Оршу и Борисов, а Минск «он» не успеет эвакуировать, так как город окружен... Имеются даже сведения, что наш авиадесант занял Барановичи... Люди не допускают сомнений. Это пока единственная моральная поддержка.

Один рассказывает.

— Вчера их поймали у юденрата и отвели на багажную станцию. Там им, 40 евреям, приказали толкать в гору заторможенный поезд, состоящий из тридцати с лишним груженых вагонов... Люди выбивались из сил, но поезд не трогался с места. В ход были пущены нагайки, хлеставшие по плечам и головам, но поезд от этого легче не стал. Тогда изверги начали стрелять. Несколько человек, обливаясь кровью, упало под колеса...

— Приказали носить торф на расстоянии 400 метров, — рассказывает второй. — Носили в ящиках. Когда проходили мимо надзирателей, те мелом помечали на ящиках, сколько уже перенесено. После восьмого раза надзиратели стали избивать тех, у кого оказалось меньше восьми перенесенных ящиков. Это продолжалось весь день. Люди теряли сознание от жары и мучительной жажды. Воды не давали. На обратном пути в гетто многих, полумертвых от усталости и побоев, пришлось нести на руках.

Все тише становится во дворе.

Вдруг тишину замершего гетто взрывает отчаянный многоголосый крик: «Спасите!». Кричат женщины, дети. Доносится револьверная стрельба, и снова становится тихо, еще тише, чем было раньше... Что еще принесет нынешняя ночь?..

Все чаще и чаще такие ночи в гетто. Где уж тут думать о завтрашнем дне?

На утро узнавали: в дом ворвались бандиты. Все, что можно было, унесли. Отца убили, брата тяжело ранили и, уходя приказали: — «Стоять лицом к стене! Не дви-

гаться с места!» И люди стояли, как пригвожденные...

В другом доме гитлеровцы заставили девушек раздеться догола и писать на круглом столике. Потом они их изнасиловали, а затем искромсали кинжалами...

Вслед за такими ночами наступили дни 14, 26 и 31 августа. «Единичные» случаи и нападения «неизвестных» бандитов сменились организованным окружением всего гетто. Началась погоня за мужчинами. Хватали всех, вытаскивали даже больных из кроватей, и гнали на Юбилейную площадь, которую в гетто прозвали «Шклафн-плац» — Площадь рабов.

Тысячи выловленных таким образом исчезали бесследно. О некоторых потом стало известно, что они находятся во вновь созданном концлагере на Широкой улице. «Малины» (убежища) приобретают особую популярность в гетто. Мужчины в те дни спасались только благодаря надежным укрытиям. Хаим Цукер в своей комнате на Аланской, 22, сделал двойную стену, за которую в течение нескольких минут могло скрыться несколько семей...

Никто в Минском гетто не питал иллюзий, что эти «малины» могут спасти от гитлеровских душегубов. Лишь некоторые субъекты старались внушать обитателям гетто надежду на то, что «авось обойдется», авось удастся переждать, что надо только «не шуметь». «Рецепт» этот ничьей боли не утолял. Советские люди не в этом видели ответ на сверливший мозги вопрос: что делать?

В гетто все упорнее становилась слухи о том, что видные деятели партии и правительства находятся в Минске, что они скрываются и даже работают в учреждениях оккупантов, чтобы было легче вести работу, о которой никто открыто не говорил, но цель которой всем была понятна... Были в гетто люди, которые уверяли, что в Минске находится секретарь ЦК КП(б)Б тов. Ванеев. «Знают» даже точно, что он работает в немецкой городской управе. Другие рассказывали, что и тов. Козлов, руководитель минской областной парторганизации, находится где-то поблизости. Были живые «свидетели», которые «сами» видели проходившую по улице, закутанную в большой платок, тов. Уралову — наркома просвещения БССР. Все эти сведения, хотя и недостаточно проверенные, придавали бодрости населению гетто, с нетерпением ожидавшему желанного сло-

ва, указания, что делать. В минуты наибольшего отчаяния, перед лицом неотвратимой смертельной опасности советское население гетто ждало слова партии, освободившей еврейские массы от векового рабства, давшей им полное равноправие со всеми братскими народами Советского Союза.

Это слово Минское гетто услышало. Сначала — лишь очень ограниченный круг надежных людей, затем все более широкие слои... И, наконец, все население гетто получило возможность изо дня в день слышать голос Москвы, сталинское слово партийного руководства и руководства партизанского движения, начальником штаба которого был руководитель белорусских большевиков генерал-лейтенант П. К. Пономаренко.

III. НАЧАЛО СОПРОТИВЛЕНИЯ

Это было так.

В первый месяц существования гетто, в августе 1941 года, состоялось первое совещание, которое должно было решить, что и как делать. Мы выбрали артистиру с тремя выходами неподалеку от Юбилейной площади, на улице Островского. Если придется удирать, чтоб было куда, — подсказывал давний оплот тех из нас, которые когда-то были на подпольной работе. В этой части гетто наиболее оживленное движение и, значит, меньше опасности быть замеченным. В соседство с юденратом, который уже помещался в самом гетто, давало возможность во-время узнать, что творится в гетто. День был выбран воскресный, когда меньше дежурят на принудительные работы. Возле квартиры дежурила вполне надежная и преданная на моему делу С. Ривкина, ленинградка, которая, как и многие из нас, не успела эвакуироваться из пограничной полосы. Ей в помощь было выделено несколько комсомолок, которые дежурили возле юденрата и ворот гетто, чтобы во-время предупредить об опасности.

Предварительно было условлено, что на совещание надо прийти с продуманными предложениями, так как подробных указаний мы еще пока ниоткуда не имели. Опыта также ни у кого не было — в условиях гетто ведь никто из нас никогда не был... Нужно было сообразно выработать план действий.

Мы доверяли друг другу. Мы знали друг друга по прежней совместной работе. Яшу Киркаешта мы знали по его работе в Белостоке, Мейера Фельдмана — по его работе в Белостоке, Мейера Фельдмана — по его работе в Белостоке, Мейера Фельдмана — по его работе в Белостоке, Мейера Фельдмана — по его работе в Белостоке.

долголетней подпольной работе в Западной Белоруссии, с Борисом Ханмовичем мы часто встречались в гетто и знали, что он человек решительный, готовый немедленно приняться за работу. Евсей Шнитман — тоже. Не пришел на совещание Нотке Вайнгауз. Его положение в гетто было особенно сложным: его знали все — от мала до велика. И хотя его пышная шевелюра уже успела поседеть, его все еще не называли иначе, как «Нотке» — так, как в те годы, когда он — один из популярных работников комсомола в Минске, редактор детской газеты «Пионер» — гулял с ватагой ребят по улицам с песнями и шутками. Для него показываться на улицах гетто значило рисковать попасть в руки гестапо, которое в то время особенно усердно разыскивало коммунистов. Мы с ним встречались у него в «малине» на Ново-Мясницкой улице, на чердаке, у дымохода: близкие товарищи снабдили его документом, по которому он значился каменщиком, работающим в самом гетто. Мнение его о наших ближайших задачах мы знали. Не было на совещании еще двух коммунистов, горячо приветствовавших решение немедленно приступить к работе, — Хаима Александровича, старого партийца с большим опытом подпольной работы, и писателя Гиришеля Добина. Оба они в это время были заняты на принудительных работах: Александрович в качестве столяра, Добин — в качестве сапожника. Было бы нежелательно, чтобы на них пала хоть тень подозрения.

Значительным было каждое слово на этом совещании. Всем было ясно, что сталинский призыв обязывает всех нас, — несмотря на страшные условия гетто, — начать действовать. Мы были единодушны в стремлении проложить путь, который дал бы максимальному количеству евреев возможность вырваться из гетто и включиться во всенародную борьбу против захватчиков. Нашим лозунгом было: «Уйдем из гетто!» Как, какими средствами претворить этот лозунг в действие? На этот счет были различные мнения и предложения. Но для всех было ясно: *без повседневной помощи со стороны белорусского населения заграждений гетто нам не прозвать.*

Отсюда задача — всеми силами добиваться живой связи с белорусскими товарищами, сделаться органической частью общей организации, борющейся против нечестивых захватчиков.

С мнением Вайнгауза о том, что вначале следует ограничиться одной лишь пропагандистской работой, мы не могли согласиться. Мы считали, что наряду с пропагандистской деятельностью мы должны развернуть и большую организационную работу. Должна быть создана нелегальная партийная организация, при которой будут работать комсомольские группы. Вокруг нас должен вырасти широкий актив из преданных нашему делу советских людей, готовых на все, что будет необходимо в интересах борьбы.

Совещание решило создать организационный центр из трех товарищей — Я. Киркаешта, Н. Вайнгауза и Е. Столяревича¹ (секретарь центра). Каждый из нас получил конкретное задание: Вайнгауз организует регулярный прием по радио оперативных сводок для дальнейшего распространения их среди населения; Киркаешта налаживает нелегальный партийный аппарат (квартиры, «малины», пишущую машинку, связь), а Столяревич организует подпольные группы и устанавливает связь с «русским районом».

Все участники совещания получают следующие основные директивы: 1) под личную ответственность подобрать надежных, бесстрашных, преданных партийцев, которые станут организаторами более широких кругов советских людей; 2) широко распространять в гетто и вне его материалы советского радио о действительном положении на фронтах Отечественной войны и 3) в случае провала — живым в руки врага не сдаваться.

Первый камень в основу боевой организации в Минском гетто был заложен. Уходя с совещания, мы все были охвачены мыслью о большой ответственности, которую мы взяли на себя. Справимся ли мы с намеченными задачами? Несомненно одно: мы обязаны включиться и включимся в великую борьбу, которую весь советский народ ведет против заклятого врага нашей Родины, а если придется погибнуть, то так, как подобает верным сынам народа — в борьбе.

**

Почти в то же время, по соседству с нами, на Республиканской, 46², собралась другая группа коммунистов с той же целью. На совещании присутствовали

¹ Автор этих строк носил в гетто имя Ефима Столяревича.

² Республиканская улица до Немиги была включена в район гетто.

старые, испытанные товарищи, знавшие друг друга по работе в свободном советском Минске. Вокруг Фельдмана сгруппировался крепко спаянный кружок коммунистов: старый печатник Гецл Опенгейм, сапожник Еселевич, Лена Майзелис, Зяма Окунь, Миша Чипчин, Вольф Лосик и другие. Этот кружок связан с довольно значительной группой евреев печатников, принудительно работающих в немецкой типографии. Есть возможность делать то, что большевики всегда делали в подполье — печатать и распространять правду о всемирной борьбе против врага.

На первом совещании этого кружка было решено: создать типографию в гетто и выпускать листовки, известия с фронтов, воззвания — призывать население гетто к сопротивлению гитлеровским палачам.

Изо дня в день люди приносили в гетто шрифты и другие типографские материалы. Занимались этим комсомолец Миша Ароцкер, печатник Каплан, Лена Майзелис. У них была налажена связь с русским товарищем, которого из конспиративных соображений называли «Пестрая шапочка» (его настоящее имя — Подпрыга Андрей Иванович)¹. От него получают все, что необходимо для хорошо оборудованной типографии.

Из двух источников до Минского гетто начинает доходить правдивое слово, поднимающее дух, вселяющее веру и надежду. В печной трубе одного из домов на Татарской улице наш радиотехник Абрам Туник, впоследствии тяжело раненный в бою с гитлеровскими бандитами, устроил радиоприемник. Антенна была вплетена в веревку для развешивания белья. Вайнгауз принимает здесь два, а если удается, то и три раза в день последние известия с фронтов, военные обзоры и передовые статьи «Правды», которые быстро распространяют не только в гетто, но и среди белорусского населения. В гетто постепенно так привыкают к регулярной информации с фронтов, что по утрам, когда колонны отправляются на работы, люди сообщают друг другу обо всем, что им удалось узнать за вчерашний день.

Мы приступили также к организации нашей молодежи, которая рвется к живой революционной работе. В организационный центр комсомольцев мы выделили Эмму Родову (бывшего члена бюро Ворошиловского

¹ Впоследствии ушел в ряды партизан.

райкома комсомола в Минске), Давида Герцика (кличка — «Женька»), 17-летнего комсомольца, — он лишь гость в гетто, так как он жил по подложному паспорту среди белорусского населения, — и Дору Берсон (бывшего секретаря комсомольской организации на швейной фабрике «Октябрь»). Эта тройка энергично принялась за агитационную работу. На улице Флакса (в гетто) 15-летний комсомолец Ноцка Маркевич устроил радиоприемник, и вся его комсомольская группа занялась распространением оперативных сводок Советского информбюро. Печатные материалы наших групп распространялись, главным образом, также нашей молодежью, в течение всего времени поддерживавшей связи с белорусскими и русскими товарищами по школе и комсомолу.

Однако, ограничиваться одной лишь пропагандистской работой мы не могли. Для решения основной задачи необходимо было установить связь с белорусским и русским населением и по мере возможности найти доступ к партизанским группам, слухи о существовании и героической борьбе которых распространялись все шире и шире.

Чтобы проверить, насколько верны сведения о том, что в городе остались видные работники партии и правительства, мы посылаем из гетто надежных товарищей — преимущественно женщин, не похожих на евреек, — через знакомых коммунистов они должны попытаться разыскать подпольный центр. Связи с белорусскими товарищами удается наладить, но ответ, который приносят нам наши посланцы, все время один и тот же: товарищи из русского района сами ищут связи. До нас доходят слухи о том, что в городе из рук в руки передаются печатные материалы. Но когда нам с большим трудом удается, наконец, получить некоторые издания. В городе читают также «Вести с социалистической Родины», но их сбрасывают наши самолеты. Тогда мы поручаем Нине Лис (не-еврейская внешность которой позволяет ей каждый день выбираться из гетто) и «Женьке» связаться с белорусскими товарищами, заслуживающими полного доверия, и выяснить их настроения. Убедившись в том, что встретили людей действительно готовых к организации борьбы против оккупантов, они должны устроить нам встречу с ними. Одновременно мы посылаем комсомольца Вовку (фа-

милия его автору неизвестна) в Радшковическом направлении с заданием попытаться установить связь с партизанами, которые, по имеющимся у нас сведениям, часто там появляются. Кстати, у Вовки в тех местах имеются знакомые и родственники, и он сможет выяснить, какие здесь намечаются возможности для нас. Вовка побывал там дважды и узнал, что небольшие группы партизан действительно появляются в тамошних деревнях, но задерживаются там не долго. Чтобы установить с ними связь, нужно оставаться на селе, а этого Вовка, как еврей, не может.

Мы цепляемся за малейшую возможность, иногда — тень возможности. К одному из наших комсомольцев в гетто пришел его знакомый — ученик белорусской театральной студии. Пришел он из партизанского отряда с просьбой изготовить подложный паспорт для его командира. Чтобы убедиться, что мы имеем дело с человеком, заслуживающим доверия, мы высылаем к нему тов. Эмму, которая с первых же дней нелегальной работы проявила исключительное чутье и знание людей. К тому же она, благодаря широким знакомствам в прошлом, имеет возможность проверить, с кем она имеет дело. Мы передаем через Эмму, что если пришедший заслуживает доверия, мы сделаем все необходимое для отряда. Со своей стороны мы хотим установить постоянную связь и иметь возможность планомерно посылать наших товарищей в партизанский отряд.

Мы узнаем о том, что в городе действительно ведется подготовка к созданию подпольной партийной организации, что на организационную конференцию мы будем приглашены. Обещания принимать наших людей в отряд мы не получили: у партизан, по поручению которых товарищ пришел к нам, еще не было постоянной базы, не хватало оружия и они не могли поэтому принимать новых людей. Мы дали задание еврейскому детскому писателю Мойше Левину (литературный псевдоним «Бер Сарин») организовать изготовление подложных паспортов. Теперь мы могли снабдить документами не только пришедшего товарища, но и тех обитателей гетто, которым часто приходилось выбираться за ограду.

В начале сентября 1941 года в гетто пришел первый посланец от партизанского отряда — еврейский паренек, носивший кличку «Федя». Уже после освобождения Минска, встретившись с ним на параде партизан,

нам удалось узнать кое-какие подробности его биографии. Фамилия его — Шедлецкий. Круглый сирота, он воспитывался в одном из минских детдомов. В июле 1941 г. он ушел к партизанам. За свою боевую партизанскую деятельность Федя награжден 3 орденами и медалями. В гетто он пришел вооруженный. По поручению своего командира, Федя обратился к председателю юденрата Илье Мушкину с приказанием: не платить немцам никакой контрибуции, а собранные у еврейского населения средства передать партизанам. Мы немедленно связались с Федей.

Для нас, уже два месяца томившихся в гетто, было большой радостью увидеть еврея без желтой заплаты, от речей и настроений которого веяло безграничным простором нашей страны. Это был первый живой привет от советских людей, уже проводящих непосредственную вооруженную борьбу во вражеском тылу. То, что для нас было только мечтой, нашло свое воплощение: «Путь из гетто неизбежно ведет к партизанскому отряду!» В этом мы еще больше убедились после первого же разговора с Федей. В письме к командиру мы сообщали, что предоставляем в распоряжение его отряда все наши силы. Как только он нам даст знать, что ему требуется, он получит все, вплоть до оружия. Мы, со своей стороны, просим помочь нам организовать вывод боеспособных людей из гетто в партизанские отряды.

Ф. Шедлецкий

Первый партизанский посланец

Всем связанным с нами товарищам мы дали директиву: собирать оружие, медикаменты, готовить сапоги, теплую одежду, — чтобы, по первому требованию командира, партизанскому отряду была оказана необходи-

мая помощь. Наша работа стала выходить из рамок одной лишь агитации и начала приобретать конкретное военное содержание. Нам была ясна не только цель, — мы знали уже средства и видели пути, ведущие к цели. И хотя день ото дня все больше зверели гитлеровские владыки гетто, и смерть все чаще и упорнее заглядывала в глаза каждому из нас, мы были преисполнены бодрости и веры в то, что нам удастся влиться в ряды народных мстителей.

Нас постиг тяжкий удар.

Охота на людей стала в гетто обыденным явлением. Из концлагеря на Широкой улице приехал дегенерат Городецкий — помещь белогвардейки и прусского солдафона, — и немедленно руководимые им рыцари грабежа и убийства начинали грабить и избивать. В одну из таких облав попал Яша Киркаешта. Он пустился бежать («Живым в руки врага не сдаваться!»), и его настигла разрывная пуля. Он упал замертво недалеко от квартиры, в которой происходило наше первое совещание. Никто в гетто, казалось, не знал Яшу, но на его похороны собралось много народа. Это были единственные за два года массовые похороны в Минском гетто, на которых так подчеркнута была продемонстрирована ненависть к врагу. Без выступлений и речей похоронили мы Яшу. Никого не удивила табличка, которую мы поставили на свежей могиле: «Пал в борьбе». На похоронах произошло новое знакомство — мы впервые встретились с Михелем Гебелевым, который сразу занял место Яши в руководстве нашей организацией.

После смерти Яши мы решили строже законспирировать, отыскать место, которое давало бы возможность уберечься от облав. Мы остановились на инфекционной больнице в гетто. Еще со времени первой мировой войны было известно, какой страх испытывают немцы перед заразными болезнями. За два месяца жизни в гетто мы еще ни разу не видели, чтобы гитлеровцы переступили порог больницы. Мы немедленно связались с заведующим больницей доктором коммунистом Л. Я. Куликом. Мы сказали ему открыто: сюда в больницу будут тянуться нити со всех уголков гетто и города. Доктор Кулик, не раздумывая, поставил себя и все, что было в его распоряжении, на службу нашему общему делу. Впрочем, мы от него и не ждали другого

ответа. Мы давно и хорошо знали его. Бывший беспризорник, воспитанный в советском детдоме, он стал высококвалифицированным слесарем, активным работником минской комсомольской организации. Стремясь к образованию, он пошел учиться в Минский медицинский институт. Коммунист Кулик хорошо знал язык воинской дисциплины и боевой готовности.

Котельная больницы сделалась нашей штаб-квартирой. У ворот всегда ведет наблюдение скромная и беззаветно преданная делу коммунистка Лиза Рис. Ей помогает девятилетняя дочурка Рита, которая уже знает, что значит уметь молчать и «не знать ни о чем». Все, что делается в гетто, самые последние новости известны Лизе Рис, которая знает кому и что надо передать, кого впустить на территорию инфекционной больницы и куда послать.

Такие звенья связи у нас были с первых же дней нашей работы в целом ряде пунктов, как в гетто, так и вне его.

Троим нашим проверенным товарищам — Добину, Гельман и Зискину было поручено узнавать в полиции, что замышляют фашисты против партизанского движения и населения гетто.

В середине октября наши товарищи сообщили о том, что готовится сокращение территории гетто. Известно даже, какие улицы должны быть очищены от евреев, — речь идет о Немиге и ул. Островского — двух улицах, на которых сконцентрирована почти треть населения гетто. Сразу поняв какое новое бедствие надвигается на нас, — сам факт увеличения и без того невыносимой тесноты значительно ухудшал положение, — мы, однако, наивно полагали, что речь действительно идет о территориальной урезке... Между собой мы говорили: «Они толкают нас все ближе и ближе к кладбищу».

Мы поручили всем нашим товарищам предупредить жителей Немиги и ул. Островского о том, чтобы они заблаговременно перебрались к соседям на другие улицы. Многие попытались, но безрезультатно: теснота, казалось, была настолько велика, что нечего было говорить о том, чтобы еще больше стеснить людей... Некоторые же спокойно ждали: прикажут очистить квартиру, стало быть — дадут другую...

Беспокойство охватило все население гетто только накануне 7 ноября 1941 года, когда под вечер в гетто явился Городецкий со всей бандой. Они собрали не-

сколько сот высококвалифицированных рабочих, членов юденрата с семьями и перевели их из гетто в концлагерь на Широкую улицу. Что это значит, никто не знал, но что надвигается какое-то страшное несчастье — чувствовали все.

Размеры бедствия оказались гораздо большими, чем можно было представить себе даже по тому времени.

Накануне великого праздника—24-й годовщины Октябрьской Социалистической революции — мы поручили нашим товарищам 7 ноября провести небольшие массовки, рассказать людям о борьбе советского народа и призвать к мобилизации всех сил на помощь борцам за свободу и независимость нашей Родины.

Утром 7 ноября, как-раз в то время, когда в Москве на Красной площади вооруженный советский народ демонстрировал свою решимость всеми силами противостоять наступающему врагу и изгнать его из нашей земли, гетто было оцеплено сплошной цепью полицейских. Следом прибыли гестаповские части и их помощники и стали грузить людей с Немиги, улицы Островского и прилегающих переулков в большие черные автомашины.

Ехать им было недалеко. На Апанской улице, где когда-то помещалась 6-я колония НКВД, выгружали людей и загоняли в огромные мрачные склады, в которых раньше хранился багаж. Теснота там была невыносимая, люди теряли сознание, дети задыхались на руках у матерей. Нехватало воздуха, не было ни капли воды, чтобы освежить запекшиеся губы.

Двенадцать тысяч евреев было в течение одного дня вывезено из гетто. На следующий день их привезли в Тучинку, где уже были приготовлены ямы. Никто в гетто больше не питал никаких иллюзий: близкая стрельба из автоматов и винтовок разъяснила, что произошло с жителями Немиги, улицы Островского и прилегающих переулков.

Медленнее обычного наступала осенняя ночь. В гетто было так тихо, точно не двенадцать, а все восемьдесят тысяч евреев были убиты в этот день... Никаких признаков жизни, ни огонька, ни шороха. Лишь частая стрельба полицейских глухо отдавалась в жуткой тишине...

Но в Минском гетто остались люди, они жили, надеялись и верили, что, несмотря ни на что, мы победим.

В тесной камерке на той же Апанской улице, по ко-

торой весь день пронеслись машины смерти, у работницы швейной фабрики Иды Алер собрались советские граждане, чтобы отметить великий праздник освобождения — 24-ю годовщину Октябрьской революции. В полумраке были отчетливо видны глубокие морщины, избородившие лбы даже самых молодых. Мы сидели вокруг убогого стола, углубленные в свои думы и пытались заглушить боль, чтобы не омрачать праздничного часа. Вот поднялся с места рабочий фабрики имени Кагановича Гольдзак.

— Я не оратор, — сказал он, — да и к чему слова? Ясно, что сидеть и справлять траур сейчас нельзя, вообще сидеть больше нельзя! Надо действовать, чтобы увидеть врага поверженным!

Стиснуты зубы у рабочего завода имени Кирова — Цукера. Слово его кратко. Он знает, он верит:

— Победа будет за нами!

Хаим Цукер, ставший впоследствии специалистом по устройству «малин» в гетто, из какого-то тайника вытащил патефон. И по-новому, как никогда раньше, зазвучали жизнеутверждающие советские боевые песни...

IV. ПЕРВЫЙ ПРОРЫВ СКВОЗЬ ОГРАДУ ГЕТТО

После расстрела в день 7 ноября территория гетто была значительно урезана. Опустевшие квартиры были частично заселены белоруссами, частично — привезенными из Германии евреями. Их называли «гамбургскими», потому что большинство из них было из Гамбурга. Помимо проволочных заграждений и полицейских постов вокруг гетто, проволочные заграждения были теперь устроены внутри самого гетто, чтобы отделить немецких евреев от советских. И минских евреев гитлеровцы пытаются разделить на две части: в одной половине гетто поселить всех специалистов, работников юденрата и охраны порядка, в другой, по ту сторону Юбилейной площади, всех остальных. Последние прекрасно понимали, что они составляют очередную партию обреченных.

Через наших уполномоченных, работающих в аппарате юденрата, главным образом, в жилищном отделе, мы старались перевести в квартал «специалистов» как можно больше людей (мы получили в свое распоряжение большое количество подложных удостоверений). Таким образом нам в известной степени удалось помешать гитлеровцам создать два гетто. Совершенно отде-

лить специалистов от неквалифицированных рабочих гитлеровцы не сумели, потому что всех специалистов никак не удалось переселить в отведенный для них квартал. Многие остались на прежних местах. Одновременно мы поручили всем нашим товарищам всячески разъяснять, что свидетельство о квалификации ни в какой степени не является «путевкой в жизнь», что все это обман, который рассеется при очередной резне.

Положение наше очень тяжелое. Конкретных указаний мы дать не можем. Связей с белорусскими товарищами у нас нет, с партизанским отрядом мы тоже еще не связаны. Жизнь каждого из нас висит на волоске, а откуда придет помощь, мы не знаем. У некоторых товарищей замечается тенденция действовать по принципу «спасайся, кто может». Это противоречит задачам, которые мы поставили перед собой на нашем организационном совещании.

**

«Женька» сообщил: «В квартире вне гетто (на Абутовой улице) будет ждать русский товарищ, который хочет поговорить с нами о делах, интересующих нас».

К «Женьке» мы все относились с большим доверием. Несмотря на свою молодость (ему тогда исполнилось 17 лет), он оказался прекрасным конспиратором. Дисциплинированный, скромный, молчаливый, он за пределами гетто неустанно искал товарищей, с которыми можно было бы объединиться в борьбе за освобождение. И вот «Женька» напал на группу товарищей — русских и белоруссов, готовых отдать все свои силы борьбе против гитлеровских захватчиков. Не имея опыта подпольной работы, эти товарищи не решались создать самостоятельную организацию. Кроме того, они, как и мы, были уверены, что в Минске существует такая организация, но что найти к ней доступ пока невозможно, так как она тщательно законспирирована. Когда эти товарищи через «Женьку» узнали, что мы в гетто организовались, они выразили желание встретиться с нами и обо всем переговорить.

Сорвав с себя желтые заплатки и переодевшись в приличное платье (вместо засаленной кочегарской «спецовки»), мы вдвоем с «Женькой» прошмыгнули за ограду гетто. И вот мы в условленном месте. Нас уже ждали. На минуту нам показалось, что это товарищеская встреча в доброе старое время, когда ни гетто, ни

желтых заплат и в помине не было. Так приветливо и дружелюбно смотрел на нас молодой человек, лет тридцати, представившийся нам и назвавший себя Славком («Наверное, кличка!» — подсказало мне чутье подпольщика).

Хотя он был в гражданском, все же чувствовалось, что военную форму он снял совсем недавно. С любопытством разглядывала нас молодая женщина в красном берете, прислушивавшаяся к нашей беседе. Она молчала все время, но сделала свои «выводы»: заметив, как мы истощены, она через некоторое время направилась в деревню, раздобыла немного продуктов и переслала их нам в гетто. Не спускал с нас глаз молодой, стройный парень, сопровождавший Славка и интересовавшийся главным образом работой нашей молодежи («очевидно, комсомольский работник» — подумалось мне).

Славка интересовали два вопроса: 1) кто дал нам указание организовать и создать руководящий центр и 2) что и как мы намерены предпринять.

Опыт добрых полутора десятков лет подпольной работы был окончательно забыт (может быть этому способствовала сердечная теплота, светившаяся в глазах этих трех товарищей), и началась беседа, откровенная, без следа предосторожностей.

— Организоваться приказала нам наша большевистская совесть, диктующая нам: в каком бы положении народ ни находился, будь в первых рядах, руководи его борьбой, подавай пример присутствия духа и преданности! Кроме того, добрых сорок лет тому назад был провозглашен ленинский принцип: членом партии является только тот, кто принадлежит к местной партийной организации, выполняет все партийные обязанности и т. д. Вот почему мы создали партийные организации даже в фашистских тюрьмах и концлагерях. Вот почему мы создали такую организацию и в самом страшном концентрационном лагере, именуемом гетто.

— Ну, а если в городе уже имеется такая организация? — спрашивает Славек, — если существует подпольный центр?

— В таком случае они узнают о нас лишь тогда, когда мы начнем работать. Тогда они примут нас под свое руководство и скажут, что мы поступили правильно.

Дальше: мы хотим вывести наших братьев и сестер из гетто; мы хотим включиться во всенародную борьбу

против общего врага; мы хотим влиться в партизанские отряды; мы хотим помочь росту движения народных мстителей. У нас есть прекрасные люди, мы можем раздобыть оружие... Нам нехватает только одного — и это самое главное — помощи со стороны белорусских народных масс. Без этой помощи мы обречены на гибель. Можете ли вы нам помочь?

— Мы еще встретимся! — сказал Славек. — «Женька» вас известит.

Дружески пожав друг другу руки, мы расстались.

Вновь пришивая к нашей одежде желтая заплатка выглядела на этот раз более издевательски, чем когда бы то ни было.

Доктор Кулик и Лиза Рис, долго провожавшие нас взглядом, когда мы выбирались из гетто, облегченно вздохнули, увидев нас.

— Как дела?

— Все будет хорошо!..

V. В ЕДИНЫХ БОЕВЫХ РЯДАХ

...А пока было плохо, очень плохо. Не прошло и двух недель после страшной резни в день 7 ноября, как снова часть гетто (Татарская улица, вторая часть Замковой и другие улицы, на которых жили также специалисты) была оцеплена гестаповскими бандитами. Мрачные «автомобили смерти» возобновили свои рейсы между гетто и Тучинкой. Больных и стариков, которые не в силах были дойти до машины, расстреливали на месте. На нежнобелом, только что выпавшем снегу адела детская кровь... На Танковой улице упала мать, которая одного ребенка несла на руках, а другого вела за руку.

— Стреляйте! — сказала она, обращаясь к злодеям, — убейте нас здесь, на месте! Дальше идти незачем...

Немцы убили всех троих.

Еще пять тысяч евреев было уничтожено в день 20 ноября 1941 года. Среди них — наш общий любимец Вайнгауз, человек, питавший обитателей гетто бодростью и верой в то, что победа близка, что мы одолеем гитлеровских бандитов. В разграбленных квартирах разрушенного квартала погибли наши радиоприемники... У некоторых наших товарищей стали опускаться руки. Неужели наши стремления, наши планы так и останутся мечтой? Неужели нам суждено погибнуть

прежде, чем удастся осуществить то, что стало содержанием нашей жизни в гетто?

Бывший заведующий отделом пропаганды Сталинского райкома партии в Минске Пруслин, которого мы ввели в наш центр на место Вайнгауза, пришел из местечка Узды. Он рассказал о молодом еврее, который у могилы набросился на фашистов, начал с ними бороться. Многие обреченные, воспользовавшись суматохой, разбежались и, таким образом, спаслись. Иначе говоря, если погибать, то в борьбе. Надо взяться за организацию вооруженных отрядов самозащиты.

Мы понимали: начать в одной какой-нибудь части гетто вооруженную борьбу — значит обречь на гибель все население гетто. А конечная наша цель — вывести людей из гетто, чтобы жить, бороться и мстить. Значит, не время думать лишь о почетной смерти!

В гетто был брошен и живо подхвачен призыв:

— Вооружайтесь!

У границ гетто идет лихорадочная торговля. Кто-то подкупил нескольких полицейских, и есть уже места, где колючая проволока перерезается, когда надо протащить мешок картофеля или перебросить некоторое количество муки и крупы. После убийств 20 ноября появился невероятный спрос на револьверы, гранаты, патроны, даже на винтовки. За оружие платят часами, золотыми монетами, костюмами... Люди чувствуют себя увереннее, зная, что на последнюю минуту жизни приготовлено нечто, дающее возможность умереть с утоленной жаждой мести. Каменщик Михл Рудинский накопил деньги и приобрел винтовку. Портной Баум, работающий в мастерской при немецкой полиции, постоянно носит при себе большие ножницы, которые должны послужить ему оружием в случае столкновения с врагом.

В эти дни, исполненные лихорадочных поисков выхода и спасения от очередного избиения, «Женька» принес нам записочку: «По адресу, который будет указан устно, и с паролем, который вам передадут, пришлите вашего делегата на совещание».

Подпись: «Славек».

Мы уполномочили Михеля Гебелева пойти на это совещание. Он не очень похож на еврея по внешности, это даст ему возможность свободного передвижения вне гетто. Кроме того, он давнишний минский партийный работник и сразу же увидит, с кем имеет дело.

На всякий случай даем ему директиву: надо немедленно получить помощь, чтобы вывести из гетто в первую очередь боеспособных людей, бывших командиров и бойцов Красной Армии.

С совещания Михель вернулся сияющий. Исчезло его мрачное настроение, он стал подвижнее и бодрее. На совещании он встретил много старых знакомых, заслуживающих полного доверия. Они хотят работать. Совещание решило создать нелегальную городскую организацию, широкую сеть партийных групп («десятков») по всему городу, включая и гетто, выделить руководящий центр. На тот случай, если бы оказалось, что в городе уже существует такой центр, совещание решило назвать вновь созданный орган — «резервным комитетом». Решено послать людей для установления связи с партизанскими отрядами, организовать подпольную редакцию и типографию.

У всех сразу поднялось настроение: наконец-то покончено с нашей изолированностью! Отныне мы не предоставлены самим себе, мы органическая часть общегородской боевой организации!

Мы немедленно доводим об этом до сведения всех наших товарищей и приступаем к организации «десятков». Первые три «десятка» возглавляют члены нашей организационной группы.

В одно ноябрьское утро мы расставили усиленную охрану в районе еврейского кладбища. Нескольким товарищами с желтыми нарукавными повязками «охраны порядка» мы поручили следить за всей прилегающей местностью. Сквозь заблаговременно перерезанную проволоку в гетто вошел «Женька», а за ним — с желтыми заплатами на груди и плечах — Славек. В комнате доктора Кулика состоялось первое совещание организационного центра гетто с представителем общегородского комитета. Необходимо было наметить ближайшие задачи. Мы рассказали о положении в гетто. Времени у нас остается очень мало, нужно спасти все, что можно! Но Славек рассказал нам об огромных трудностях, испытываемых организацией: постоянная связь с партизанскими отрядами еще не налажена. В городе имеется очень много людей, которые должны быть немедленно отправлены в партизанские отряды. В этом направлении предпринимаются меры. Гетто, несомненно, получит возможность вывести максимальное количество людей.

Мы точно определили наши ближайшие задачи:

- 1) отобрать наиболее боеспособных и морально устойчивых людей и под личную ответственность секретарей «десятков» подготовить их к уходу в ряды партизан;
- 2) энергично собирать оружие и одежду с таким расчетом, чтобы не меньше половины тех, которые будут посланы в отряды, были снабжены, по крайней мере, личным оружием;
- 3) создать фонд медикаментов и подготовить медицинских работников (в первую очередь военных врачей) для отправки в отряды;
- 4) ввиду ужасающей нужды, царящей в гетто, создать фонд материальной помощи за счет тех, кто в качестве специалистов работает в принудительном порядке у немцев.

Мы обсудили вопрос о нашем отношении к юденрату. Несмотря на то, что юденрат является органом, насильно навязанным еврейскому населению, и что в его составе имеются люди, которые по существу являются честными советскими гражданами, — юденрат объективно играет роль проводника всех репрессивных мероприятий немецких властей, направленных против населения гетто. Поэтому мы должны разоблачать юденрат, как враждебный народу орган, составляющий неотъемлемую часть всей гитлеровской системы угнетения.

Славек спорит с нами, он не согласен с этой точкой зрения, и мы приходим к выводу, что необходимо организовать наиболее честную советскую прослойку юденрата для того, чтобы ослабить действие террористических мероприятий немцев и заблаговременно предупредить еврейское население обо всех опасностях. Из контрибуционных сумм и всех немецких «заказов», выполняемых в гетто (такие «заказы» поступают ежедневно: на кожевенные товары, мануфактуру, меховые изделия и т. д.), большая часть должна передаваться в распоряжение городского комитета для нужд партизанского движения.

Затем мы беседуем со Славексом по общим вопросам. Берем на себя оборудование общегородской типографии.

Уходим с совещания с мыслью: наступил самый решительный момент в нашей работе! Надо практически осуществить все то, что широко откроет путь из гетто и даст возможность включиться в борьбу против общего врага.

Задача не легкая. Хватит ли времени, чтобы ее решить? Но сознание, что мы больше не одни, что на помощь к нам пришли белорусские товарищи, придает нам силы и укрепляет наше стремление выстоять в этой неравной борьбе.

VI. ДРУЖБА

В эти дни среди белорусского населения возникла поговорка: «Вами, евреями, заквасили, нами, белоруссами, замешивать будут»... Общность участи, которую гитлеровские звери готовили для всего советского населения, очень часто ломала ограды гетто. Истребление белорусского населения с первых же дней оккупации носило характер подробно разработанной системы. Одновременно с первым немецким приказом о расстреле «100 жидов-коммунистов» на улицах Минска были расклеены извещения о том, что «вследствие имевших место диверсионных актов, направленных против германских войск, расстреляно сто мужчин... В дальнейшем каждая диверсия, виновники которой не будут обнаружены, повлечет за собой расстрел 50 мужчин». А так как виновников никогда не удавалось обнаружить, на минских улицах происходили бесконечные облавы, минская тюрьма была постоянно переполнена белоруссами — горожанами и сельскими жителями, а из тюрьмы был один путь — на виселицу, в могилу.

Возмущение и гнев в широчайших слоях минского населения вызвала расправа, которую немцы учинили в первые дни октября 1941 года. На всех городских площадях, в сквере на улице Энгельса, на перекрестке дорог Борисов—Логойск, на Червенском базаре и в других местах были водружены виселицы. На них висели молодые советские люди (по трое на каждой площадке — двое мужчин и одна женщина). На груди у повешенных — дощечки с надписью: «Мы боролись против германской власти».

Несмотря на кровавый террор, узы дружбы, связывающие евреев и белоруссов, не ослабевали.

Стоило полицейской страже завернуть за угол, как из дворов, расположенных рядом с гетто, выбегали люди и поспешно перекидывались несколькими дружескими словами с знакомыми евреями по другую сторону колючей проволоки или перебрасывали немного продуктов.

...Возле ограды гетто по Зеленой улице вот уже полдня туда и обратно шагает крестьянин. Как только у ограды покажется еврей, упрасивает: «Сходите, узнайте, как там семья Янкеля Слоуща, живы ли они?» Когда он, наконец, узнает о том, что вся эта семья погибла, он не уходит. Он подзывает проходящих мимо женщины и детей и говорит: «Сейчас приду, погодите минуточку!» И через минуту приносит мешок картошки, потом мешок капусты и свеклы и перебрасывает их через ограду, приговаривая: «Ешьте на здоровье! Крепитесь! Авось мы его переживем»...

Со стороны Шорной—Абутковой улиц к ограде часто подъезжает Николай Романович Щасный из Ратомки¹. Он привозит продукты для ратомского врача—Доры Альперович, для знакомых — Плискина, Кац, Богданова. Однажды он привез и еще кое-что. Но тут уж ему пришлось самому перелезть через ограду, чтобы передать свой особо ценный подарок собственноручно: он привез Доре Альперович револьвер. В другой раз он вместе с продуктами привез мальчика из Ратомского детдома. Шестьдесят еврейских детей из Ратомского детдома Николай Романович спас. Он добрался до документов детдома и в списках против имени каждого еврейского ребенка написал: «белорусс, о родителях сведений нет». Но вот этого мальчика, что на возу, он вынужден был спешно увезти из детдома: мальчика все, от мала до велика, называют «Чапаев». Гитлеровцы об этом пронюхали, и ребенку, носящему такое «предосудительное» имя, грозила смерть...

**

Бывшего учителя белорусской школы в колхозе «Красный Маяк» (Минского района) гитлеровцы упрятали в «надёжное» место: в концлагерь на Широкой улице. Это было еще в те дни, когда на улочках гетто свирепствовал Городецкий. Учитель стал в лагере шофером. Окольными путями он добрался до гетто и сообщил Мушкину, что в лагере на Широкой систематически истребляют евреев. Попыткам и страданиям нет конца. Люди в лагере падают от истощения, от голода... Нужно спасти людей!

Видя беспомощность работников юденрата, учитель

¹ Местечко в окрестностях Минска.

принялся спасать людей из лагеря сам. На «своей» машине он стал вывозить евреев из лагеря.

— Где он сейчас, мой спаситель? — спрашивает партизан отряда имени Буденного, Лева Бейлин.

Квартиру Марии Адамовны Ясинской на улице Берсона (недалеко от гестапо) евреи называли «филиалом гетто». Когда осужденному к смертной казни коммунисту Исроэлю Голанду удалось бежать из концлагеря на Широкой улице, он скрывался у Марии Адамовны. Нашу связную Клару Железняк прописали по подложному паспорту в квартире Ясинской. Михель Гебелев, когда ему приходилось оставаться в городе, ночевал у Марии Адамовны.

Таких, как Мария Адамовна (позже она с группой евреев ушла к партизанам), было много. Многие белорусские и русские женщины даже жили в гетто, носили желтые заплатки и переносили все тяготы, не желая расставаться со своими родственниками-евреями.

После того, что произошло в ночь с 21 на 22 декабря 1941 года, дружественные отношения между евреями и белорусами нередко приобретали демонстративный характер. В эту страшную ночь на Московской, Советской и Пушкинской улицах, на протяжении 6 километров, были выложены десятки тысяч тел расстрелянных советских военнопленных. Полунагих людей, которых в декабрьский мороз везли на открытых платформах, гитлеровские варвары выгрузили в Минске и приказали идти в поле. Пронизывающий ветер выдувал остатки живого человеческого тепла. Полузамерзшие люди не были в состоянии быстро двигаться. Фашисты открыли по ним стрельбу. Она продолжалась всю ночь, до утра...

На следующий день жители не выходили из домов, чтобы не видеть замерзшие реки крови и горы окоченевших трупов. Сжимались кулаки, ненависть к убийцам распирала сердце, и еще больше крепла советская дружба народов.

И те, кто ушел из Минского гетто в леса, чтобы вести вооруженную борьбу, и те, кто бежал в белорусские деревни и поселки, спасая жизнь, чувствовали это на каждом шагу.

Без братской помощи белорусского населения ни один еврей не остался бы в живых. А в живых остались тысячи.

VII. ПЕРВЫЕ ПАРТИЗАНЫ ИЗ МИНСКОГО ГЕТТО

«Федя» снова пришел в гетто!

Он пришел по заданию командира партизанского отряда — взять людей из гетто к партизанам. В темной котельной инфекционной больницы, где произошла наша встреча, сразу будто посветлело. А тут, как назло, чаще, чем когда бы то ни было, появляются медсестры и врачи, то за горячей водой, то просто погреться! Люди проводали: к кочегару пришел «лесной брат». «Федя» вообще не знает, что такое предосторожность. Он пришел к нам в своем партизанском одеянии, — в полушубке, подпоясанном ремнем. Своего коня, — говорит он, — оставил неподалеку от гетто. Мы слушаем его рассказы о партизанской борьбе, о партизанском быте, о селах, в которых существует настоящая советская власть... И кажется, что избавление так близко! Как же вывести всех из гетто туда, где господствуют законы родной советской власти!

Федя рассказывает и о трудностях: приходится постоянно быть в движении; оружия и амуниции не хватает; вражеские гарнизоны окружают со всех сторон... Надо быть очень стойким, трудности велики... Отсюда вывод — посылать в отряд только наиболее выдержанных, прошедших военную школу людей.

У нас уже готова группа. Это первые наши посланцы. Их немного, но, главное, — начало положено.

Чтобы приготовить все необходимое для приема более крупной группы людей из гетто, мы послали одного из участников нашего первого совещания, товарища Хаймовича. Он рабочий. Получил основательное идейно-политическое воспитание в рядах Красной Армии, в которой прослужил шесть лет. После демобилизации партия поручила ему ответственный пост директора крупной текстильной фабрики. Человек молчаливый и решительный, он сразу же связался с русскими товарищами — Иваном Кудряковым и Владимиром Шулковым, которые обещали ему раздобыть оружие. Была выделена группа из пяти товарищей: участник нашего совещания Евсей Шнитман, коммунист Гинзбург, комсомолец Рудицер и т.т. Абраша и Белкин. В самом гетто они раздобыли две телеги с лошадьми, в телегах соорудили двойные днища, чтобы спрятать оружие, и в четыре часа утра вышли из гетто через заранее подготовленное место.

Подъезжая к Кальварии, они встретили Кудрякова. Он указал, где спрятано оружие. Несмотря на то, что в пятидесяти метрах от этого места непрерывно курсировали немецкие автомашины, товарищи энергично взялись за работу, выкопали из земли тринадцать винтовок и 4000 патронов, погрузили все это на телеги, сорвали с себя желтые заплатки и проехали буквально через центр города в направлении Бобровического леса в Рудянском районе (километрах в 30 от Минска). По прибытии в лес они отослали одного человека из группы, имевшего паспорт белоруса, обратно в Минск за новой партией людей. Оставшиеся в лесу принялись рыть землянку. Из гетто были привезены лопаты, топоры, пилы. Работа шла споро, и за один день была готова хорошо замаскированная землянка. До прихода из гетто второй группы оставшиеся в лесу успели вычистить оружие и привести себя в полную боевую готовность. К условленному времени из гетто прибыло еще 20 человек, среди них — старший лейтенант Леонид Окунь, член нашей организации Гриша Гордон, пятидесятилетний Яков Песин, Сеня Аврукин, Яшка и Наум Рудицеры. Вел эту группу «Федя», который сразу связался со своим отрядом. Когда группа спасшихся из гетто прибыла в партизанский лагерь (в Колодинском лесу), она была сердечно принята командирами и партизанами. Командир приказал зарезать корову, чтобы угостить прибывших товарищей. С первой же минуты в партизанском лагере установилась атмосфера дружбы и товарищества. С большим вниманием и сочувствием слушали партизаны страшные рассказы о положении в гетто. Командир отряда немедленно отправил посланца в гетто за новой партией.

— Безразлично, — сказал он, — мужчины или женщины... Все, кто хочет вести борьбу с кровавым врагом, должны быть в партизанских рядах!

Вскоре прибыла машина непосредственно из гетто. Приехала первая группа женщин. Среди них — т.т. Аня Бронштейн, Дина Бейнинсон, Таня Берман, Хана Рубинчик, Надя Рудицер и другие. Командир отряда приказал создать из вновь прибывших подразделение пулеметчиков. Это было первое подразделение пулеметчиков в партизанском отряде, который впоследствии, уже будучи партизанским полком № 208 имени Сталина, прославился по всей Белоруссии. Комиссаром отряда вскоре стал один из основателей и руководителей пар-

Первые партизаны—выходцы из Минского гетто. Справа налево: (сидят) А. Релькин, Ф. Шедлецкий; (стоят) Г. Гордон и Б. Хаймович

тизанского движения в Белоруссии — Герой Советского Союза Николай Прокофьевич Покровский.

Первые боевые приветы мы получили через Федю, часто по различным поручениям приезжавшего в Минск. Они вызывают в нас чувство гордости. Мы были счастливы, что наши товарищи из гетто проявляют мужество и отвагу в борьбе и беззаветную преданность. Половина коммунистов отряда — выходцы из гетто. Тов. Хаимович с первых дней сделался руководителем этой партиорганизации.

Через нас Федя связался с белорусскими товарищами, которые стали посылать в этот отряд группы минских рабочих. Связь эта продолжалась до тех пор, пока отряд, сильно разросшийся и обогащенный боевым опытом, не перешел из Минской области в Могилевскую.

В это же время была сделана еще одна попытка установить связь с крупным партизанским отрядом, действовавшим, по имевшимся сведениям, в Руденских лесах. Бывший секретарь Руденского райкома комсомола Исроэль Лapidус, хорошо знавший эти края, собрал дисциплинированную группу — среди них были Лена Гуревич (с фабрики имени Кагановича), Шимон Лapidус — пекарь, Авром Гантман — кожевник, Рахмиэль Довидсон — шофер, Маша Лapidус — портниха и другие, — и они двинулись в путь. Прибыли они на место спустя два дня после того, как в этом районе произошел крупный бой между партизанами и гитлеровским карательным отрядом. Партизанский отряд ушел отсюда в другой лес. Пришлось нашим товарищам вернуться и готовиться к следующему, на этот раз более удачному, уходу в лес.

VIII. НАЧАЛАСЬ НАПРЯЖЕННАЯ РАБОТА

Первые положительные результаты нашей работы повысили активность как уже организованных товарищей, так и тех, кто только еще искал связей с подпольным центром в гетто.

Ежедневно в гетто приходил из города товарищ, который встречался с представителями нелегального центра и с доверенными людьми из юденрата. Он получал в гетто большие партии теплой одежды, обуви, медикаментов, мыла, нередко также крупные суммы денег и ценности, которые поступали в распоряжение городского комитета и пересылались потом в партизанские отряды. Через него же мы получили директиву

объединить все боевые группы, существующие в гетто, и возглавить их. Мы проверили состав группы Наума Фельдмана и решили организовать ее по системе «десятков». К прежним трем «десяткам» присоединились новые, причем у каждого из этих «десятков» на счету определенное количество людей, посланных в партизанские отряды, накопленное оружие и медикаменты. Уже в первые месяцы 1942 года в составе подпольной организации гетто насчитывалось 12 «десятков». Секретарями десятков были: **Ефим Столяревич, Михель Гебелев, М. Пруслин** (по уходе в партизанский отряд его заменила **Роза Липская**), **Наум Фельдман**, **Лена Майзелис** (по уходе в партизанский отряд ее заменила **Надя Шуссер**), **Зяма Окунь, Миркин, Лева Гуревич, Миша Каган** (по уходе в партизанский отряд его заменил **Хонон Гусинов**), **Наум Брустин, Авром Шляхтович, Иоэль Рольбин**.

Наша организация в гетто вместе с молодежными группами насчитывала к тому времени около трехсот боееспособных, преданных и бесстрашных товарищей, передававших каждую нашу директиву широким массам населения гетто.

Руководящее ядро организации в гетто разделило между собой работу. **Михл Гебелев** занимался преимущественно налаживанием связей вне гетто. **Мотя Пруслин** — организацией пропагандистской работы. **Ефим Столяревич** руководил «десятками» и отправкой людей в партизанские отряды. **Наум Фельдман** — организацией материальной помощи ухода-

М. Пруслин

Член руководящего центра подпольной боевой организации Минского гетто. Повешен гитлеровскими палачами в апреле 1942 г.

щим в отряды и особо нуждающимся в гетто. Зяма Окунь — организационной подпольной типографии.

В исключительно тяжелых условиях гетто успех работы и сохранность руководящих кадров зависели главным образом от хорошо налаженной связи. С этой целью мы организовали специальную женскую группу. Все нити внутренней организации были сосредоточены в руках Эммы Родовой. Эта двадцатилетняя девушка, до войны не имевшая никакого представления о подпольной работе, проявила талант и способности прирожденного конспиратора. Молчаливая от природы, она говорила только о самом необходимом, остерегаясь лишних слов. Она понимала лишь язык приказов и кратких рапортов об исполнении. Переспрашивать Эмму и проверять, поняла ли она приказание, значило оскорбить ее. В таких случаях она, бывало, только взглянет исподлобья и уйдет, иной раз даже не попрощавшись. Исключительно скромная и нетребовательная, она неизменно отвергала всякое предложение о материальной помощи, хотя мы знали, что она голодает, обходясь горстью картофельной шелухи в день.

Нина Лис вообще не знала, что такое конспирация. Неумная энергия бурлила в этой молодой женщине с небесно-голубыми глазами. Стоило ей приняться за какое-нибудь дело, как вокруг нее становилось так шумно, что все сразу догадывались, чем она занята. Зато она не знала страха, хотя ей приходилось заботиться и о старухе-матери, которую бандитская пуля в одну из страшных ночей превратила в инвалида, и о пятилетней дочурке. Нине мы поручали работу вне гетто, а иногда и за городом. Ее, как и всех наших связисток, снабдили подложным белорусским паспортом, который ей, с ее типично крестьянской внешностью, давал возможность свободно передвигаться вне гетто.

«Дипломатическим курьером» была спокойная и деловитая Хася Биндлер. Она поддерживала связь с работниками юденрата, еврейской охраны порядка, мастерских гетто и т. п.

«Толстая Клара» (фамилия автору неизвестна) занималась главным образом хозяйственными делами. Часто ей приходилось переносить на себе «запретные» вещи (маскировочные халаты, двупалые варежки, патроны и т. п.). Тогда она становилась еще толще.

Специальную женскую группу имел в своем распоряжении Гебелев для связи с «русским районом».

К этой группе принадлежали удивительно смелая тов. Аня (фамилия автору неизвестна), Клара Железняк-Горелик, Берта Либо и Слава Гебелева. От этих женщин требовалась особенная способность маскировки, так как нередко им приходилось по нескольку раз в день прескальзывать за ограду и сталкиваться лицом к лицу с полицейскими.

Хорошо налаженная связь в течение продолжительного времени давала нам возможность в условиях невероятной скученности, непрерывного террора глубоко законспирироваться и вести нашу работу систематически.

Все наши «десятки» энергично занимались отбором людей для отправки в партизанские отряды. Каждый секретарь устанавливал очередь для товарищей, которые должны уйти из гетто. Ежедневно происходит проверка оружия и медикаментов, которые «десятки» успели скопить.

Тов. Миркин устроил несколько человек из своего «десятка» на работу в одно немецкое учреждение. Ежедневно они приносят полные карманы ружейных патронов. «Десяток» тов. Кагана вооружен полностью, — преимущественно личным оружием (пистолетами, наганами и т. п.). У «десятка» Наума Брустина уже полтора десятка гранат (много инициативы проявил при этом молодой журналист Иосиф Миндель, который создал специальный «арсенал» в районе еврейского кладбища). Растет фонд боеприпасов «десятка» тов. Фельдмана. Из немецкого лагеря в Красном Урочище люди его «десятка» выносят оружие, которое они покупают у гитлеровцев и тайком доставляют в хорошо законспирированный склад на Республиканской улице. Товарищи из «десятка» Рольбина вырыли в самом гетто на Зеленой улице шесть винтовок и несколько сот патронов. Они же установили непосредственную связь с группой белорусских товарищей на Переспе. Ежедневно туда направляется их связистка Лиля Копелевич, систематически увеличивая фонд нашего оружия.

Много инициативы проявляла в деле обеспечения себя оружием и наша молодежь. Комсомольская группа, которой руководил Валик Житльзейф, сумела выкопать за стенами гетто около 30 винтовок и большое количество патронов. Группа Нонки Маркевича (к которой принадлежат Саня Каплинский, Шолом Грингауз, Яша Лапидус и другие) вышла из гетто и, при содействии школьных товарищей-белоруссов Вити Рудовича

и Коли Прищепчика, в районе Могилевского шоссе вырыла из земли 540 патронов, пулеметную ленту, 12 ружейных затворов, две гранаты и т. п.

Кроме организованных заготовок оружия, наши товарищи вели широкую агитацию среди населения гетто: необходимо добывать оружие всевозможными средствами и способами. Из оружейного склада немецкой полиции портной Авром Гельман утащил новенький автомат (получить автомат в то время было мечтой каждого партизана). Молодые рабочие Шие (фамилия автору неизвестна, героически погиб, уже будучи партизаном, в бою с гитлеровцами) и Лейбл Шафран нашли на торфозаводе под Минском пулемет «Максим». По частям его доставили в гетто и собрали. Наш призыв добывать оружие встретил в гетто горячий отклик и дал положительные результаты.

Не остался без ответа и призыв увеличивать запасы медикаментов. Прежде всего откликнулись медицинские работники. Врачи Кулик, Минкин, Зибцикер, Альперович, Керзон, Лифшиц, многие медсестры, санитары и фармацевты (т.т. Хинюк, Циля Клебанова, Хаютин и др.) собирают самое необходимое в боевых условиях: иод, бинты, разные мази от обморожения, чесотки, насекомых и т. п. Каждый «десяток» в отдельности создавал свой фонд медикаментов, похищая их у гитлеровцев и собирая среди населения. Авром Шляхтович связался с одним насильно мобилизованным поляком, который пересылал нам пакеты с ценнейшими медикаментами, выражая таким образом свои симпатии к нам и к партизанскому движению. У Цеси Мадейскер скапливается большое количество медикаментов, которыми мы при каждом удобном случае снабжаем группы, управляющиеся в партизанские отряды.

К тому же времени мы организовали также большую работу по заготовке одежды как для наших товарищей, направляемых в партизанские отряды, так и для самих отрядов.

При юденрате существуют мастерские, изготавливающие по приказу гитлеровских властей обувь, одежду, белье, теплые шапки. В гетто есть также мыловаренный завод и хлебопекарня. Мы предложили Науму Фельдману и Айзику Рубинчику, работавшим в этих мастерских, организовать дело таким образом, чтобы гитлеровцам попадал минимум продукции — столько, сколько необходимо для отвода глаз. Мастерские должны

работать для партизанского движения. Впоследствии, установив непосредственную связь с группой наших людей в юденрате, мы добились своего. Нередки были случаи, когда партизаны, переодетые в немецкую форму, подъезжали на грузовиках к мастерским в гетто и вывозили транспорты одежды, обуви, мыла и соли. Наряду с этим наши «десятки» организовали добровольные сборы одежды среди населения. На чердаке больницы, под видом одежды больных, подлежащей дезинфекции, мы собирали полушубки, ватники, теплые брюки, шапки и т. п.

Наша пропагандистская работа расширялась. После гибели т. Вайнгауза работа по приему и распространению среди населения сведений о действительном положении на фронтах и в Советском Союзе на некоторое время ослабла. Лишь время от времени наши электротехники и рабочие минского радиозавода дорывались до немецких радиоприемников, а потом на память записывали советскую оперативную сводку, которую мы распространяли в гетто. Даже по немецким сводкам можно было представить себе, какой удар был нанесен фашистам под Москвой. Но очень хотелось знать подробности, весь ход исторического перелома в Отечественной войне. Мы наказали нашим товарищам приложить все силы к тому, чтобы раздобыть радиоприемники: мы имели в виду и постоянные просьбы партизанских отрядов снабдить их радиоаппаратурой. Этим делом занялся т. Сегальчук, работавший радиотехником в немецком генерал-комиссариате и выносивший оттуда радиодетали. Товарищи, работающие на радиозаводе, также ухитрялись, несмотря на постоянную слежку надзирателей, приносить в гетто радиолампы, аккумуляторы, батареи и пр. С помощью нашего радиотехника т. Туника мы в подzemелье на ул. Шевченко установили радиоприемник.

Студент юридического факультета Хонон Гусинов назначен специальным радистом. Он получил в свое распоряжение пишущую машинку и дважды в день представлял нам материалы Советского информбюро. Время от времени он принимал также передовые «Правды», которые мы вместе с другими важными материалами пересылали в городской комитет.

Исключительно важным событием в жизни не только населения гетто, но и всех советских людей в Минске, было «случайное» получение нами доклада

товарища Сталина о 24-й годовщине Великой Октябрьской Социалистической революции. Группу евреев вели на работу к торфяному заводу в окрестностях Минска. По пути к колонне подошел крестьянин и, незаметно передав человеку, оказавшемуся одним из наших, свернутую бумагу, прошептал при этом: «Возьмите... Авось разберетесь... В поле нашел»...

В гетто мы быстро «разобрались». Это был польский перевод доклада. Мы перевели доклад на еврейский язык, и он пошел по рукам. В течение многих недель люди передавали друг другу выученные наизусть выдержки из этого исторического доклада. Днем, в часы тяжелой принудительной работы, по ночам, в немислимой тесноте клеток гетто, люди передавали слова товарища Сталина, как счастливую весть о том, что гитлеровская Германия должна рухнуть под тяжестью совершенных ею преступлений.

Приобретавшая все более широкий размах пропаганда в свою очередь вызывала все более широкий и настойчивый спрос на подробные, исчерпывающие материалы о борьбе советского народа.

Остро встал вопрос об организации общегородской типографии. Этим вопросом занялись «десятки» т.т. Окуня и Н. Фельдмана. У них были опытные типографские рабочие, постоянная связь с людьми, работающими в немецких типографиях. Очень скоро была организована планомерная доставка в гетто шрифта и других типографских материалов. В «малине» у Окуня с течением времени скопилось столько шрифта, что его могло бы хватить на несколько типографий. Мы сообщили об этом Славеку, и весь материал через «Женьку» переправили из гетто в город. Комитет потребовал от нас квалифицированного работника для типографии. На эту почетную работу мы назначили Мишу Чипчина — бывшего технического директора крупнейшей минской типографии — типографии имени товарища Сталина. Без возражений тов. Чипчин расстался со своей семьей, — увидеться с которой ему больше так и не пришлось, — и ушел в глубокое подполье. По соседству с гетто, в «малине» на улице Островского устроили типографию, которая сразу начала выпускать воззвания к населению и информационные бюллетени о положении на фронтах в Советском Союзе и у союзников. Когда эти материалы (частично составлявшиеся и редактировавшиеся нами) приходили напечатанными

в гетто, почти все были уверены, что их сбрасывают наши летчики¹.

Одним из крупнейших событий в минском подполье и сильнейшим переживанием для нас был выход первого номера нелегальной газеты «Звезда», бывшей до войны центральным органом ЦК КП(б) Белоруссии. Две маленькие странички газеты рассказывали об успешной борьбе Красной Армии, о славных делах народных мстителей в Белоруссии. Мы получили трибуну, с которой каждое наше слово доходило до тысяч рабочих домишек и крестьянских хат. Велика была гордость наших товарищей в гетто, принимавших деятельное участие в создании и завоевании этой новой боевой позиции.

Значительное место в нашей тогдашней работе занимала, — по славной большевистской традиции, — работа об особенно нуждающихся товарищах.

Голод в гетто усиливался с каждым днем. У многих иссяк единственный источник существования — вещи, мебель, за которые можно было приобрести немного муки или картофеля. В гетто было огромное количество людей, — особенно среди тех, квартиры которых были разрушены во время немецких бандитских налетов на город, — у которых ничего не было. Они жили только на те 100 граммов хлеба и несколько ложек эрзац-супа, которые получали на работе у немцев. Ужасающим было положение тысяч евреев, спасшихся от погромов в окрестных местечках. Они буквально умирали от голода. Все чаще можно было встретить на улицах гетто людей, опухших от голода, едва передвигающих ноги. В Глухом переулке, по дороге к кладбищу, всегда можно было видеть людей, везущих на санках или ручных тележках покойников. Таких «похорон» в гетто бывало по 15—20 в день. Отдельные могилы уже не успевали рыть, — и покойников укладывали рядами в одну большую яму.

Вспыхнула эпидемия сыпного тифа, чего в гетто особенно опасались и что при данных условиях было неизбежно. Больница в гетто была переполнена. Мест для больных не было. Пришлось занять хирургическое

¹ Кстати, и позднее, когда нам приводилось издавать нелегальные газеты и листовки в партизанских отрядах, о крестное население было уверено, что все эти материалы приходят «сверху». Люди удивлялись только тому, что Москва так осведомлена о том, что происходит в каждой деревушке...

отделение. Многие больные оставались дома. Особую тревогу всего населения гетто внушала не столько сама эпидемия, сколько то, что об этом могут узнать наши немецкие хозяева... Оккупационные власти предупредили, что в случае эпидемии все гетто будет ликвидировано...

Мы узнали, что трусливые элементы юденрата и из среды медицинского персонала готовы доложить гитлеровцам об эпидемии в гетто. Тогда мы предупредили юденрат, что те, кто осмелится сообщить врагам об эпидемии, будут нами рассматриваться, как враги народа, и будут уничтожены. Одновременно мы создали группу наиболее надежных врачей и предложили им в отчетах, которые ежедневно передавались оккупантской городской управе, не напоминать ни одним словом об эпидемии тифа. В каждом случае диагноз должен быть: грипп, воспаление легких, дистрофия и тому подобные «легальные» болезни. Все преданные нашему делу врачи с этим согласились, остальные молчали, зная, что мы способны на решительные действия...

Во главе отдела помощи при юденрате стоял известный актер, заслуженный артист Белорусской ССР Зоров. Он поддерживал с нами связь, имея намерение уйти в партизанский отряд. Мы поставили перед ним задачу — не допустить, чтобы незначительные денежные ресурсы, которыми он располагает, были растражены среди прислужников юденратской клики. Мы предложили ему устроить столовую, в которой остро нуждающиеся могли бы получать немного горючей пищи и кусок хлеба. Для организации такой столовой мы выделили т.т. Зяму Окуня, Хасю Биндлер и Розенберга в качестве заведующего (впоследствии погиб в партизанском отряде). Они должны были позаботиться о том, чтобы скудная пища доставалась тем, кто больше всего в ней нуждался.

Товарищи Г. Соломоник и О. Якубович (оба впоследствии ушли в партизанский отряд), — студенты медицинского факультета — энергично занялись организацией дезинфекционного пункта. Врачи и медицинские сестры самоотверженно старались приостановить эпидемию. До последнего дня этого сделать не удалось. Удалось, однако, довести число смертных случаев до минимума, до процента, меньшего, нежели среди общегородского населения. Это было чудом, и мы сами себе не могли объяснить, как оно было достигнуто.

Значительная группа наших подпольных работников терпела ужасающую нужду. Итти работать на немцев они принципиально не желали. Наши товарищи шли на работу в немецкие предприятия только в тех случаях, когда организация посылала их со специальным заданием. Кроме того, для многих было просто опасно показываться в городе из-за возможности столкнуться со старым знакомым, оказавшимся не совсем надежным человеком. Случай с упоминавшимся выше товарищем Исроэлем Голандом должен был служить предостережением. Во время оккупации Минска Голанд пошел работать на фабрику имени Куйбышева. До войны он занимал там ответственный пост. Нашелся предатель, который его выдал. Голанда арестовали и передали в руки начальника концлагеря на Широкой улице оберштурмфюрера Локая. Во время допроса Локай «в задаток» прострелил ему ногу, а затем приказал его вылечить, чтобы потом повесить. С помощью нашей связи в концлагере тов. Курляндской и других нам удалось устроить побег Голанда из лагеря. Этот и подобные ему случаи вынуждали наших активистов постоянно скрываться и неизбежно терпеть страшную нужду. Для того, чтобы оказать помощь, мы обязали всех «специалистов», работающих и кое-как перебивающихся, самообложиться в пользу нуждающихся товарищей. Особенно нам помогли Рувн Гейблум, Гирш Добин, Авром Гельман, Заскин, Нохем Гольдзак, Авром Шляхтович, Рива Норман и другие. В результате у нас образовался солидный фонд, давший нам возможность помогать многим товарищам и их семьям.

Большую помощь мы оказали и известному белорусскому композитору Крошнеру. Но и ему не суждено было выздороветь, — гитлеровцы пристрелили его в больнице.

Нам часто приходилось помогать товарищам, которые не смогли добраться до партизанских отрядов. Доктор Марголин по дороге отморозил себе ноги. Ему пришлось ампутировать несколько пальцев. В течение многих месяцев мы помогали ему чем могли, как и многим другим.

Городской комитет знал, каким влиянием мы пользуемся среди медиков. В одно зимнее утро к нам явилась группа товарищей — русских и белоруссов. Слепой бы узнал, что это «лесные братья». Им требовалась неотложная медицинская помощь. Условия в лесу были

тогда таковы, что более или менее долговременных партизанских баз не было, медицинские работники в отрядах попадались редко. И городской комитет распределил группы партизан, пробравшихся в город в поисках медицинской помощи, среди различных учреждений, в которых имелись проверенные люди. На нашу долю досталась группа в двадцать человек. Личная комната д-ра Кулика в больнице была превращена в амбулаторию, где оказывали неотложную помощь тем, кто мог держаться на ногах или нуждался в несложных хирургических операциях. Хуже обстояло дело с тяжело ранеными и больными, которых надо было положить в больницу. Но мы это уладили: кроме врачей Кулика и Минкина, никто не знал, что новые больные — русские и белоруссы. Через наших людей в юденрате Эмма Родова получила подписанные бланки документов, имевших хождение в гетто. Мы превращали Ивана в Янкеля, Петра в Пейсаха, пришивали им желтые заплатки и, как евреев, помещали в больницу. Им нужна была и материальная помощь. Наш фонд оказался как нельзя более кстати.

Мы получили от Славека категорическое указание взять на себя непосредственное руководство группой людей в юденрате. До этого момента, как уже упоминалось, связь с работниками юденрата поддерживалась непосредственно городским комитетом. Мы были этому очень рады. В случае, если бы среди работников юденрата оказались враждебные элементы, они городскому комитету, находящемуся вне гетто, никакого вреда причинить не могли, но нам, живущим в гетто, это грозило бы полным провалом. Между тем у нас были основания относиться с подозрением к юденратской среде: там вращались весьма сомнительные типы, которые из еврейского горя и нужды извлекали доходы. Там были также субъекты, связанные с полицией и с гестапо. Несколько раз мы отговаривали Славека от передачи нам руководства группой в юденрате, однако, когда директива была передана нам в категорической форме, мы приняли это руководство. К организованной группе в юденрате принадлежал Илья Мушкин — председатель юденрата, который к тому времени оказывал уже значительную помощь как отдельным партизанским отрядам, так и тем группам в гетто, которые уходили к партизанам. Из предосторожности договорились, что встре-

чаться с ним мы будем лишь в экстренных случаях, а сношаться будем через наших связных. К этой же группе принадлежали заведующий хозяйственным отделом юденрата Гирш Рудицер, руководитель охраны порядка (милиции) гетто — Зяма Серебрянский, начальник второго участка охраны порядка (на Республиканской улице) М. Тульский, заведующий жилищным отделом при юденрате — режиссер Дольский и заведующий мастерскими — Гольдин. При встречах с этими людьми мы каждому из них поручали определенное задание: что нужно сделать для партизанского движения и что — для населения гетто. Гирш Рудицер вместе с Гольдиным должны были обеспечить партизанские отряды одеждой и обувью. Часто, когда заказ того или иного отряда не мог быть выполнен немедленно, мы через белорусских товарищей отправляли на рынок партию мыла (которое вырабатывалось в гетто) и на вырученные деньги тут же закупали соль, сапоги, белье и т. п. Рудицер должен был также установить связь с тюремной администрацией, при помощи которой — за вознаграждение — можно было выволить нужных людей из вражеских рук. Это удавалось нам до тех пор, пока тюрьма не перешла в непосредственное ведение гестапо. Зяма Серебрянский по нашим указаниям устроил ряд подпольных работников (Шмуэля Каждана, Зяму Окуня и др.) на службу в охрану порядка, чтобы дать им возможность более свободного передвижения по гетто. Зяма Серебрянский должен был также следить за тем, чтобы конфискованное в гетто имущество (а конфискации происходили очень часто) попадало не к немцам, а в партизанские отряды. На его обязанности лежало и обезвреживание враждебных народу и провокационных элементов. С его помощью с еврейской биржи труда был удален взяточник Ришелевский, который причинял немало горя евреям из рабочих колонн. У М. Тульского было задание обеспечивать необходимую охрану при вывозе из гетто узлов с вещами для партизан. Дольский находил для нас нелегальные квартиры и добывал подложные документы (удостоверения специалистов и т. п.). Все они имели, кроме того, еще одну общую задачу: ежедневно информировать нас обо всем, что им удавалось узнать при личных встречах с немецкими властями. На основании этих сведений мы часто имели возможность предупредить людей, которых разыскивали, что им сле-

Серебрянский

дует заблаговременно исчезнуть. Мы знали также о немецких распоряжениях до их опубликования и таким образом имели возможность во-время принимать решения и контрмеры.

Эти люди из юденрата, каждый на своем месте, выполняли наши распоряжения, — кто смело, кто менее решительно, — и почти каждый из них пользовался нашим доверием. Только к одному из них мы относились несколько сдержанно — к М. Тульскому. Наша связистка из концлагеря на Широкой улице сообщила, что накануне бойни 7 ноября, когда членов юденрата увезли в концлагерь, поведение Тульского внушало подозрение. Он все время поддерживал тесную связь с гестаповским мерзавцем Городецким и вел себя провокационно в отношении остальных евреев, бывших с ним в лагере. И хотя Тульский дисциплинированно выполнял все наши распоряжения (у него на участке мы имели людей, следивших за ним), он все же никогда нашим полным доверием не пользовался. Он почему-то ежедневно искал встречи с нами. Узнав, что нас можно увидеть чаще всего в котельной больницы, он стал там частым гостем. Это не могло не вызывать у нас подозрений. Из-за Тульского нам пришлось ликвидировать нашу штаб-квартиру в «кочегарке», которая так верно служила нам в первые месяцы подполья в гетто.

IX. ЕДИНСТВЕННЫЙ ВЫХОД — ВООРУЖЕННАЯ БОРЬБА!

Проводя широко разветвленную и многостороннюю подпольную работу в гетто, мы никогда не забывали своей основной задачи: вывести боеспособных людей в лес — в партизанские отряды. Через городской комитет мы добились того, что к белорусским группам, которые систематически уходили из города в партизанские отряды, присоединялись группы из гетто. Ежедневно из гетто отправлялись товарищи, которые на явочных пунктах (главным образом, на Сторожевском рынке) встречались с проводниками и оттуда уходили непосредственно на партизанские базы. Группы, как уже упоминалось, составлялись секретарями «десятков», которые лично отвечали за надлежащую подготовку своих кандидатов. Каждого в отдельности мы предупреждали об ожидающих его исключительных трудностях и о том, что ему необходимо: 1) помнить, что обратный путь в гетто для него отрезан; 2) помочь вывести из гетто возможно большее количество людей и 3) пока-

зывать пример боеспособности, и тем самым обеспечить хороший прием всем тем, которые будут приходить из гетто в отряды.

В то время можно было еще уходить из гетто без особых трудностей. Намеченные к отправке товарищи обычно присоединялись к рабочей колонне (строгого контроля тогда еще не было), по пути срывали с себя желтые заплатки и исчезали в боковой улочке, а затем добирались до сборного пункта. Все наши товарищи в гетто получали пароль и явочный знак, по которому постоянно дежуривший член городского комитета узнавал пришедшего из гетто.

Мы часто жаловались комитету на то, что не имеем возможности отправлять в отряды достаточное количество людей. В ответ на эти жалобы комитет связал нас с подпольной организацией железнодорожников, во главе которой стоял тов. Кузнецов (впоследствии — комиссар партизанской бригады имени Воронянского). Железнодорожники прятали наших людей на тендерах, в паровозах и довозили их до станции, расположенной недалеко от партизанской базы. Так из Минского гетто в партизанские отряды было переправлено свыше 500 человек.

Чем больше людей уходило из гетто в лес, тем сильнее было стремление оставшихся как можно скорее поехать в партизанский отряд. Но мы не были в состоянии удовлетворять желание всех советских патриотов, рвавшихся к непосредственной вооруженной борьбе. Мы беспрестанно требовали и просили у комитета, и нам удавалось увеличить число партизанских групп. Уже не отдельные товарищи, а десятки, группы уходили в леса. Комитет предупредил, что в его распоряжении нет достаточного количества проводников, что нам придется ограничиваться только устно переданным маршрутом. Мы были вынуждены согласиться, хотя часто это приводило к катастрофам. На условленных местах наши люди иногда не находили представителей отрядов. Кругом — вражеские гарнизоны, и достаточно было малейшего слуха, что тут или там бродит группа евреев, чтобы немедленно появился гитлеровский карательный отряд. Наши люди были недостаточно вооружены, — что может револьвер против автомата или пулемета! Были единичные случаи, когда наши люди отступали перед трудностями и возвращались в гетто. Так было с Г. Фридманом и М. Ароцкером, которым пришлось не-

сколько суток дожидаться в лесу, пока придут белорусские партизаны. Не дождавшись, они вернулись в гетто.

Мы стали производить более тщательный отбор кандидатов. Вернувшимся же мы сказали, что только героической борьбой они смогут смыть с себя позорное пятно дезертирства. Впоследствии в непосредственном бою с врагом они смыли с себя пятно, пав смертью храбрых, как преданные бойцы партизанского движения.

Массовый уход в ряды партизан положил отпечаток на всю жизнь в гетто. Люди перестали соблюдать элементарные правила конспирации, собирались и отмечали в компании уход в лес, хвастались своим оружием. Мы предупреждали, что это может привести к катастрофе, но наши предостережения оставались безрезультатными до тех пор, пока мы и в самом деле не получили удара от врага (хотя удар этот и не был прямым следствием массового ухода в лес).

Арестовали Илью Мушкина. Не зная причины, мы приказали всем, кто был с нами связан, уйти поглубже в подполье. Нашим людям в юденрате мы выдали подложные паспорта — кого превратили в русского, кого в татарина или караима, чтобы они во всякое время могли выбраться из гетто. У нас все время работала хорошо законспирированная фотография, которой руководил бывший работник советской печати Соловейчик. Фотография снабжала нас карточками для подложных паспортов. Была у нас также специальная мастерская по изготовлению документов. Здесь работали наши «мастера» — Мотя Шерман и Геня Каплан. Кое-кто из нас знал, что у Мушкина в течение нескольких недель скрывался немецкий офицер, не пожелавший проделать сумасшедший гитлеровский «марш» на Восток. Когда этот офицер был снабжен подложными документами и гражданским платьем, он ушел в направлении Восточной Пруссии. Может быть он по дороге «засыпался» и выдал Мушкина. Мы наказали Рудицеру любой ценой узнать, в чем дело. Оказалось, что Мушкин обвиняется в намерении подкупить немецкого полицейского, чтобы освободить арестованного еврея. Арест Мушкина был тяжелым ударом для населения гетто. Минские евреи видели в нем советского человека, перед которым можно излить душу, не рискуя при этом, что тебя выдадут. На место Мушкина в юденрат пришел некий Иоффе — бывший варшавский представитель виленской радиотехники «Электрит». Вместе с ним работал совершен-

но неизвестный минчанам Блюменшток, еврей из Германии, которого превратности войны привели в Советский Союз. В юденрате, — еще чаще, чем прежде, — стали мелькать провокаторы и шпики: Розенблат, Эпштейн, Вайнштейн и им подобные. Работа нашей группы в юденрате вследствие всего этого стала еще более сложной и требовала строжайшей конспирации.

Почти одновременно с арестом Мушкина мы получили известие, что «Женька» (Давид Герцик) арестован. В письме из тюрьмы «Женька» сообщил, что в гестапо его зверски пытали, но он никого не выдал. «Продолжайте работу, дорогие товарищи, и будьте спокойны, — уверял нас скромный 17-летний герой, — враги от меня ничего не узнают». Мы делали все, что в наших силах, чтобы спасти «Женьку». Г. Рудицер собрал деньги, чтобы «выкупить» его. Но было уже слишком поздно, — дело перешло в гестапо. «Женьку» замучили в гитлеровском застенке. Мы лишились одного из тех юношей, кто воплотил в себе лучшие качества нашего молодого советского поколения: бесстрашие в борьбе с врагом, безграничную любовь к своему многострадальному народу, беззаветную преданность социалистическому отечеству.

**

Наша связная в юденрате Хася Биндлер передала, что наши доверенные требуют срочной встречи с нами. Ясно, пахнет бедой!

Среди нашей группы в юденрате царит растерянность. Гестапо требует представить к 10 часам утра 2 марта 1942 года 5000 евреев якобы для отправки на работу. Гестапо предупреждает, что в это число не должны входить те, кто принудительно работает на немецких предприятиях. На притворно наивный вопрос Дольского, можно ли в эти 5000 включить стариков и детей, гестаповцы ответили: «Это безразлично». Все ясно.

Кто-то из юденратовских работников предложил составить список инвалидов и стариков и таким образом спасти молодых и нужных людей. Мы категорически отвергли такого рода предложение: «Никакого торга живыми людьми!» Мы приказали Зяме Серебрянскому отобрать наиболее надежных из стражи гетто и поручить им заблаговременно предупредить население. Мы рекомендовали (предупредив о необходимости не поднимать шума, чтобы враг не спохватился о нашем на-

мерении сорвать его планы) в день 2 марта как можно большому числу людей выбраться из гетто — на работу, к знакомым белоруссам. В мастерских юденрата приготовлена «малина» на несколько сот человек с выходом в город. В развалинах на Мясницкой улице, раньше входившей в район гетто, приготовлены укрытия. Население гетто предупреждено о грозящей опасности.

В кровавый день 2 марта 1942 года все протекало с немецкой пунктуальностью и систематичностью: рабочие колонны (особенно многолюдные в этот день) отправляются на работу. После их ухода являются представители гестапо и требуют пять тысяч человек, так как «поезд уже готов к отправлению»... Они набрасываются на юденратовских работников, рассылают охрану порядка, чтобы те привели людей, но из этого ничего не выходит. Гестаповские бандиты приходят в бешенство, они рассыпаются по всему гетто, беспрепятственно стреляя из револьверов и автоматов, но им редко удается поймать кого-нибудь. Они налетают на ребяташек из детского дома, избивают их, выстраивают в колонну во главе с заведующей Флейшер и врачом Чернис, держащими на руках самых маленьких, и ведут их на казнь. Неподалеку от юденрата, на Ратомской, 35, они начинают кидать детей живьем в яму и засыпать их песком. У прячущихся в «малинах» гетто кровь стынет в жилах от душераздирающих криков, доносящихся со всех концов гетто... Вскоре приезжает оберпалач Белоруссии Кубе. Он бросает конфеты детям, которых живыми швыряют в могилу...

Темнеет. Разъяренные разбойники грозят членам юденрата виселицей за то, что им не удалось выполнить заказ Гимmlера. Кубе приказывает приняться за рабочие колонны. Возвратившихся рабочих не впускают в гетто. У ворот на Шорной улице им приказывают лечь на снег. Начинается страшная расправа. Свистят нагайки гестаповцев. Кто пытается проникнуть в гетто (в надежде добраться до знакомой «малины»), расстреливается на месте. Шорная и Абутковая улицы залиты кровью. Здесь мы потом нашли убитыми комсомольцев Давида Плоткина и Хаю Ботвинник.

Старшина колонны Мойше Левин (Бер Сарин) работал маляром в Минской тюрьме. Мы получали через него сведения о новых арестованных и сообщали о них в городской комитет. У Левина в колонне были люди, подготовленные к отправке в отряд. Сам он намечался

для большого партизанского соединения, так как, помимо того, что он был писателем и художником, — он имел хорошую военную специальность: он был блестящим топографом. 2 марта начальник тюрьмы выделил Левина из общей колонны, чтобы спасти его. Левин был ему нужен как квалифицированный рабочий. Но Левин заступился за свою колонну и погиб вместе со всеми теми, которые надеялись, что он выведет их в партизанский отряд.

Маша Александрович за все время существования гетто ни одного дня не работала на немцев. Она не только сама хорошо скрывалась, но сумела спасти от многократных нападений свою дочурку Ноэми. Один рабочий день — 2 марта — она отдала оккупантам, и она погибла вместе со всей рабочей колонной.

Были люди, которые все еще питали иллюзии: а может быть пойманных и в самом деле на работу везут? В гетто вернулся кое-кто из тех, которым удалось сбежать с дороги. Их посадили в товарные вагоны и увезли на запад. Впоследствии мы узнали точно: возле Койданова были приготовлены ямы. Там покоятся все те, которые были выловлены в страшный день 2 марта.

После этих событий нам стало ясно: наступают последние сроки. Полное истребление населения гетто может произойти гораздо раньше, чем мы успеем предпринять что-либо. Наши товарищи нервничали. Мы общили в комитет обо всем и получили ответ: всем, что будет в наших силах, поможем!

После 2 марта отправка в отряды происходит гораздо чаще, чем до этого. Мы отправляем вооруженную группу тов. Когана в бригаду «дяди Васи». Но тут снова неудача: проводник не явился на условленное место, а возвращаться в гетто мы никому не разрешаем. Туда уходит Славек и сам становится проводником. Посылаем вторую группу во главе с нашими активными работниками — Мотей Пруслиным, Хаимом Александровичем, Мейером Фельдманом, Леной Майзелис, Гиршем Добиным и другими, чтобы создать новый партизанский отряд. Третью группу во главе с Наумом Фельдманом, Герцелем Опенгеймом, В. Кравчинским и другими мы посылаем в другом направлении и, не дожидаясь от них известий, посылаем туда же еще одну группу. В пути не обошлось без жертв: погибли от вражеских пуль товарищи Сукеник, Ароцкер, Песин, Гирш

Скобло — один из первых стахановцев в БССР, очень популярный среди рабочих Белоруссии.

Группа Наума Фельдмана пришла в условленное место, где должен был находиться партизанский отряд, как раз в момент боя. Связаться с отрядом было невозможно, — группа вернулась в гетто.

Ни перед чем не останавливаясь, мы послали комсомольцев Сою Левин и Витю Фельдмана в район Старосельского леса, чтобы установить связь с партизанами. Мы заявили комитету, что сами будем искать путей, сами будем создавать партизанские базы, чтобы переправлять туда возможно большее число людей из гетто. Комитет не возражал, и мы приступили к организации собственных партизанских баз.

В пригородный лес, километрах в пяти от Минска, мы послали сорок человек, вооруженных гранатами, винтовками и револьверами. Комитет послал туда же группу в тридцать человек железнодорожников-белоруссов. Так предполагалось создать ядро нового партизанского отряда. Ответственным организатором был назначен секретарь «десятка» Рольбин. Слаvek проверил на месте состав и вооружение группы. Он остался доволен нашим отбором и возвратился в город, чтобы выслать назначенного командира отряда. Прошла ночь, а командира все нет. Что делать? Однако о возвращении в гетто никто и не думал. Все помнили категорический наказ: «Назад пути нет!» На следующий день на этот лес напали гитлеровцы... Но наша группа на всякий случай была снабжена подложным документом за «подписью» самого генерал-комиссара Кубе о том, что данные евреи из Минского гетто направлены в лес с целью заготовки дров для генерал-комиссариата (перед выходом из гетто мы всем членам группы выдали пилы и топоры). Гитлеровцы выругали наших людей за то, что они лодырничают, и на этом кончилось. Наступил третий день. Положение с каждой минутой становилось опаснее, и нам ничего не оставалось, как приказать товарищам вернуться в гетто. Некоторые отказались возвращаться. Тов. Миша Юфа, бывший сотрудник Минского политехнического института, отобрал группу вооруженных людей, отправился с ними искать отряд и исчез бесследно. На обратном пути нашу группу преследовали гитлеровцы на велосипедах. В столкновении с ними погиб журналист Иосиф Миндель, один

из активнейших членов «десятка» Наума Брустина, доставивший в гетто много оружия.

Однако и этот и другие провалы не ослабляют наших усилий и поисков. Ответственность велика. Отбор людей должен стать еще строже, чтобы не дать проникнуть в отряды паникерам. Теперь каждая группа, отправляемая в лес, проверяется нашим руководством. Сборным пунктом для тех, кто направляется в отряды, становится столовая юденрата. Каждый вечер, когда колонны возвращаются с работы, намеченные к отправке кандидаты собираются в столовой. Мы беседуем с каждым товарищем в отдельности, проверяем оружие и на прощание предупреждаем: «Смерть подстерегает нас на каждом шагу. Лучше пасть в борьбе, чем быть задушенным, как крыса, в позорном гетто!»

Мобилизована вся группа «метисов»¹ (Э. Нарусевич, Д. Баран и др.). Они, не меченные желтыми платами, носили белые нарукавные повязки колонновожатых и изо дня в день сопровождали группы людей, уходящих из гетто в лес. Наша мастерская подложных документов, благодаря рабочим типографии Каплану, Прессману, Рапопорту и другим, обеспечена печатями и бланками различных немецких военных учреждений. Каждую отправляющуюся из гетто группу мы снабжаем документом, удостоверяющим, что она направляется на заготовку дров, на рытье торфа и другие работы за городом. Комитет дал нам также товарища-белорусса, одетого в полицейскую форму, который сопровождает наших товарищей в пути. Уход из гетто принимает все более широкий размах и происходит чуть ли не у всех на глазах. Мы знаем наверняка, что все это к добру не приведет, но наши предупреждения не действуют.

При отправке людей в отряды нам оказывает большую помощь наша группа в юденрате. Пекарня обеспечивает нас ежедневно хлебом в количестве, достаточном для того, чтобы мы могли выдавать его каждому товарищу на два дня. Мастерские снабжают нас ватной одеждой, теплыми шапками, частично — валенками. Растет также организованная общественная помощь будущим партизанам. Комсомолка Сима Шварц

¹ Группе молодежи удалось сфабриковать себе документы, свидетельствовавшие о том, что они происходят от отца — белоруса и матери — еврейки или наоборот. Таких называли «метисами», они имели право не носить желтой повязки и жить вне гетто.

руководит большой группой женщин, которые вяжут двупалые варежки, чулки, шьют белье, ремонтируют одежду. Другая группа, организованная Рохл Кублиной и Цилей Ботвинник, собирает теплое белье, чинит одежду отправляющихся в леса. Тесная каморка работницы Иды Алер превращена в тайную швейную мастерскую (возле дома, на случай опасности, бесценно дежурят дети). В этой мастерской шьют маскировочные халаты. Молодые девушки собирают по домам простыни. Никто не спрашивает, зачем и для кого это нужно. Дают охотно.

Торг у ограды гетто, — ежедневно кончающийся расстрелами, — принимает все более широкие размеры. Покупают оружие — «новый советский паспорт», как называют его в гетто. Люди отдают последнее за револьвер, гранату, за несколько ружейных патронов...

На одно из наших заседаний мы вызываем Исроэля Лapidуса и поручаем ему отобрать и вывести из гетто в лес людей и организовать там новую базу для массовой переправки из гетто. Такое же поручение дается Науму Фельдману, которому мы указываем другое направление (на запад) для создания партизанской базы.

По рекомендации одного нашего активного работника мы связались с женщиной, абсолютно не похожей на еврейку. Звали ее Соней. Родом она была из одного местечка Минской области, и мы снабдили ее подложным паспортом, чтобы она могла проехать к себе в родные места и установить связь с белорусскими крестьянами, а через них — с соседними отрядами партизан.

Она ушла из гетто и через несколько дней вернулась с радостной вестью: связь установлена. Она уже приехала в город с одним партизаном, чтобы взять людей и получить от нас все необходимое отряду: радиоприемник, пишущую машинку, маскировочные халаты и т. п. Мы связались с прибывшим крестьянином, снабдили его всем, чем могли, и послали нескольких товарищей разузнать обо всем подробно. Спустя некоторое время мы получили от одного из посланных нами товарищей записку на еврейском языке, в которой сообщалось, что Соня провалилась и арестована. Мы немедленно предупредили всех, кто был с ней связан, ликвидировали квартиры, в которых Соня встречалась с нами, в том числе одну из наших лучших «малин», замаскированную под шкаф, — там работал наш фотограф. Прошло еще несколько дней, и нам сообщили, что

Соню видели в гетто. Она нас энергично разыскивала. Ей необходимо было передать нам лично важные сведения. Мы поручили нескольким опытным товарищам проследить за ней и узнали, что ежедневно в определенные часы, недалеко от границы гетто, в доме у своих родственников она встречается с подозрительной личностью. Тогда пришлось взять в работу одного из членов этой семьи. Выяснилось, что гестапо освободило Соню с тем, чтобы она выдала руководителей подпольной организации гетто. Стало ясно, что гестапо уже имеет точные сведения о руководстве нашего подполья. Соне никак не удается встретиться с кем бы то ни было из руководителей нашей организации, тогда она вместе с гестаповцами явилась в одну из «малин», где должны были храниться гранаты. Несколько случайных людей было при этом арестовано, но гранат гестаповцы не нашли. Мы приказали нашей оперативной группе «убрать» Соню. Приказ был выполнен.

Нам пришлось еще тщательней скрываться. Но работа не ослабевала. Мы хорошо знали цену каждому дню и решили: надо спасать тех, которые не могут уйти в партизанские отряды — стариков и детей. Послали в западные области Белоруссии Нину Лис с заданием: по соседству с большими лесами, в местечках, расположенных далеко от железной дороги, отыскать глухие уголки, в которых можно было бы устроить людей, снабдив их подложными паспортами. Главным образом мы имели в виду стокилометровую Налибокскую пуцу, о которой нам было известно, что там находятся партизанские группы. Нина вернулась, ничего толком не добившись. Тогда мы дали ей более точные указания и послали вторично. Легко сказать: «послала»... Такое путешествие грозило на каждом шагу смертью. Но Нина беспрекословно берется за выполнение данного ей поручения, оставляя на наше попечение свою пятилетнюю дочурку.

Михл Гебелев установил связь с надежным человеком, работавшим в отделе просвещения оккупантской городской управы. С этим человеком мы договорились, что он даст нам возможность устраивать еврейских детей в белорусские детские дома. Мы условились: если между 9 и 11 часами утра в 20-ю комнату немецкой городской управы будут приносить якобы подкинутого ребенка, то это значит, что ребенок еврейский и что его надо стправить в один из городских детдомов. Для

этой цели организуются две женские группы: одна в гетто — для переправки детей, другая вне гетто, из белорусских женщин, — для приема наших детей и передачи их в условленное место.

В каменном доме на Абутковой улице, у самой границы гетто, живут рабочие фабрики «Октябрь». После оккупации фабрика была превращена в интендантство гитлеровского воздушного флота. Там находились мастерские, в которых было занято несколько сот евреев. Каждое утро, еще до того, как колонны уходили на работу, у границы гетто стояли уже наготове Рива Норман, Геня Пастернак, Гиша Сукеник и другие. Они ждали сигнала с другой стороны. Там, за оградой гетто, жила белорусская семья Вороновых. Отец работал в нелегальной типографии, сын занимался посылкой людей и оружия в партизанские отряды. Жена сына носит передачу арестованным товарищам, прячет людей, которым грозит опасность. Каждое утро она стоит на посту и подает еврейским товарищам сигналы: спокойны ли на улице, можно ли переправлять детей. У нее дома уже ожидают белорусские товарищи — Мария Ивановская, Татьяна Герасименко, Леля Ревинская (та самая в красном берете, которая вместе со Славком пришла в день нашей первой встречи с ним) и другие. В результате этих операций несколько детей ежедневно вывозятся из гетто.

Кроме упомянутых выше женщин, устройством наших детей занимаются Ася Пруслина, Лена Гинзбург, Геня Султан. Уже в первые несколько недель им удается таким образом передать в белорусские детдома более 70 детей из Минского гетто.

К этому времени усилился уход из гетто людей, которым удалось получить подложные паспорта. Мастера, изготовлявшие такие паспорта, имелись в гетто и вне его. Надо сказать, однако, что на еврейском горе спекулировали также шантажисты и мерзавцы, которые выдавали и паспорта и их владельцев гестаповским злодеям. Все же многие владельцы таких паспортов действительно спаслись. Они уходили из гетто (впоследствии, уже будучи в партизанских отрядах, мы некоторых из них встречали в белорусских селах и на хуторах среди крестьян). Особенно это удавалось женщинам. Однако значительное число обладателей подложных паспортов погибло.

В самый разгар работы, когда нам казалось, что мы прочно стоим на пути, ведущем к включению еврейского населения в движение народных мстителей, пришло тревожное известие: в городе начались массовые аресты. К нам явилось несколько белорусских товарищей из подпольной организации с просьбой, чтобы мы их временно спрятали в гетто. Мы располагали несколькими надежными «малинами», испытанными во время различных облав и бойни 2 марта. Мы спрятали в них обратившихся к нам товарищей. Одного из пришедших городских работников мы спрятали в погребе под квартирой известного скульптора Бразера, замученного в застенках гестапо по обвинению в шпионаже. От этого товарища мы узнали, что арестованы почти все члены подпольного военного совета. Что с городским комитетом — неизвестно. На улицах города — усиленная охрана. В военный совет проникли провокаторы — Рогов и Белов. Один из них вместе с агентами гестапо рыщет по конспиративным квартирам в поисках наших людей. Мы выслали Михеля Гебелева, чтобы установить связь со Славком, но это ему не удалось. Неожиданно мы получили от Славка очень тревожную записку. Враг добрался до нашей организации, провалился весь военный совет — человек тридцать. Провалились люди, тришедшие в город по поручению партизанских отрядов, в частности и тот, который был назначен командиром нашего нового отряда и не пришел во-время, вследствие чего нашим товарищам пришлось вернуться в гетто. До городского комитета враг не добрался. Он, Славек, решил покинуть город, уйти в отряд и оттуда поддерживать с нами связь. «Продолжайте свою работу, дорогие товарищи из гетто, — заканчивал Славек свое письмо. — А если погибнем, Красная Армия за нас отомстит!»

Мы снова отправили в город Михеля Гебелева («бесстрашного Германа», как его называли: он умел несколько раз в день пробираться в город, хотя враг подстерегал на каждом шагу). Михель встретился со Славком и сказал ему от нашего имени (Славек очень доверял многолетнему опыту наших старых подпольщиков), что во время массовых арестов нельзя трогаться с места, надо зарываться на некоторое время, пока схлынет волна. Если в городе надежной «малины» нет, пусть Славек приходит к нам в гетто, мы его спрячем.

Славек согласился, и Гебелев отыскал для него надежную квартиру в самом городе. Было решено, что к вечеру того же дня Славек переберется. На следующий день мы послали нашу связную проверить, как устроился Славек на новом месте, но оказалось, что он туда не приходил. Из прежней квартиры он ушел вместе с Лелей Ревинской, о дальнейшей его судьбе мы тогда больше ничего не узнали. Много времени спустя нам стало известно, что в последнюю минуту Славек получил извещение, что на одной конспиративной квартире его ждет связной из партизанского отряда. Славек вместе с Лелей направился туда, но по дороге их обоих схватили агенты гестапо.

Мы остались без всякой связи с русскими и белорусскими товарищами. Настроение у нас было убийственное. Но об этом никто не должен был догадываться. Работа продолжалась. У нас уже имелся кое-какой опыт. Опасность провала, казалось, не грозила, так как никто из нас не был связан непосредственно с военным советом. На всякий случай было приказано всем активистам быть настороже, не попадаться без нужды на глаза и избегать лишних встреч друг с другом. Особенно это относилось к Михею Гебелеву, который за время своей работы в городе приобрел знакомства среди подпольных работников вне гетто.

Мы еще не успели притти в себя после удара, нанесенного нашей городской организации, как получили известие, что гестаповцы оценили квартиру Вольфа Лосика. Опасность была очень велика. В. Лосик все время занимался доставкой оружия в гетто, руководил группой товарищей, работавших на немецком военном складе в Красном Урочище. Эта группа вела оживленную торговлю с гитлеровскими солдатами, скупая у них оружие. В тот день, за несколько часов до прибытия гестаповцев, на квартиру Лосика (по Республиканской улице) был доставлен транспорт гранат. Мы немедленно предупредили Лосика, которого, к счастью, не было дома. Предупредили и всех товарищей, занимающихся доставкой оружия. Нам удалось даже вырвать из вражеских рук жену и детей Лосика. Гестаповцы перевернули все вверх дном, но ничего не нашли. Оказалось, что гранаты за час до того были уже спрятаны в надежной «малине».

Гестапо пронюхало и о делах нашей молодежи. Оценили квартиру Нонки Маркевича (по Зеленой ул.). Ту-

да до налета гестаповцев было доставлено несколько сот ружейных патронов и радиоприемник. Нонку, его десятилетнего братишку и мать со связанными на спине руками вели по всему гетто. Всю дорогу на голову 15-летнего комсомольца сыпались страшные удары, но он держался с достоинством и никого не выдал. Когда Нонку привели к юденрату, он громко воскликнул: «Меня вы убьете, но останутся мои товарищи, — они вам отомстят!»

Провалы эти в большинстве своем были результатом недостаточной конспирации, недостаточной осторожности, необходимой даже в отношениях с самыми близкими людьми. Вскоре, однако, последовал новый удар, показавший нам, что и в гетто имеются провокаторы, готовые спасти свою продажную шкуру ценой уничтожения десятков борцов за дело народа.

31 марта 1942 года часов в 6 вечера на явку пришла Нина Лис с отчетом о своей поездке в западные районы Белоруссии. Результаты были неудовлетворительны, и Нина получила директиву на следующий день снова отправиться в путь с тем, чтобы точно выяснить, куда можно вывести из гетто стариков и детей (как уже упоминалось выше, речь шла о заброшенных уголках в районе Налибокской пущи).

В 11 часов ночи все гетто всполошила пулеметная стрельба. Затаившись по углам, люди уже всю ночь не спали, — особенно в районе Абутковой, Коллекторной, Шорной и прилегающих улиц. Кое-как дождались утра, выглянули на улицу и увидели: стража гетто, немецкие евреи и случайные прохожие переносят убитых на клад-

Нина Лис

Связная подпольной боевой организации Минского гетто. Пала смертью храбрых в ночь на 31 марта 1942 г.

бище. Мы узнали, что прошлой ночью гестаповцы оцепили двор по Коллекторной, № 18, где жила Нина Лис. Кто-то по-еврейски крикнул: «Нинка, открой!» Стали ломать запертые ворота, под окнами гестаповцы заложили взрывчатку и двери стали взрывать гранатами. Жители дома были выведены во двор в одном белье. Гестаповцы, как разъяренные звери, набросились на Нину и начали ее избивать, требуя, чтобы она сказала, где находится Ефим Столяревич. С крепко стиснутыми губами, прижимая к себе пятилетнюю дочурку, стояла Нина перед палачами и не проронила ни слова, хотя отлично знала, где он находится. После диких издевательств над своими жертвами гестаповцы их перестреляли. Спаслась только наша связная «Толстая Клара», которая спряталась среди убитых (впоследствии она погибла по пути в партизанский отряд). Она сообщила нам, что «Нинка, открой!» кричал М. Тульский, начальник 2-го участка охраны порядка в гетто, который за несколько дней до того виделся с нами на квартире у Нины. От Р. Рудицера мы узнали, что в ту же ночь, до этого, гестаповцы пришли к Тульскому и Серебрянскому, арестовали их и вместе с ними пошли по гетто разыскивать Ефима Столяревича, Михеля Гебелева, Зяму Окуня и Наума Фельдмана. Никого не найдя на местах, где, по их сведениям, эти люди должны были находиться, гестаповцы предъявили юденрату ультиматум: если к 12 часам утра Ефим Столяревич не будет передан в руки гестапо, будет расстрелян весь юденрат и значительная часть населения гетто в виде «приложения».

Связанные с нами люди в юденрате в панике спрашивали, что делать? В гетто воцарилась предвзятая растерянность. Были такие, которые кричали, что «из-за одного не должно страдать все гетто», «пусть его поймают и передадут в гестапо». Мы провели краткое совещание с Михелем Гебелевым и Зямой Окунем и решили, что ни одного человека не отдадим врагу. Все разыскиваемые должны немедленно скрыться и не показываться на глаза, пока беда не минет.

Михель Гебелев и Наум Фельдман укрылись в испытанной подземной пещере на Замковой улице. Туда же пытался пробраться и Зяма Окунь, но так неосторожно, что попал в руки Розенבלата, а затем был передан гестапо. Ефима Столяревича, с помощью д-ра Кулика, на носилках, как тифозного, перенесли в больни-

цу и положили в отделение для заразных больных. Через Эмму Родову, Клару Железняк и «Толстую Клару» все время поддерживалась связь между руководящими товарищами и секретарями «десятков», чтобы рабста ни на минуту не приостанавливалась.

Ночь 31 марта открывает новую главу в истории истребления евреев в Минском гетто. Начинается серия ночных «акций».

Ночью 2 апреля произошла расправа на Коллекторной улице, в доме № 20, где жил секретарь «десятка» Наум Брустин. Он погиб вместе со всеми жильцами этого дома, среди которых многие должны были через день-два уйти в партизанские отряды. Затем наступают страшные ночи на Крымской улице, на Танковой, Абутковой, Ратомской и других. Гетто лишилось сна. Каждый гудок автомобиля повергал в дрожь: «Чья очередь сегодня?» Целые семьи зарывались в «малины» — пещеры, где от недостатка воздуха гасла свеча. Только с наступлением утра люди вздыхали облегченно: еще одна ночь миновала!

Гестапо стало усиленно интересоваться местами производства различных работ, на которых заняты обитатели гетто. Обнаружив исчезновение кого-либо, гестапо ночью арестовывало членов его семьи, а часто и всех жителей дома. Больше они не возвращались...

Однако, мы и против этого нашли средство: группа наших врачей пригостила официальные справки о том, что такой-то умер от воспаления легких, от гриппа, от туберкулеза и т. п. В эти справки оставалось только вписывать фамилию и имя. Справки представлялись в юденрат, где люди, уходящие в партизанские отряды, вычеркивались из книг, как умершие. Кроме того, мы были связаны с людьми, ведшими в юденрате регистрационные книги. По нашим указаниям они заблаговременно уничтожали регистрационные карточки тех, кто уходил в лес.

После 31 марта немцы особенно усилили борьбу против партизанского движения, против работников подпольной организации в гетто и против каждого, кто хоть в малейшей степени был связан с нашей организацией.

Гестапо издает распоряжение о том, что, кроме желтой заплаты, каждый еврей обязан носить на правой стороне груди белый номер с обозначением улицы и дома, в котором он живет. Этот номер давал гестапов-

ским ищейкам возможность установить, где проживает «подозрительная» личность, на которую они обратили внимание. По этой добавочной белой заплате они смогут, войдя в какой-нибудь дом, особенно ночью, установить, нет ли здесь посторонних людей.

Но мы и здесь нашли выход. Наши люди из юденрата доставили нам достаточное количество заверенных белых заплат с номерами — главным образом многозначными, с которыми можно манипулировать, загибая, когда это нужно, цифру справа или слева.

Еще одно новшество ввело гестапо после 31 марта: под угрозой смертной казни все население гетто должно было по воскресеньям выходить на Юбилейную площадь — на перекличку, или «аппель», как немцы это называли.

Во время таких «аппелей» надзиратели гестапо выступали с речами и предостережениями: евреям запрещается закупать продукты, запрещается ходить по тротуарам, громко разговаривать, — словом, воспрещается все напоминающее о человеческом существовании и достоинстве. Но лейтмотивом всех этих воскресных проповедей было: не уходите к партизанам! В лесах вы погибнете от голода и холода! Там находятся бандиты-партизаны, они ненавидят евреев... Оставайтесь в гетто, работайте добросовестно, так как «акций» (масовых казней) больше не будет. Главное же: кто знает о партизанах в гетто, об их работе, о тех, кто собирается уйти в лес, пусть сообщит об этом гестапо, ему будет выдана крупная премия!..

После каждого «аппеля» гестаповские мерзавцы «позолачивали» пиллюлю: певца Горелика заставляли петь еврейские народные песни. Из немецких евреев сколотили оркестр, который играл популярные песни, вроде «Письмо матери» или «Колнидре»... И гитлеровские разбойники наслаждались, наблюдая, как десятки тысяч евреев плачут навзрыд...

Чтобы энергичнее вести борьбу против нас, гестаповцы создали специальный оперативный отдел при еврейской охране порядка. Во главе этого отдела поставили «героя» варшавского уголовного мира, — вора и сутенера Розенבלата. Он подобрал компанию из таких же, как он, уголовников, и с ними начал охоту за верными сынами нашей Родины. Банда Розенבלата была для гетто страшнее гестапо.

Борьбой против партизанского движения в гетто

занималась еще одна личность «розенблатовского» типа — Эпштейн, прибывший из Польши в 1939 году. В этой работе помогал ему предатель и садист Вайнштейн.

Деятельность этих гитлеровских агентов стала чрезвычайно опасной для нас, и мы отпечатали в нашей подпольной городской типографии листовку-призыв к населению, в котором разоблачали этих цепных псов гестапо. Листовка заканчивалась призывом: «Смерть гитлеровским агентам — Розенблату и Эпштейну!»

Мероприятиями против разрастающегося партизанского движения в гетто гитлеровцам удалось вызвать растерянность среди некоторой части населения. Кое-кто отошел от нас. Мы решили: наша работа не должна ослабевать, но необходимо глубже уйти в подполье, быть осторожнее, более тщательно конспирироваться. Наш старый актив слишком известен в гетто, его необходимо заменить людьми, мало знакомыми населению гетто. Мы назначили Рубина и Кравчинского руководителями всей практической работой, связанной с отправкой людей в партизанские отряды. С Гебелевым мы договорились о том, что пришло время, когда мы сами должны уйти из гетто. Но уходить без согласия общегородского руководства мы не имели права. Что с городским комитетом, мы не знаем, связей с белорусскими товарищами нет. Мы решили, что снова, как полгода тому назад, надо разыскать людей, продолжаю-

Михель Гебелев

Член руководящего центра подпольной боевой организации Минского гетто. Замучен в застенках гестапо

щих борьбу, и общими силами взяться за дело. Эту работу взял на себя бесстрашный Гебелев. Мы только просили его быть осторожнее. Но это не помогало. Его можно было видеть везде — и в подzemелье у молодежи, готовящейся к отправке в лес, и на нашей «радиостанции», и на улице во время ухода групп в партизанские отряды.

Из-за целого ряда провалов отправка людей в лес к тому времени стала менее интенсивной. Возникла опасность, что именно в тот момент, когда враг старается задержать поток людей, уходящих из гетто, организованная отправка в лес может сама собой остановиться. Мы вернулись к мысли о создании собственных партизанских баз.

10 апреля 1942 года из гетто ушла группа в человек двадцать во главе с Исроэлем Лapidусом. «Метис» Илья Нарусевич обеспечил их автомашиной, раздобыл белорусского шофера, и группа выехала в направлении на Слуцк. Одновременно в этом же направлении другая группа вышла пешком. Машина, доставив первую партию на место, вернулась за шедшими пешком и доставила их также во временный лагерь будущего партизанского отряда имени Кутузова, находившегося в лесу на 45-м километре между Минском и Слуцком. Вооружена эта группа была неважно: три винтовки, пять наганов, семнадцать гранат. За несколько дней группа выросла до 50 человек. Командиром нового отряда выбрали (тогда в партизанских отрядах еще выбирали командный состав) Исроэля Лapidуса, начальником штаба — техника-лейтенанта Сагальчика, который снабжал нас радиоаппаратурой (позднее героически погиб в бою), парторганизатором отряда был Вольф Лосик. С этим отрядом мы поддерживали постоянную связь. К нам приходили посланцы — Поля Шальман, Хася Биндлер, Давид Баран и др. Мы с ними посылали людей и все, чем в состоянии были помочь отряду, чтобы он действительно сделался базой для массовой отправки людей из гетто.

Не обошлось и без серьезных потерь. Мы посылали людей на условленное место, где их должен был встречать связной отряда. Одна такая группа в 20 человек на месте никого не застала. Люди бродили по незнакомой местности, пока полиция их не выследила. В неравном бою группа, за исключением четырех человек, погибла. В гетто об этом очень скоро узнали. На оче-

редном воскресном «аппеле» гестаповцы, которые уже знали, что погибшие были из гетто, пригрозили уничтожением всех, связанных с партизанами.

Ночные расправы в гетто продолжались. В одну из ночей гитлеровцы напали на дом, в котором жила мужественная связистка «Аня», умершая днем и ночью, обманывая бдительность полицейских, выполнять наши самые сложные задания. Из этого дома накануне несколько человек ушло в лес. Аня погибла.

Однако, несмотря на все ужасы и смертельную опасность, стремление людей вырваться из гетто не ослабевало. Возможности, которые предоставляет нам отряд Лapidуса, нас не удовлетворяли.

23 апреля 1942 года из гетто вышел Наум Фельдман с группой в 25 человек в Заславльский район. Направлялись они, по нашему предложению, в Старосельский лес. У нас имелись сведения о том, что в этом лесу с самого начала войны осталось очень много оружия. Туда приходят люди из многих отрядов собирать оружие. Фельдман получил от нас задание собрать оружие в количестве, достаточном для снабжения большой группы людей из гетто. Вскоре после ухода группы Фельдмана к нам начали приходиться связные, чтобы вывести людей из гетто: Таня Лифшиц — у нее был паспорт на имя Татьяны Мацкевич, Витька Фельдман — энергичный, храбрый 17-летний парень, Марк Бразер — сын погибшего еврейского скульптора. Часто появлялся «Исролик-Володька». Каждый из них уводил с собой по несколько человек. В лесу, на базе у Фельдмана, число пришельцев из гетто растет изо дня в день. Не все прибывшие остаются на базе. Партизанские группы, проходящие через Старосельский лес, забирают с собой много наших. Мы, конечно, этому очень рады. Отсылаем туда Кравчинского, под которым, как говорится, земля горит: гестапо уже напало на его след.

Мы решили послать к Фельдману квалифицированного военного человека в качестве командира, с тем, чтобы он превратил Старосельскую базу в боеспособный партизанский отряд. В концентрационном лагере на Широкой улице находился старший лейтенант Красной Армии Семен Ганзенко. Мы были с ним связаны через Соню Курляндскую. Он стремился уйти к партизанам. В конце концов нам удалось вывести его из лагеря, и Таня Лифшиц переправила его в лес. К еврейской группе присоединилась группа русских и белорус-

ских партизан. Так образовался отряд имени маршала Буденного. С первого дня организации этого отряда тов. Фельдман был его парторганизатором, затем, когда отряд разросся и превратился в бригаду имени тов. Пономаренко, Фельдман стал комиссаром отряда «25 лет БССР», в котором наши товарищи из гетто были основными исполнителями диверсионных операций против оккупантов.

На этих двух базах — одной в Слуцких лесах и другой в лесах Заславьского и Койдановского районов — сконцентрировалось значительное количество людей, которых мы планомерно отбирали и готовили к партизанской борьбе.

Наши товарищи из рабочих колонн связываются с русскими и белорусскими рабочими и с их помощью уходят в индивидуальном порядке к партизанам. Из немецкого рабочего лагеря № 13 (в Грушевском поселке), с кирпичного завода, с фабрики «Октябрь» ушло таким образом много евреев.

Всего этого, однако, было слишком мало для того, чтобы всем, стремящимся уйти из гетто, открыть путь в отряды. Нам необходимо было получить возможность, как и раньше, посылать организовано и большими партиями людей из гетто в общие партизанские отряды.

XI. БОЕВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ВОССТАНАВЛИВАЕТСЯ

7 мая 1942 года на всех площадях и скверах Минска были снова сооружены виселицы. На них покачивались тела бесстрашных борцов против диких гитлеровских орд. Были казнены члены Минского подпольного военного совета, преданные агентами гестапо Беловым и Роговым. Был казнен горячий патриот советской Родины, друг населения Минского гетто Славек (настоящее имя его до сих пор неизвестно). Были казнены Екельчик (член городского комитета), Зяма Окунь, Зяма Серебрянский, Гирш Рудицер.

Виселицы в Минске призывали все советское население, без различия национальностей, еще теснее сплотить боевые ряды, еще сильнее крепить дружбу народов для беспощадной борьбы против общего врага. Необходимо было немедленно взяться за восстановление нашей объединенной общегородской организации.

И вот в квартире на Торговой улице встретились товарищи, чтобы обсудить вопрос о возобновлении бое-

вой деятельности. На совещание явился ряд работников прежнего городского комитета, уцелевших во время массовых арестов. Как выяснилось на этом совещании, связи с партизанскими отрядами были потеряны. Стало быть, надо было начинать сызнова, не повторяя, однако, прежних ошибок, позволивших врагу проникнуть в организацию с целью ее разрушения.

На совещании были предложены три основных мероприятия: 1) Вся боевая работа, создание новых партизанских отрядов и связь с существующими должна быть сосредоточена в руках комитета. Никаких военных советов в городе не должно быть, так как это ведет к вредному параллелизму, в то время как основным содержанием работы комитета может и должна быть непосредственная организация борьбы. 2) Должна быть перестроена организационная структура: вместо «десятков» необходимо создать группы на предприятиях и фабриках. При этом мы исходили из следующего положения: в активную борьбу против оккупантов должно быть вовлечено все население — от мала до велика. Однако невозможно, чтобы все городское население, особенно население гетто, целиком влилось в партизанские ряды (шел еще только 1942 год!). Стало быть, надо организовать борьбу и на месте, в городе. Нужно организовать массовый саботаж. Лучшим плацдармом для этого являются фабрики, работающие на вражескую армию, железнодорожный транспорт и учреждения, обслуживающие врага. Поэтому наши группы нужно создавать на предприятиях. 3) Район гетто должен быть признан особой организационной единицей ввиду специфических условий, в которых находится еврейское население.

Район гетто, выделенный в особую организационную единицу, был связан непосредственно с городским комитетом. Одновременно мы должны были быть связаны с комитетами Сталинского и Кагановичского районов, в которых расположено было большинство предприятий, на которых работали евреи из гетто. Эти комитеты должны были помогать нам при отправке наших людей в партизанские отряды.

Работа возобновилась и пошла еще более быстрым темпом. Хотя Михель Гебелев считался в основном работником района гетто, он в это время фактически стал одним из руководителей общегородской организации. Не зная покоя и пренебрегая опасностью, он взялся за

организацию отправки советских военнопленных в партизанские отряды. Женщины в гетто собирали одежду, необходимую для переодевания военнопленных. Наше «паспортное бюро» снабжало их «безукоризненными» документами. Работа разрасталась с каждым днем, и вместе с ней возрастала... неосторожность. Сколько мы ни говорили о тщательной конспирации, ничего не помогало. Как только намечилось оживление, работа была перенесена буквально на улицу, чуть ли не на глаза гестапо и его «оперативников» в гетто. И снова это привело к чувствительному удару.

На Замковой улице у наших комсомольцев была штаб-квартира в хорошо замаскированном подземелье. Руководителем был неутомимый, но очень мало опытный Валик Житльзейф. Там наша молодежь заготавливала оружие, продовольствие и все необходимое для ухода в лес. Гестапо напало на след. «Малина» была оцеплена. Там в это время находилось двенадцать человек. Гестаповцы предложили им выйти и сдать. Никто не вышел. Начался бой. Все двенадцать человек были вооружены гранатами, кроме того, в подземелье было четыре винтовки, два ящика патронов, два радиоприемника и продовольствие. Долго длился неравный бой. Никто из комсомольцев не сдался. Все они, за исключением одного, погибли. В живых, хотя и с семью ранениями, остался Зямка, который как-раз в то время пришел связным из отряда Лapidуса, чтобы увести всю группу в лес. Под чужой фамилией мы его положили в больницу. Там его вылечили. Затем он был отослан в отряд Фельдмана, но по дороге погиб.

Почти в то же время гестаповцы напали на след нашего радиоприемника. Не заходя в подземелье, они забросали гранатами весь дом. На боевом посту погиб преданный делу, дисциплинированный и отважный Хонн Гусинов. Так мы вторично потеряли возможность широко и систематически информировать население гетто о событиях на фронтах и о жизни на «Большой земле» — в Советском Союзе.

В результате этих провалов и поражений ряды нашего актива сильно поределели. Лучших людей мы отослали в отряды. Осталась небольшая группа, на которую легла вся тяжесть работы. Тов. Рубин, оставшийся после ухода Кравчинского в лес главным организатором отправки групп в партизанские отряды, вынужден был заниматься самыми различными делами, и ему

явно нехватало времени. В соответствии с решением комитета мы разделили гетто на две зоны: одной — район Абутковой ул. — будет руководить тов. Цеся Мадейскер, другой — район Ратомской ул. — тов. Каждан. Был создан также районный комитет. Наряду с работой по регулярной отправке людей в отряды перед нами встал вопрос об организации борьбы на месте — вопрос о диверсионной работе на фабриках и предприятиях, обслуживающих вражескую армию.

На так называемой «еврейской бирже труда» мы имели своих людей — Мирру Стронгину и Розу Альтман. С их помощью нам удавалось посылать наших товарищей работать на те предприятия, где мы предполагали организовать диверсии.

Уже до того Лена Майзелис, Надя Шуссер, Фаня Гурвич, Соня Тейшова, Фаня Чипчин, Эстер Кривошеина, Дора Берсон, Лена Певзнер, Геня Юдовина, Сарра Юдовина и другие устроились на бывший завод «Большевик». Наши товарищи занимались систематической порчей материала — главным образом кожевенного, уничтожали части парашютов и, помимо всего прочего, ежедневно выносили из завода теплое белье, рукавицы, чулки и все, что необходимо было партизанам.

Кроме этой женской группы, на том же заводе работала мужская группа под руководством Давида Лернера, занимавшаяся более «грубой» работой: по заказу одного из партизанских отрядов они вынесли с завода несколько полевых телефонов со всем оборудованием; сыпали песок и толченое стекло в машины, портили целые партии готовой продукции, подлежащей отправке на фронт. Наша лаборатория в гетто снабжала их специальной жидкостью, разъедающей кожу и мануфактуру.

Несколько диверсионных групп мы организовали на бывшей фабрике «Октябрь». К этим группам принадлежали сапожники Зильберштейн, Шапиро, Нотерман, Н. Луфт, Велвл (фамилия автору неизвестна), портные Миша Гричаник, Р. Сукеник, маляры Иосиф Тишельман со своим 16-летним сыном, С. Пейсахович, исполнитель Саша (фамилия неизвестна). Перед этими группами мы ставили задачу: как можно дольше затягивать сроки исполнения заказов, портить сырье и готовые материалы, расходовать как можно больше сырья.

Сапожники набивали в подошвы сапог немислимое количество гвоздей, так что надевать такие сапоги просто невозможно, да и подошва очень быстро перего-

рает. Портные пришивали правый рукав на левую сторону и наоборот... Кроме того, все они выносили сапоги, подошву, мундиры, которыми снабжали товарищей, уходящих в лес.

Благодаря диверсионной работе наших людей электрооборудование фабрики систематически портилось. В этой работе принимала деятельное участие группа белорусских товарищей во главе с секретарем подпольного Сталинского райкома Николаем Герасименко. На той же фабрике работала группа под руководством Хаима Гравеца, которая систематически выносила оружие. Задачей этой группы было — взорвать фабрику. Но это не удалось. Группа провалилась.

Специальное задание городского комитета предстояло нам осуществить на Минском спиртозаводе. Изготовление спирта, водки и ликера было для гитлеровцев, в условиях русской зимы, буквально вопросом жизни. Мы должны были уничтожить эту хозяйственную позицию, служившую врагу. После длительного обсуждения мы остановили свой выбор на одном кузнеце-еврее. Операция удалась. Целый транспорт спирта, ушедший в направлении Смоленска на фронт, прибыл на место (если он вообще прибыл) в таком состоянии, что гитлеровские головорезы едва ли получили удовольствие от этого «шнапса»...

Специальная группа работала в немецкой системе полевой связи (на ул. Мопра). Руководил этой группой Рувим Гейблум, который впоследствии, уже будучи партизаном, погиб в бою. Через него мы получили точно разработанные планы связи на линиях Барановичи—Минск—Смоленск и Вильно—Минск—Смоленск. Эта группа передала нам также ряд важных материалов, касающихся немецкой системы минирования в Минске. Мы, в свою очередь, передали эти материалы городскому комитету, который признал их в высшей степени ценными.

Мы подготовили диверсионный акт в немецкой офицерской столовой, где работал наш товарищ, поляк Мечислав Козак, впоследствии павший смертью храбрых в партизанском бою. С его помощью в столовую проникли наши диверсанты. Однако, операция не удалась. Наши товарищи погибли. Не удалось нам также взрыв войлочной фабрики, который должен был организовать тов. Левин с группой советских военнопленных.

В задачу наших товарищей, — несмотря на особые

трудности, — входила также деморализация немецких воинских частей. Во многих местах нам удалось связаться с мобилизованными словаками, голландцами, австрийцами и другими и при их помощи распространять правду о гитлеровском грабительском походе, о злодеяниях фашистов. В результате такой работы мы среди них нередко приобретали помощников. Бывали случаи, когда такие распропагандированные нами солдаты отвозили наших людей на немецких машинах в районы, прилегающие к партизанским базам.

Евреи, занятые на принудительных работах в Доме Правительства, где во время оккупации помещался штаб гитлеровской авиачасти, вдруг стали замечать разительную перемену в настроении своего надзирателя — гитлеровского офицера Шульца. Он стал менее свирепым, перестал ругаться, а потом и вовсе исчез. Вместе с ним исчезло 37 евреев-рабочих (среди них были и немецкие евреи). Все они на машине, представленной Шульцем, отправились в партизанский отряд.

Нашим товарищам удалось проникнуть и основательно разложить крупную воинскую часть врага. Комитет направил туда специального человека, который тщательно проводил свою работу. Люди этой части потом активно боролись против гитлеровских бандитов.

Работа наших товарищей вне гетто — на фабриках и предприятиях — разрасталась. Повсюду наши люди встречались с белорусскими и русскими рабочими и совместно прилагали все усилия к тому, чтобы вредить врагу. Мы усилили нашу работу по освобождению советских военнопленных. Помимо одежды и документов, мы их снабжали связями и явками. Из Минска безостановочно двигался людской поток во все леса Белоруссии. Гестапо знало, что и мы приложили руку к этому делу. Они пытались при помощи провокаций натравить русских и белоруссов на евреев. В Минск на немецких машинах доставили несколько десятков страшно изуродованных трупов. «Вот работа еврейских бандитов, нападающих в лесах на мирных белоруссов!» — вопили гитлеровские бандиты в местной печати. Городской комитет ответил на это разоблачением гнусной провокации и горячим призывом к укреплению дружбы народов в борьбе против общего врага.

Во время подготовки значительной группы военнопленных к отправке в партизанский отряд имени Буденного в лапы врага попал Михель Гебелев. Это был

страшный удар не только для нас, работавших в гетто, но и для всей городской подпольной организации. После мартовского провала Гебелев был одним из главных организаторов подпольной работы в Минске. Михель Гебелев работал без устали. Среда бела дня, когда улицы кишмя кишели гитлеровскими ищейками, и после полуночи, когда каждый шорох отдавался гулким эхом в замершем городе, Гебелев пробирался из гетто в город и обратно, выполняя самые различные задания. Он с презрением относился к тем, кто щадит свою жизнь.

Неизменная связка столярных инструментов под мышкой — у него был подложный документ столяра, работающего в одном из городских учреждений, — должна была служить ему средством маскировки и оружием в случае, если придется отбиваться от вражеского нападения. Но на этот раз нападение было до того неожиданным, что Гебелев успел только скинуть с себя свой геттовский «наряд». Через развалины на Ново-Мясницкой улице Гебелев часто пробирался из гетто в город. В гетто он носил пиджак с желтой заплатой и белым номером. В кармане лежал документ на имя Русинова. При переходе за черту гетто Гебелев прятал пиджак с документом и оставался в приличной одежде с безупречным арийским паспортом. Полиция задержала Михеля на самой границе гетто. Его «еврейский» пиджак гестапо нашло позже, но не могло понять, кому он принадлежит. В тюрьму Гебелев был заключен, как русский. Во время одной из переключек в гетто гестаповцы объявили, что выдадут премию тому, кто укажет чей это пиджак и кто такой Русинов. Длительное инкогнито не облегчило, однако, участи Михеля.

Мы довольно долго поддерживали с ним связь через наших людей в тюрьме. Мария Майорова (настоящая ее фамилия — Горохова) и Воронова носили ему передачи. Михель был бодр и уверен, что ему удастся бежать. Мы собирали деньги, чтобы выкупить его, строили планы насильственного освобождения его из тюрьмы. Но ничего из этого не вышло. Один из наиболее героических сынов Минского гетто погиб. Всю свою жизнь он отдал борьбе за освобождение нашей родной земли от гитлеровского ярма, за освобождение своих братьев и сестер от страшного гетто.

Это был серьезный удар, но необходимо было быстро прийти в себя. Работа не должна была страдать, даже

если ушел навсегда наш самый активный работник — Михель Гебелев.

И как раз в эти дни наши виды на будущее несколько улучшились. Наша постоянная мечта — связаться непосредственно с центральным руководством партизанского движения в Белоруссии — начинала осуществляться. Из Копыльских и Любанских лесов, где находились уполномоченные ЦК партии и Белорусского штаба партизанского движения, вернулись в городской комитет наши связные. Ася Пруслина (к тому времени она уже была вне гетто) привезла привет от тов. Бельского, Мария Рачицкая-Батурина — от тов. Варвашеня. Городской комитет получает директивные письма от начальника штаба партизанского движения и секретаря ЦК КП(б)Б тов. Пономаренко, которые раскрыли нам глаза на стоящие перед нами задачи и придали совершенно новый, энергичный темп нашей работе. Речь идет главным образом об усилении диверсионной работы в городе, о значительном увеличении количества людей, которые должны быть переправлены в ряды партизан.

Задачи сложные, а активных работников нашей организации в гетто становится все меньше и меньше. Кто ушел в партизанские отряды, кто погиб на боевом посту в гетто. Враг все усиливает охрану как в самом гетто, так и вокруг него. «Оперативники» следят за каждым человеком, кажущимся им хоть в малейшей степени подозрительным.

Пришел к нам, как обычно в последние месяцы, связной из Буденновского отряда Витя Фельдман. Он встретился с нашим уполномоченным Рубиным, чтобы получить от него подготовленную для отправки в отряд группу. Для обстоятельного разговора об этом Рубин пришел к Вите на дом (в гетто у Вити остались мать и братишка). Ночью их квартира была оцеплена гестаповцами. Рубин вырвался и пустился бежать. Но пуля настигла его в самом центре гетто. Дисциплинированный боевой товарищ, отдавший все свои силы партизанскому движению, погиб. Витя с матерью и братишкой попали в руки врага. Их отвели в тюрьму, долго пытали, потом в черной гестаповской машине привезли к одной из многочисленных ям, в которые фашистские изверги бросали замученных на смерть сынов и дочерей Белоруссии.

На место Рубина мы назначили молодого товарища

Абрашу Налибоцкого. Подвижной и энергичный, он, однако, не обладал ни малейшим опытом нелегальной работы, — особенно в условиях гетто, — и вскоре провалился. Его место занял Шмуэль Каждан. Немногочисленные, оставшиеся в живых, активисты требовали от нас разрешения уйти из гетто в отряд. Но как разрешить всем уйти и оставить обитателей гетто без руководства, на произвол коричневого дьявола? Разве не давали мы себе слова, что последними покинем тонущий корабль?

А корабль был уже накануне окончательной гибели.

ХII. ЧЕТЫРЕХДНЕВНАЯ БОЙНЯ

В конце июля 1942 года, после того как рабочие колонны ушли из гетто, снова началось, знакомое уже со времени первой бойни, оцепление гетто. Но на этот раз мы ничего заранее не знали.

Общегородская разведка нас ни о чем не предупредила. С работниками юденрата у нас в то время уже никаких связей не было. Но и они ничего не знали заранее (конечно, кроме предательской банды Эпштейна — Розенבלата).

С утра 28 июля пьяные СС-овцы и гестаповцы начали врывать в дома гетто и стогнать людей к черным грузовикам. Стариков и больных пристреливали на месте. В хирургическом отделении больницы они вырезали всех больных. Мы, группа товарищей, прятались в специально для нас построенном укрытии. Каменщик Моисей Бойкин за одну ночь пристроил к капитальной стене чердака инфекционной больницы вторую стену. И вот здесь, среди вороха платья тифозных больных, мы четверо суток стояли вооруженные, готовые в любую минуту броситься на злодеев. Отсюда нам было видно все гетто, перед нашими глазами разыгралась трагедия этих дней. Враг не обнаружил наше укрытие.

Кончается день. Ждем возвращения рабочих колонн. Однако, вот уже ночь, а в гетто — ни малейшего признака человеческого существования. Рабочих колонн тоже нет. Неужели это конец гетто? Но вдруг пустынные улицы прошивает град трассирующих пуль. Со всех сторон строчат пулеметы.

С наступлением утра бойня возобновилась с еще большей жестокостью. Гестаповские бандиты забрасывали гранатами каждый дом, в котором, как им каза-

лось, мог еще кто-нибудь скрываться. Приглушенные вопли умирающих, раненых, призывающих на помощь, доносились до нас, в укрытии. Снова надвинулась жуткая ночь, с ракетами, взрывающими крошечную тьму, с ружейной и пулеметной стрельбой, с пьяными выкриками кровожадных зверей и стонами умирающих людей, валявшихся на улицах Минского гетто.

Наступил третий день... Это уже, несомненно, конец гетто. В юденрате изверги расстреляли председателя Иоффе, его помощника Блюменштока, доктора Чарно. Единственный пункт, где еще заметны были признаки жизни, — юденрат — на третий день кровавой бойни тоже замер.

На четвертый день на улицах показались группы охраны порядка. Они стаскивали в одно место трупы. Значит, есть еще люди в гетто.

Стрельба продолжалась. Дрессированные собаки обнюхивают каждый дом, кое-где обнаруживали «малины». Полицейские банды заняты грабежом опустевших домов... Бойня окончена.

К вечеру вернулись рабочие колонны. Тихо, с поникшими головами, они разбрелись по своим домам. Потом со всех сторон послышались всхлипывания. Впервые в Минском гетто люди, не тая своей боли и муки, рыдали. Проклятия вырывались из крепко стиснутых до сих пор губ. Люди вернулись в гетто круглыми сиротами, лишившимися родителей, жен, детей...

С одной из первых рабочих колонн в гетто пробралась связная от городского комитета, русская девушка Мария Горсхова. Через нее мы передали первые сведения о страшной бойне и категорическое требование спасти последнее, что осталось.

Утром следующего дня из городского комитета был получен приказ: уполномоченному городского комитета в гетто тов. «Скромному»¹ предлагается покинуть гетто и перейти в непосредственное распоряжение городского руководства.

Мучительно трудно расставаться с товарищами, с которыми в течение целого года делил тяготы, опасности, а также радость по поводу заметных результатов нашей боевой работы в гетто. Но приказ есть приказ.

Из квартиры, расположенной по соседству с лого-

¹ Псевдоним автора.

вом генерального вешателя Белоруссии — Кубе, тянутся нити к гетто, к оставшимся товарищам во главе с бесстрашной Эммой Родовой.

Было ясно, что надо делать. Надо изо дня в день уводить людей из гетто. Мы рекомендуем: дайте людям, достойным доверия, точный маршрут следования в партизанские зоны, и пусть идут все, кто в силах, кто решился на все.

Положение исключительно тяжелое. В дни июльского избиения мы потеряли связь с двумя нашими главными базами. Партизанские отряды на одном месте не стоят, они передвигаются и часто уходят очень далеко от своей прежней базы. Так случилось с нашей первой партизанской группой из 208-го отряда, который из Минской области перешел в Могилевскую. Из-за этого мы потеряли связь с этой группой. То же самое произошло и с 406-м отрядом, который после соединения с отрядом «Народные мстители» переменял базу: из Минской области они ушли в Вилейскую. Группа тов. Кагана послала к нам связного М. Ханина. По дороге его ранили, он пришел в гетто больной и попал в руки гестаповцев. После ареста Вити Фельдмана мы потеряли связь с «буденновцами». С 28 июля никто больше не показывается из Кутузовского отряда (его называли также «Пятым отрядом II Минской бригады»). Единственная наша надежда — на городской комитет. Комитет ставит перед собой задачу — вывести в ближайшее время из Минска в отряды пять тысяч человек, в том числе значительное количество людей из гетто. Всего в гетто после 28 июля осталось около 9000 человек. Товарищи из городского комитета — «Ватик» (Никифоров), «Николай» (Герасименко) и другие уверяют нас, что это вполне реальное дело, и мы передаем оставшимся в гетто активистам: «Готовьте людей! Будьте готовы к массовому уходу из гетто!»

...Эмма провалилась! Об этом нам осторожно, как о большом несчастье, передал наш друг «Николай». Бандиты из розенблатовской клики следили за каждым ее шагом. В тот вечер она поджидала колонну, с которой в гетто поступала тайная почта из города.

И вот Розенблат поймал ее и передал в руки гестапо. Тихими и скромными были ее письма из тюрьмы. Несколько раз ее вызывали в гестапо на допрос, бесчеловечно пытали, но ничего, конечно, от нее не доби-

лись. Да и кто из тех, что знали Эмму, мог в этом сомневаться!

9 января 1943 года, после долгих месяцев пыток и мучений, Эмма Родова погибла. Ее прощальное письмо читали партизаны в лесу. «Мы им этого не простим!» — говорили люди разных национальностей, люди, уходившие в эти дни подстерегать врага.

При встрече с представителями городского комитета мы в эти дни, после ареста Эммы, узнали о новых тяжелых ударах, нанесенных нашей городской организацией. Враг попал в самое сердце.

Арестован Ватик, ведавший агитационной работой, арестована опытная проводница «тетя Нюра». Кому мы «обязаны» всем этим, пока неизвестно. На всякий случай мы договариваемся относительно очередной партии в 150 человек, которые должны уйти из гетто в ближайшие же дни.

Секретарь подпольного Сталинского районного комитета т. Герасименко усталый вернулся из поездки по лесам, намеченным в качестве баз для массового перевода людей из Минска. Мы договариваемся с ним о количестве подлежащих отправке евреев, о сборных пунктах, о паролях... Мы еще не обо всем переговорили. Он смертельно устал. Откладываем нашу беседу на завтра...

Но на следующий день мы уже не встретились. Ночью на его квартиру (Немига, 25) налетели гестаповцы. Вся семья беззаветно храброго и героического работника тов. Герасименко была уничтожена вместе с десятками других арестованных в эти дни работников минского подполья.

Трое суток мне пришлось просидеть в какой-то развалине, недалеко от квартиры тов. Герасименко: надо было предупредить наших подпольщиков, чтобы они не попали в сети гестапо. Этого срока было вполне достаточно для того, чтобы трезво продумать создавшееся положение. Этот арест показал, что мы имеем дело с внутренней провокацией. Пока суд да дело, надо удалиться из той среды, где, очевидно, засел предатель. Но куда? И как парадоксально это ни звучало, но самым «надежным» местом в этот момент представлялось гетто.

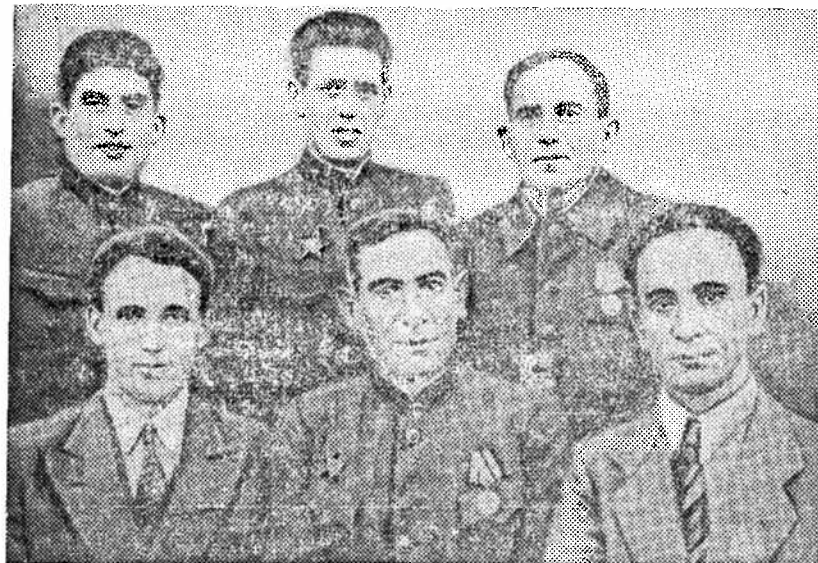
ХИИ. ТОЛЬКО СОБСТВЕННЫМИ СИЛАМИ

В гетто еще не знали об этом провале. После того как погибли Гебелев и Эмма, связь с городом осуществлялась главным образом через Марию. Но как раз в эти дни Мария не показывалась, она уехала в западные районы. Записка за подписью «Зина» (это была Дина — сестра погибшей Цеси Мадейскер) поставила нас в известность о том, что провалились все руководящие товарищи из городского комитета. Значит, пока нужно рассчитывать только на собственные силы. Непосредственных связей с партизанскими отрядами у нас нет. Значит, надо эти связи установить любой ценой! Мы решили послать в трех направлениях людей, чтобы разыскать партизанские отряды и установить с ними контакт. Как только это удастся, мы отправим связанных в гетто к оставшимся товарищам, чтобы организовать отправку к партизанам возможно большего количества людей. В направлении Рудинских лесов мы посылаем нашего комсомольского работника Дору Берсон. В направлении Старосельского леса, с наказом разыскать буденновцев, мы посылаем уроженку этих краев комсомолку Соню Левину. В направлении Койдановских лесов, с целью добраться до Налибокской пущи, отправляется автор этих строк.

Собрав группу вооруженных товарищей, мы отправились в путь. Враг подстерегает на каждом шагу. Мало шансов на то, что попадем прямо в отряд, так как идем без проводника, имея лишь общую ориентацию и приблизительно зная, где мы можем встретить партизан. А если по пути придется встретить врага, — то огнем! «Уж если умирать, то стоя!» — твердит один из наших спутников, тов. Рувим Гейблум, который берется раздобыть для нас оружие. Там, где он работает, у немцев, стоит запакованный ящик с оружием, подлежащий отправке в Берлин как экспонат на выставку «партизанское оружие». Оружие это, вообще говоря, не было партизанским. Позднее, когда мы его показывали в отряде, оно вызвало громкий хохот партизан. Это были так называемые «обрезы». Однако, для нас они были удобны: их можно было выносить и прятать под полкой. Было у них еще одно достоинство: при выстреле они производили много шума. Кроме этих «обрезов», Нохем Гольдзак раздобыл себе немецкий пистолет с большим количеством патронов к нему. В нашу группу

входили также: старый, бывалый красноармеец, участник гражданской войны Давид Лунгин и Н. Фридман, которого мы уже однажды посылали в отряд. У него был некоторый опыт. Это могло нам пригодиться.

Семнадцать суток мы скитались, блуждали, разыскивали. Много раз натыкались на рыщущих гитлеровцев, готовы были встретить врага оружием. Наконец,

Партизаны — выходцы из Минского гетто

Справа налево: (сидят) Г. Смоляр — комиссар партизанского отряда им. Сергея Лазо; Ш. Зорин — командир отряда № 106; Б. Хаимович — комиссар 1-го отряда 208-й бригады; (стоят) Н. Фельдман — комиссар партизанского отряда „25 лет БССР“; В. Кравчинский — командир диверсионной группы отряда им. Буденного; тов. Фейгельман — комиссар отряда № 106.

мы встретили небольшую партизанскую группу, шедшую на диверсионную работу. От них мы узнали точное направление и дошли до деревни Воловники (Койдановского района), которая считалась штаб-квартирой партизанского отряда имени Фрунзе.

Мы рассказали командиру отряда, в чем дело, подчеркнув, что суть не в нашей группе из пяти человек, которая могла бы и по пути сюда присоединиться к диверсионным группам, а в том, чтобы проложить широ-

кий путь для всех, кто должен быть выведен из Минского гетто. Тогда командир указал место, куда нам следует идти для совещания со всем штабом отряда.

Совещание происходило на опушке леса. Было решено, что мы впятером организуем новый партизанский отряд. Фрунзенцы выделяют нам командира, мы на первых порах получим от них помощь, а затем мы должны будем сами приняться за работу. Тут же мы постановили, что отряду нашему будет присвоено имя Феликса Дзержинского (нам особенно импонировал этот «меч революции» и его беспощадность к врагам). Нашим командиром был назначен Кашинский, белорусс, отлично знающий район гетто, так как до войны он был начальником милиции в этой части города (кстати, тов. Кашинский недурно говорил по-еврейски). Тут же решено было послать человека в гетто. Еще по дороге в Воловники, до встречи с фрунзенцами, мы в крестьянской хате нашли учительницу из Койданова Брайну (или Броню) Крейнович. Ее, как уроженку этих мест, хорошо знало крестьянское население, так же, как ее семью (которая вся была вырезана). Крестьяне очень хорошо относились к Брайне. Белорусским языком она владела в совершенстве и несколько не была похожа на еврейку. Она и стала нашим посланцем в гетто. Мы ей дали письмо к товарищам, в котором указали, кого послать к нам в первую очередь, имея в виду, что отряд новый, только что созданный. Первая партия людей из гетто прибыла очень скоро. Итти им было значительно легче, путь был уже известен и испытан, и пришли они в отряд, как к себе домой. Все знакомые лица! Пришел Авром Шляхтович, который немедленно был назначен старшиной отряда, медицинская сестра Ядя. В отряд имени Дзержинского не все были зачислены. Чтобы расширить возможность вывода людей из гетто, из вновь пришедших были выделены товарищи (Хаим Цукер, Исроэль Голанд, Арон Смушкевич, Гирш Соломоник и другие) для организации еще одного партизанского отряда, которому присвоили имя героя-партизана Сергея Лазо. Командиром нового отряда был назначен партизан Минского гетто, месяца четыре тому назад отправленный в лес, — т. Заскин (кличка — «Залевский»).

Из этих трех отрядов (имени Фрунзе, имени Дзержинского и имени Лазо) была создана партизанская

бригада имени Фрунзе, в которой прибывшие из Минского гетто играли видную роль.

Время от времени Броня отправляется в гетто. Ее связи с каждым разом расширяются. Энергично работает группа женщин, обеспечивающая Броню всем, что ей необходимо для отрядов. Надя Шуссер, Роза Липская, Сарра Голанд, Сарра Левица помогают отбирать людей, снабжать их оружием, радиоаппаратурой, телефонами, пишущими машинками, типографским шрифтом и т. д.

По сравнению с тягой людей к уходу из гетто возможности бригады имени Фрунзе были очень ограничены. Но значение того факта, что наши товарищи в гетто снова обрели постоянную связь с «лесными братьями», было чрезвычайно велико. Люди не впадали в отчаяние, продолжали работу. В результате возникали новые возможности и завязывались новые связи с другими партизанскими отрядами.

До февраля 1943 года не прерывалась связь партизанской бригады имени Фрунзе с Минским гетто. В лес прибывали организованные группы. Удалось даже вывести группу евреев из концлагеря на Широкой улице во главе с Лейзером Давидовичем, Давидом Бренером и Шепселем Норманом. Они прибыли в отряд с лошадьми и телегами, нагруженными множеством необходимых отряду вещей, похищенных у гитлеровцев.

В конце января 1943 года, когда бригада имени Фрунзе ушла из Койдановского района, перешла железнодорожную линию и прибыла в Узденский район, в гетто была послана Броня вместе с 13-летним партизаном из гетто Виликом Рубежиным, чтобы привести людей и типографию: мы решили создать свою партизанскую подпольную газету, и наши товарищи в гетто уже приготовили для отправки в лес целую типографию. Когда наши посланцы вернулись, они уже не застали бригаду: в лесах около деревень Александрово — Плоское (Узденского района Минской области) мы были окружены несколькими регулярными дивизиями гитлеровцев. Наша бригада разбилась на мелкие группы. Пока длилось большое наступление врага, мы, не имея возможности ему противостоять, вынуждены были прятаться и оставаться часто без связи между группами. Думать в это время о приеме новых людей из гетто было невозможно. Наша связь с Минским гетто была прервана на несколько месяцев.

ХІV. ПОСЛЕ СТАЛИНГРАДА

Когда нам удалось установить связь с партизанскими отрядами бригады имени товарища Сталина, с отрядом имени маршала Буденного, с бригадой имени Чакалова и другими, меньше нашей бригады пострадавшими от гитлеровского наступления на партизанское движение, мы узнали о победном исходе исторической Сталинградской битвы. Мы поняли тогда, что означают сведения партизанской разведки о сотнях эшелонов с ранеными, искалеченными, совершенно деморализованными, обоживевшими и полузамерзшими гитлеровцами, которые проходили по нашим железнодорожным линиям на запад. Понятной стала также связь между поражением немцев под Сталинградом, которое было началом конца гитлеровской армии, и отчаянной борьбой против партизанского движения.

До нас дошли сведения, что одновременно с наступлением против партизанского движения в январе 1943 года враг начал массовое истребление минского населения. Ежедневно на улицах Минска устраивалась дикая охота за людьми. Подвалы гестапо и камеры тюрьмы были полны юношей и стариков, женщин и детей.

1 февраля 1943 года началась охота в гетто. Около 500 евреев были загнаны в черные машины и отвезены к заранее подготовленным тростянецким могилам. Через несколько дней были в третий раз сооружены виселицы на всех минских площадях, скверах и рынках. Среди 250 повешенных были и женщины из гетто — Зина Фишкина, Оля Элькина, и много молодых людей, обвиненных в помощи партизанам.

Однако, наша работа в гетто не прерывалась. Политически связи с партизанами и уход в лес продолжались. Из нашего актива, с которым мы начинали работу в гетто, кроме Н. Шуссер и Р. Липской, никого уже не было. «Десятки» были упразднены. Часть их секретарей ушла в партизанские отряды (Е. Столяревич, М. Пруслин, Н. Фельдман, Л. Майзелис, Миркин, Каган, А. Шляхтович). Часть погибла в гетто (Гебелев, З. Окунь, Л. Гурвич, Н. Брустин, Рольбин), организационного контакта с городом уже тоже не было. Тем не менее работа продолжалась, и нередко людьми, которые в первое время относились к подпольной работе пассивно.

В гетто вернулась Дора Берсон, посланная в Рудин-

ский район, где, по нашим сведениям, должен был находиться отряд Лapidуса. Она установила связь со II Минской партизанской бригадой. Снова для гетто был открыт путь в лес. С Дорой ушла подготовленная группа. Дело было организовано так, что для группы была даже приготовлена машина (к тому же — из концлагеря по Широкой ул.), которая довезла людей до партизанской зоны. Дора прибыла в гетто во второй раз. Она должна была доставить партизанам медикаменты, радиоприемник и другие необходимые вещи. Энергичные женщины в гетто раздобыли все, что нужно, и послали партизанам подарки — махорку, одежду, белье. Но Дора больше не вернулась в гетто: она пала героической смертью в бою с полицией.

В то время каждая попытка вырваться из гетто была связана с опасностью для жизни не только для того, кто уходил, или для его близких, но и для всей окружающей его среды. «Оперативники» нашли у одного молодого товарища (на Абутковой ул., № 45) пистолет. Этот дом был окружен ночью, и все 140 жителей его — истреблены.

Гестапо получило сведения о том, что в колонне, работающей в тюрьме, имеются евреи, которые готовятся уйти к партизанам, — и все евреи, занятые на принудительных работах в тюрьме, были убиты.

Таким же образом погибли евреи из рабочих колонн спиртозавода, Дома печати, организации «Тодта» и др.

Врагу, однако, не удалось умертвить дух населения гетто, сломить волю к борьбе против гитлеровских угнетателей. Журналистке Соне Садовской удалось связаться с партизаном из специальной диверсионной группы, прибывшим из Копыльского района в Минск. «Миша-гармонист» приносил в гетто партизанские газеты, советские сводки, а там получал весьма нужные ему сведения: места расположения немецких воинских частей, их количество и вооружение. Он получал подробные сведения о предателях-полицаях, о тюремных сторожах, об агентах гестапо. Наши разведчики самоотверженно работали, чтобы доставлять «Мише» необходимые сведения о движении вражеского транспорта на фронт и с фронта.

Наши девушки, работавшие на бирже труда (под самым носом предателя Эпштейна), сообщили, что оружейным мастерским, расположенным в бывшем гараже Совнаркома БССР, требуются рабочие для очистки

и ремонта оружия. Роза Липская направляет туда коммунистку Цилю Ботвинник и комсомолку Катю Цирлину. Их задача: вынести как можно больше оружия и передать его комсомольцу Айзику Муроху, работающему на железной дороге. Возле гаража часто бродит одиннадцатилетний парнишка Гришка Каплан («Сорванец», как называют его в гетто), который находит сотни предложений для того, чтобы встретиться с Цилей или с Катей. Он забирает у них части винтовок, запрятанные в посуду с двойным дном. Наши женщины научились прятать в широкие резиновые сапоги ружейные затворы и другие детали и безнаказанно проходить постоянные придирчивые проверки... У них было уже заготовлено 60 ружейных затворов. Гришка не мог унести это, и женщины сами доставили их в гетто. Они даже специализировались на выносе неразобранных винтовок, таская на себе охапки щепок и горбылей якобы для отопления холодных жилищ в гетто... Когда в мастерские прибыл большой транспорт оружия, среди которого была новенькая чешская винтовка, Циля решила, что она ее никому не отдаст, что эту винтовку она сама принесет в отряд.

Немцы пронюхали, что в мастерских происходит что-то подозрительное. Они напали на след группы советских военнопленных, занимавшихся параллельно той же работой, что Циля и Катя. Четверо — в том числе и наш товарищ из гетто Гозенпуд — были повешены во дворе мастерских. Циля и Катя продолжали свою работу. Гришки-«Сорванца» уже нет: он попался при переходе за ограду гетто. Связь с Айзиком тоже утеряна. Женщины продолжали собирать оружие и, несмотря на смертельную опасность, доставлять его в гетто, — пригодится!.. Оно действительно пригодилось.

Еще одна Циля — дочь инженера Окуня (впоследствии вся его семья пришла в партизанский отряд) — работала по сбору железного лома. Вместе с другими товарищами она отбирала детали оружия. Когда она ушла к партизанам, при ней было 40 ружейных затворов. У партизан ружейный затвор ценился как целая винтовка: остальные детали можно было легко найти в лесу, а деревянные части изготавливали свои столяры.

Группа наших печатников погибла по дороге в отряд, их поймали возле деревни Медвежино. Как ни пытались гестаповцы товарища Каплана, он никого не выдал. После их гибели стала работать другая группа пе-

чатников. В гетто из партизанских отрядов и бригад непрерывно поступают заказы на типографский шрифт, на заглавные буквы, на типографскую краску. Некоторые бригады просят даже прислать целые типографии. Юная Бася Черняк и ее помощница Фаня Грингауз находят десятки способов обмануть бдительность гитлеровцев и выносить из Дома печати все необходимое.

Энергично действуют и медицинские работники. Врачи Белла Кондратовская, Фаня Салир, Ида Гальперн, Бляхер и другие делают все, что в их силах, чтобы запастись иод, вату, бинты и т. п.

А гитлеровцы изыскивают все новые пути и способы истребления еврейского населения. В ход пущено новое понятие: «казернирование». Означает это, что рабочие колонны остаются на местах работы в лагерных условиях. В гетто они больше не возвращаются. Однако, несмотря на страшный лагерный режим, многим из «казернированных» все же удается установить непосредственный контакт с белорусским населением и уйти в леса. В городе организуется специальная группа белорусских женщин, которые, направляясь в деревню для закупки картофеля и муки, провожают при этом евреев в партизанские отряды.

Оставленные в гетто понимали, что готовится новая расправа. Обреченные начали усиленно искать связей. Один белорусс-железнодорожник взялся вывозить людей в лес, пряча их на паровозе, на тендере.

С этим железнодорожником пустилась в путь Роза Липская, чтобы договориться непосредственно с партизанским командованием о переправке в лес евреев из гетто. Но прибыла она как раз в такое время, когда СС-овские банды блокировали тамошние леса и партизаны вынуждены были перекочевать в другой район. Когда Роза вернулась в гетто, она узнала, — из партизанских отрядов откликнулись наши товарищи по гетто. В гетто пришли посланцы от буденновцев.

XV. НАКАНУНЕ КОНЦА

Все знали, что опасность окончательной расправы с населением гетто приближается с каждым днем. Приходили известия о больших эшелонах с евреями из Варшавы, Парижа, Праги, которых увозили за Минск, в Тростянец, и там уничтожали. В Минск дошли сведения о судьбе Виленского гетто. Коричневые злодеи торопи-

лись и ускоряли темпы своей «деятельности». После того как народные мстители уничтожили обер-палача Кубе, волна террора в Минске неимоверно возросла. В том же Тростянце были замучены десятки тысяч белоруссов. Их сжигали вместе с евреями из гетто на гигантских кострах. Кроме того, начальник гетто, дегенерат Рыббе, ежедневно истреблял сотни евреев. Население Минского гетто катастрофически сокращалось. Центром гетто становится кладбище, на котором беспрерывно происходят казни евреев и белоруссов. Ограды гетто день и ночь охраняются. Полиция и «оперативники» эпштейновской школы следят за каждым шагом, ловят на лету каждый намек на желание уйти из гетто. И тем не менее люди беспрерывно уходят из этого лагеря смерти. Число убитых возле оград с каждым днем растет. Но это никого не останавливает: Надю Шуссер у ограды гетто встретили дикой пальбой. Она спаслась. Из лагеря на Широкой улице с немецким шофером на машине в направлении местечка Иванец выехал еврей Кастилянец и несколько советских военнопленных, чтобы привести картофель для лагеря. По дороге они убили немца, сожгли машину и ушли искать партизан. Встретив группу из бригады им. Чкалова, они немедленно отправили товарища в гетто за новой партией людей.

Посланцы Буденновского отряда появились в гетто в момент величайшего отчаяния людей, стремившихся пробиться сквозь проволочные заграждения и не знавших, куда идти. Буденновцы пришли не для того, чтобы провести разовую операцию, или выполнить очередное задание. Целью их прихода было — спасти всех и все, что можно.

Дело было так: в гетто говорили о том, что есть такая деревня — Старое Село — «партизанское царство», там чувствуешь себя, как при Советской власти. Но как туда добраться? И вот, из гетто вышла группа, пошла наугад. Авось доберемся, — решили они. Прямым путем не пойдешь: туда и обратно носят немецкие машины. Итти полевыми тропами, значит блуждать. И люди блуждали, бродили по неведомым дорогам днем и ночью... А когда они добрались до Вогиновского леса и встретили там первых партизан, казалось, что сердце не выдержит такой радости! Кругом люди с винтовками, и у каждого из глаз струится столько тепла... Ведь это же братья, родные братья! Партизаны — выходцы из Минского гетто встретились с беглецами из

того же гетто. Партизаны выслушивали рассказы о том, что им так хорошо знакомо: о непрерывных злодеяниях гитлеровских палачей, о неудержимом стремлении людей мстить! Выслушивали рассказы о страшных «изобретениях» Эпштейна, «Элинке» и «оперативницы» Мирры... Люди сжимали кулаки, готовые разозлить че репа этим предателям!

Наум Фельдман, бывший здесь со своей группой партизан, рассказал об этом командиру Буденновского отряда тов. Семену (бойцов этого отряда так и прозвали «семеновцами»). Старший лейтенант Семен Григорьевич Ганзенко, бывший военнопленный, до этого сам томившийся в концлагере по Широкой улице, все это очень хорошо знает. Он вызывает детей Хаю, Симу и Толка, приказывает им пойти в гетто и вывести оттуда как можно больше людей. И еще одно поручение дает им командир:

— Отыщите верных советских людей, которые могли бы заманить сюда предателей из гетто... Тут надо действовать с умом... Вы сами будете их судить за пролитую кровь...

Ребята ушли в гетто.

Другая группа в 12 человек из Минского гетто так же случайно добралась до деревни Лисовщина. Здесь — центр партизанской зоны Койлановского района. Неподалеку отсюда, у деревни Скирмонтово, расположен лагерь Буденновского отряда. В Лисовщине беглецы из гетто встретились с партизанами Наумом Фельдманом и Шоломом Зориним. Партизаны, вернувшись к себе в лагерь, уже не могли успокоиться. Перед командиром был ребром поставлен вопрос о создании базы: людей надо защитить, спасти! Это наш долг!

Начальник штаба Буденновского отряда тов. Верховцев читал перед строем партизан очередной приказ: чтобы спасти еврейское население и дать возможность всем боеспособным людям отомстить за реки пролитой крови, создать базу для всех прибывающих из Минского гетто. База должна быть организована в буреломе между деревнями Вертники и Новосады Койлановского района. Для организации лагеря, охраны его и обеспечения продовольствием выделить пять вооруженных партизан-буденновцев, дать им 15 винтовок для вооружения нескольких человек из прибывших. В дальнейшем они должны действовать самостоятельно, как полагается партизанам. Командиром выделенной

группы назначается Жеробин Казимир Андреевич, его помощником — Шолом Зорин (впоследствии командир 106-го отряда, состоявшего исключительно из мишских евреев).

До гетто дошли три заветных названия: Скирмонтово, Старое Село, Лисовщина. Не было дома, в котором не говорили бы об этих белорусских деревнях и не мечтали бы встретиться с «малышами», от которых зависел переход в край партизанской борьбы.

«Малыши» — это были наши посланцы, наши связные и проводники, ходившие туда и обратно и уводившие людей из гетто. В большинстве своем это были ребята в возрасте 10—12 лет. Но на них можно было положиться. Это были дети гетто. Боня Гаммер знает каждую тропинку, он в темноте узнает каждый куст на пути от гетто до отряда. Больше ста человек переправил из гетто в отряд этот двенадцатилетний паренек, павший смертью героя, с оружием в руках, в бою против фашистов. Из леса в гетто приходит одиннадцатилетняя Симочка Фитерсон. Об этом узнает гестапо. Симочкина мать и братишки гибнут. Симочка сидит в укрытии с заряженным пистолетом. Вот она выстрелит в убийцу мамы... Но Симочка пришла с поручением. Она — партизанка и обязана выполнить приказ командира — привести в лес тех, которые уже вместе с ней стомстят за нее и за всех сирот. Приходит вооруженный Давидка Клионский. Двенадцать раз подряд приводил он в лес по 20—25 человек. Приходит Фанечка Гимпель. Она имеет специальное задание — вывести из гетто врачей. В качестве курьеров от бригады имени Чкалова приходят Рахиль Приклад и Розочка Рубенчик. С этими детьми из гетто непрерывным потоком уходят люди. За несколько дней на базу в Буреломе прибывает около 500 человек. Не все они боеспособны: приходят и матери с младенцами на руках, приходят старики. Они приободрились: «Ничего! И для нас отыщется работа у партизан!» Прибывают и те, кому пришлось пробиться через двойную ограду, — измученные, обреченные пленники концлагеря на Широкой улице. Их было пятеро. Организатором побега был Семка Гурвич. Они решили: на карту поставлено все, — будем играть крупно! И увели из лагеря две подводы с лошадьми, упаковали 30 винтовок и со всем этим прибыли в партизанский лагерь минских евреев.

Проводила их, как и все группы, бежавшие из ши-

роковского ада, наша молчаливая и скромная связистка, бывшая студентка Соня Курляндская. Уже позднее, в лесу, мы узнали, что Соня провалилась при освобождении группы советских военнопленных. Вместе с другими верными делу товарищами она была расстреляна...

Час ночи. Часовой докладывает:

— На околице деревни Гайце задержаны две женщины.

У партизан крепкие сердца. Вызвать у них слезу — нелегкое дело. Но сейчас слезы сами наворачиваются на глаза. Никак их не остановишь!

— Куда вы, дорогая сестра, идете в такую тьму, да еще с крошками на руках?

— Мы — к Мусе. Укажите нам, товарищ командир, дорогу.

Все гетто знает «Мусю» — белорусскую женщину Марию Кульша из Старого Села. Она — «полпред» гетто на пути в отряд. У нее всегда найдется кусок хлеба, немного молока и — главное — у нее получают «путевку в лес», — подробные указания, куда и как пройти до заветного пункта. Ее муж помог нашим товарищам из группы Фельдмана сразу же по прибытии в лес вооружиться. Впоследствии он был убит гитлеровскими разбойниками.

Вот идет старик Шепсель Миндель. Один его сын погиб по пути в отряд, другой сын — полковник Красной Армии, с третьим сыном он идет в отряд. Старик с трудом верит тому, что для него покончено, навсегда покончено с гетто.

Километрах в десяти от Минска, в открытом поле идет толпа мужчин, женщин и детей. Мы высылаем конных разведчиков и они уводят их в сторону. Опасность велика. Кругом вражеские гарнизоны. К нам на шею бросаются дети и старики. Они готовы отдать все за неожиданное счастье: так близко от Минска встретить партизан, да еще выходцев из Минского гетто!

Какой-то мальчонка не отстает, спрашивает: «Возьмите, дяденька, возьмите!» — и сует кусок коржа, пачку махорки... Он уже возится возле наших лошадей, он готов все отдать за красную звездочку на наших фуражках. Позднее в отряде Зорина этот мальчик получил работу, о которой мечтал: он стал одним из лучших конюхов.

Сколько проводников ни ходило в гетто, их все же было явно недостаточно. Люди собирались и уходили одни, блуждали, разыскивали и находили тех, кого искали. Иногда это кончалось катастрофой, многие погибали в пути... В гетто об этом хорошо знали, и все же шли. У границ гетто лежали, притаившись, люди. Как только более или менее значительной группе удавалось вырваться за ограду, люди выбегали из тайников и присоединялись к ней. Так подстерег очередную группу и бежал из гетто Хаим Фейгельман, будущий комиссар 106-го отряда. Дора Кравчинская не знала дороги. Но уйти из гетто она решила во что бы то ни стало. Взяв с собой сына, она отправилась искать отряд, в который год тому назад ушел ее муж. Не успела она перебраться за ограду, как за ней следом двинулась целая группа, полагая, что Дора знает, куда надо идти...

XVI. СМЕРТЬ ПРЕДАТЕЛЯМ!

Приказ партизанского командира Семена Ганзенко был выполнен. Удалось заманить в лес группу «оперативников» — кровавого пса «Элинку» Гинзбурга, Мулю Кагана, Мирру Маркман. Приговор народа был справедлив. Предатели были казнены.

Еще одна группа «оперативников» (Мейер Сегалович, его сын, Рубин и другие) также была подготовлена к отправке в лес. Один из них, Берковский, донес гестапо. Гестаповцы окружили двор, где они находились, и открыли пальбу. Один из наших товарищей успел выстрелить в Берковского. Все, кроме Сегаловича, были убиты. Сегалович был казнен позднее, по приговору партизанского суда.

С главным «оперативником» Эпштейном также велись переговоры, но его не удалось заманить в партизанский отряд.

Нашлись и такие «оперативники» (Зингер и другие), которые стали помогать пробираться за ограду гетто. Стоя на постах, они заблаговременно предупреждали об опасности и часто даже освобождали из бункера (место арестов в гетто, откуда путь вел непосредственно в гестапо). Поток людей, уходивших из гетто, возрастал изо дня в день.

В лагерь партизанского отряда имени Кутузова прибыла группа из гетто. Почти половину отряда составляли минские евреи, пришедшие еще в 1942 году. Про-

исходили трогательные встречи. Расспрашивали об участии близких. Циля Клебанова, прибывшая с этой группой, получила задание: вернуться в гетто и доставить в лагерь оружие и людей. Мы встретились с последними из могижан нашей подпольной организации в гетто — с Розой Липской, Лизой Рис, Цилей Ботвинник; с другой группой пришла Надя Шуссер. На партийном собрании в Кутузовском отряде было вынесено единогласное постановление, переданное затем в приказе командира по отряду: «Выполнить наш долг перед населением гетто и всеми силами помочь его освобождению». Пегасовский лес стал сборным пунктом для выводимых из гетто.

В гетто все знали Хасю-пекарку. Она и в гетто занималась своим делом (хотя, какое уж там печение!..) и еще кое-чем: у нее прятали оружие, прибывшего из леса связного. Она умела «заговаривать зубы» тем, кого больше всего боялись в гетто. О Хасе узнали в гестапо, и она решила уйти вместе с прибывшей в это время из отряда Клебановой... Впрочем, — не уйти, а уехать, да еще под надежной охраной! Она сговорила с двумя немецкими солдатами, что они подвезут ее до ближайшего села, где она намерена купить муку. Она, мол, в долгу не останется. Таким образом за двое часов Клебанова, Хася и еще две девушки в сопровождении двух вооруженных немцев въехали... в самый центр партизанской зоны, где гитлеровцы были встречены по заслугам...

XVII. ИЗ ГЕТТО — В ЛЕС

Когда в лагере около деревни Вертики собралось более 600 выходцев из гетто, от межрайонного центра партизанского движения был получен приказ: боеспособных выделить и организовать партизанский отряд имени Пархоменко. Из небоеспособных — женщин с детьми и стариков — организовать лагерь семей партизан и отвести их в район, менее подверженный опасности непосредственных столкновений с врагом.

Командиром этого лагеря, который подучил наименование «семейного отряда № 106», был назначен партизан Шолом Зорин. Местоположение отряда — Налибокская пуца. Туда переводились все прибывающие из Минского гетто. В отряде растет количество вооруженных людей, и создается специальная боевая рота.

Поток выходцев из гетто частично расходится и по другим отрядам и бригадам, находившимся на западе от Минска — в бригаду имени Фрунзе, имени Чкалова, в Первомайскую бригаду и другие. Повсюду мы встречаем товарищей из гетто, вступивших в боевые ряды партизан.

106-й отряд становится базой, снабжающей другие боевые отряды нужными им людьми. Через связных 106-го отряда партизанские бригады, нуждающиеся в медицинских работниках, обеспечиваются врачами.

Большим уважением пользуются бывшие врачи гетто — Юрий Тайц, назначенный главным врачом всей партизанской зоны, Зибцикер, руководящий санитарной службой Буденновского отряда (он еще в начале 1942 года потребовал, чтобы его отправили в лес), М. Керзон из Чапаевской бригады (одна из первых партизанок отряда имени Пархоменко), Р. Лифшиц, к которой обращаются за медицинской помощью из всех окрестных бригад, Альперина из Чкаловской бригады и студенты-медики Г. Соломоник и С. Якубович.

106-й отряд снабжает партизанские бригады оружейными мастерами, печатниками для подпольных типографий, людьми разных специальностей, необходимых широко разветвленному партизанскому движению. Штаб бригады имени Жукова вытребовал к себе бывшего следователя прокуратуры Белорусской ССР — тов. Анну Мачиз, находившуюся в 106-м отряде. Ее назначили в бригаде имени Жукова помощником начальника особого отдела. В 106-м отряде все мобилизованы на работу по обеспечению других отрядов всем требуемым. 106-й отряд предоставляет к услугам партизан свою портновскую и сапожную мастерские, пекарню. Вчерашние обитатели гетто преданно работают на партизан, вкладывая в работу всю свою энергию, все свое стремление участвовать в великой народной освободительной борьбе.

Поток беглецов из гетто все увеличивался, когда 80-тысячная вооруженная до зубов гитлеровская армия начала блокаду всего партизанского района, стремясь таким образом ликвидировать партизанское движение. Четыре недели длилась эта блокада. Мы понесли большой урон. Среди павших были недавние обитатели гетто. В наиболее тяжелом положении оказался 106-й отряд, состоявший в большинстве из женщин и детей.

В момент, когда блокада из Налибокской пуши рас-

пространилась и на Койдановский район, в партизанском селе Скимонтове было тридцать с лишним человек, только что прибывших из Минского гетто. Гитлеровцы со всех сторон обложили село, загнали евреев вместе с белорусскими крестьянами в овины и сожгли их живьем. По дороге из села в партизанский лагерь находится братская могила, в которой партизаны спрятали полуобгоревшие останки сыновей и дочерей единого советского народа, при жизни клявшихся отомстить поработителям нашей родной земли.

Партизанские отряды, в том числе и 106-й, вышли из блокады, сохранив свои силы. Командный состав 106-го отряда, действуя самоотверженно и смело, вывел всех своих людей из кольца окружения — к жизни и борьбе, к радостной встрече с Красной Армией — освободительницей.

XVIII. КЛЯНЕМСЯ

Выйдя из блокады, мы снова направили в Минск посланцев. В гетто знали, что произошло в лесу. Но это никого не отпугнуло. Каждый встречавшийся на пути из гетто в лес твердил одно: «Я предпочитаю умереть здесь, чем жить там, на каторге в гетто».

Из Кутузовского отряда в Минск ушла Клебанова и 16-летняя Броня Гольдман из 106-го отряда. Но в гетто они уже никого не нашли. Домишки были разрушены. Со всех четырех сторон по улицам гетто строчили пулеметы.

Гестаповские банды гранатами взрывали все места, где предполагали убежища. До последней минуты гитлеровские ищейки во главе с Эпштейном ходили по улочкам гетто и кричали: «Евреи, выходите! Все равно мы вас найдем!» В «малинах» еще прятались люди. Многие после боины в октябре 1943 года долгие недели сидели взаперти в холоде и голоде. Темной осенней ночью они пустились на поиски пути к жизни, борьбе и мести — пути в партизанский отряд.

Немногие спаслись от гибели в день 21 октября 1943 года. Девяносто человек пришло в 106-й отряд. Часть ушла на восток. Затем в отряд пришло еще несколько десятков человек — это были последние из представших в убежищах. Небольшая группа укрывалась в гетто до последнего дня и дождалась освобождения.

Глубокой осенью, в ясный солнечный день представители разных партизанских отрядов собрались в молодой березовой роще. Все кругом дышало жизнью, радостью, трудом.

В этот день бывшие обитатели гетто приносили партизанскую присягу — бороться до последнего вздоха против кровавого врага нашего народа, нашей страны, всего свободолюбивого человечества.

Построены ряды. Еще не все вооружены. На их одежде еще видно место, к которому было пришито позорное клеймо, но постоянное выражение испуга в глазах исчезло. Быть может, впервые за последние два года в них показался огонек. На лицах уже не видно растерянности и пришибленности.

Слова партизанской присяги повторяют все, как обет расплатиться за два года страшной муки, за загубленные жизни тех, кто не сумел вырваться из-за проволочных пут, за тех, кто без остатка отдал свою жизнь в борьбе за уничтожение стен гетто — за Михеля Гебелева, за Вайнгауза, за Зяму Окуня и Эмму Родову, за 14-летнего Нонку и маленького Боню, — за всех павших, но не согнувшихся перед врагом нашего народа.

Молодежь и старики, дети и взрослые громко повторяли боевой клич, превративший наш мирный народ в воинов-богатырей:

— Месть!

В Т О Р А Я Ч А С Т Ь

МЕСТЬ

1. ПРОЩАЛЬНОЕ ПИСЬМО

— Погодите минутку!

Медлить нельзя. Дорога каждая минута. Мы должны успеть попасть на площадь, где собираются рабочие колонны, покуда там ещелюдно. В толпе останутся незамеченными пятеро вооруженных, которые сейчас покинут гетто. Но Рувим так стремительно остановил всех своим внезапным «Погодите минутку!», что мы встали, как вкопанные. Не успели мы даже спросить, в чем дело, как Рувим сорвал со стены фотографию своей шестилетней дочурки и написал на оборотной стороне:

«...Прощаюсь с тобой, моя единственная. Вот уже три месяца, как я лишился тебя. Когда злодеи отняли у нас твою маму, ты одна осталась со мной. Теперь и тебя нет... К чему жить? Прощаюсь теперь с тобой, моя дочурка, и говорю тебе: я хочу жить, очень хочу жить! Хочу, чтобы мои руки ощутили радость расплаты за твою мать, за тебя, мою единственную, за наших дорогих друзей, которых было так много у тебя, у меня и у всех нас. Прощаюсь с тобой, моя доченька.

Твой папа».

Рувим на минуту прикрыл глаза, точно силясь что-то вспомнить, и снова взялся за перо.

«Слово обер-лейтенанту Шермарку»

«Не ищите меня, господин обер-лейтенант. Вы считали меня «порядочным евреем». Я покорно нес тяжкое бремя еврея гетто. Я отдавал вам свой труд и получал в уплату ругань, оскорбления, а нередко и побои. Да будет вам известно, обер-лейтенант Шермарк: Рувима Гейблюма, еврея гетто, больше нет! Есть партизан, мститель, который за каждую каплю невинно пролитой крови воздаст вам сторицей... А если вы все же захотите меня искать, — пожалуйста! Я в белорусских лесах. Свою столярную пилу и рубанок я сменил на

винтовку, которую взял у вас. Так что, если очень хотите повстречаться со мной, — прошу покорно!»

Позднее, уже будучи в лесу, мы узнали, что гестапо приказало перевести это прощальное письмо. Рувима искали, но не нашли.

С таким настроением, как у Рувима, из Минского гетто ушли тысячи.

II. ПЕРВЫЙ ПАРТИЗАН ИЗ МИНСКОГО ГЕТТО

Одинокий выстрел может быть и случайным. Если выстрел повторяется, это заставляет насторожиться, напрячь зрение и проверить оружие. Когда же выстрел раздается в третий раз, тогда дело ясное:

— Тревога! К бою готовься!

Дежурный по партизанскому лагерю 208-го отряда имени Сталина в этот день был командир пулеметного отделения Борис Хаимович. Еще до того, как из секрета прибежал связной сообщить Борису, что враг близко, что он наступает на лагерь, Борис успел поднять всех на ноги. Он вместе со своим отделением отправился в направлении деревни Чесновое Рудинского района, откуда враг вел наступление. На партизанскую часть посыпался град пуль.

— В атаку! — командовал Борис.

Завязался ожесточенный бой не на жизнь, а на смерть. Был убит политрук роты. Замертво упал пулеметчик. И вот сам Борис свалился раненный, не в состоянии двинуться. К нему подполз командир 4-го отделения Шукалкин, чтобы вытащить его из огня. Но Борис продолжал кричать:

— Вперед! Бейте разбойников!

Гитлеровцы в этом бою были разбиты, в панике бежали. Бориса доставили в лагерь в бессознательном состоянии. Когда Гриша Гордон приступил к своей первой операции («врачем» он сделался еще в гетто, хотя успел пройти всего три курса медицинского факультета), Борис взглянул на него с печальной улыбкой в глазах и приободрил «хирурга»:

— Смелее, братец! Нас и не так резали...

— Когда?

— Уже забыл?! А вот когда в гетто нам пришивали желтые заплатки. Слово по сердцу ножом резали... Большой боли мне уж никогда не испытать... Теперь уж «им» больно будет...

И, действительно, первый партизан из Минского гетто Борис Хаимович причинял врагам много боли. Спокойный, рассудительный, он терял свою солидность командира, как только откуда-нибудь доносилась через чур длинная автоматная очередь. Он входил в азарт и всегда оказывался со своим отделением впереди, на самых опасных участках.

Однажды, недели через две после ухода из гетто, враг выследил местонахождение партизанского отряда. Гитлеровцы напали на партизанский пост и забросали его гранатами. Борис со своим отделением ушел километра за три от лагеря и стал поджидать врага.

В полутора километрах от лагеря сидела в засаде другая группа партизан. Враг наступал. Борис подпустил гитлеровцев на близкое расстояние. Когда фашистские бандиты были метрах в 70 от партизан, раздалась его команда:

— Огонь!

После первого же залпа немцы потеряли около 30 человек ранеными и убитыми. Ряды их дрогнули, но скоро они оправились. Борис со своей группой перешел к той группе, которая была расположена ближе к лагерю. Снова враг был подпущен на близкое расстояние и — снова раздалась команда: «Огонь!»

Борис хорошо запомнил первую цифру (впоследствии он потерял счет) — 70 уничтоженных бандитов.

Из Белорусского штаба партизанского движения прибыл приказ: уничтожить гитлеровский гарнизон, закрепившийся в селе Суша Могилевской области.

Немцы укрепили свою базу дотами, четырьмя рядами колючей проволоки, противотанковыми рвами.

К выполнению приказа Белорусского партизанского штаба отряд хорошо подготовился. В лесу был построен макет вражеских позиций, и каждая рота подробно изучала поставленную перед нею задачу. Рота, с которой шел в бой Борис Хаимович, должна была нанести главный удар.

Бой открыла партизанская артиллерия: отряд располагал шестью 45-миллиметровыми пушками и одним 122-миллиметровым орудием.

Рота, в которой находился Борис, подошла метров на сто к позициям врага и бросилась на штурм. Загорелись немецкие казармы. Евсей Шнитман забежал вперед и в тридцати метрах от врага стал бить по амбразуре. Френкель заставил умолкнуть дот гитлеров-

цев. Партизаны проникли в помещение вражеского гарнизона, уничтожая оставшихся гитлеровцев. Спустя некоторое время появилась немецкая авиация. Она застала уже не гарнизон, а кладбище.

Это был первомайский подарок Родине Бориса Хаимовича и его товарищей.

В деревне Гуша до конца войны больше не было гитлеровского гарнизона.

Немецкий гарнизон в Богашевичах (Могилевской области) мешал партизанам добраться до железной дороги. Его надо было уничтожить.

Три отделения партизан пошли в бой. Первым отделением командовал Хаимович. Он подошел вплотную к бандитскому гнезду, остальные два отделения зашли с флангов. Сотня гитлеровских разбойников была уничтожена. Двое спрятались на чердаке. Один из них был фашистский бургомистр. Гриша Гордон подобрался поближе к ним и предложил спуститься вниз. Один стал было спускаться. Бургомистр выстрелил в него. Флегматичный Гриша за минуту до того поймал на лету брошенную в него бургомистром гранату, пришел в ярость и зажигательной пулей поджег чердак.

Встреча с ротой СС-овцев у деревни Гатец закончилась тем, что разбойничья банда была вынуждена отступить. Борис погнался за ними.

Четверым гитлеровцам он всадил в спину пули. Он и не заметил, что остался один, так как был отдан приказ вернуться. Один из гитлеровцев лег и стал целиться в Бориса из автомата. Тогда Борис залег, и началась дуэль. Минут десять пролежали они, один против другого, в ожидании мгновения, когда меткая пуля решит исход этой дуэли. Борис кричит: «Сдавайся, не то уничтожу на месте!». Немец выждал, пока у Бориса кончились патроны, и начал приближаться к нему. Кто знает, чем бы закончилась эта дуэль, если бы к Хаимовичу не подобрался 14-летний Миша Буйницкий. Вдвоем они убили фашиста.

Началась историческая «рельсовая» война. Партизанская Белоруссия вышла на все железнодорожные линии родного края, чтобы единым концентрированным ударом разрушить коммуникации врага. Это было подготовкой к решительному наступлению Красной Армии, шедшей на освобождение Белоруссии.

Партизаны отряда, в котором состоял Борис Хаимович, получили задание: уничтожить 2000 рельсов. Бо-

рису с его отделением было приказано охранять отряд от неожиданных нападений врага.

Отряд выполнил задание, и партизаны радовались своим успехам. Борис же ходил расстроенный и не находил себе места. Он ходил в штаб, что-то там доказывал и на следующий день вместе со своим отделением внес и свою долю в это дело: снял 518 рельсов. Таким образом на протяжении шести километров путь Минск — Могилев был полностью разрушен.

Две партизанские группы, среди них Борис со своими боевыми товарищами, получили от штаба задание: уничтожить пять вражеских эшелонов. Партизаны ушли в направлении станции Толочин. Движение на этом участке очень оживленное. Гитлеровцы оберегали этот путь, как зеницу ока. Однако нашим диверсантам удалось заложить взрывчатку. Но проходит поезд, а взрыва нет. Партизаны добавили взрывчатки. Благополучно проходит второй эшелон. Как ни в чем не бывало прошли и третий, и четвертый... Начинало светать, и надо было уходить... Несется комфортабельный поезд... Момент — и вся окрестность оглашается грандиозным взрывом! В течение целого дня немецкие самолеты прилетали и куда-то увозили раненых и убитых. Надо полагать, что это были очень высокопоставленные лица — иначе их похоронили бы на месте без особых церемоний. После этой удачной операции две группы спустились под откос еще четыре эшелона. Без малого шестьдесят вагонов с живой силой и техникой врага были полностью уничтожены. За эту боевую операцию Борис Хаимович был награжден орденом Красной Звезды. Штаб прославленного 208-го партизанского полка имени товарища Сталина пишет в боевой характеристике:

«Борис Файвелевич Хаимович, 1910 года рождения, член ВКП(б), за время партизанской борьбы показывал образцы мужества и храбрости. Он — активный участник сорока партизанских боев».

III. ВСЕГДА С ПУЛЕМЕТОМ

Хаим Александрович был очень ценный человек для подпольной организации гетто. Его хладнокровие и большой политический опыт помогали решать основные вопросы нашей работы.

Но когда он пришел после бойни 2 марта 1942 го-

да — в этот день погибла подруга его жизни — и тихо, но решительно сказал: «Мне пора уходить», — никто не возражал.

Вместе с пятнадцатью товарищами Александрович ушел из гетто, чтобы создать новую партизанскую базу — 406-й отряд. Путь был невероятно труден. Мотя Пруслин, Мейер Фельдман, Баскин отморозили себе ноги и не могли двигаться. Не успели они еще как следует обосноваться в лесу, как налетели немцы.

Палачи соорудили виселицу и повесили Пруслина и Баскина. Неподалеку лежал убитый Мейер Фельдман. Отмороженные ноги не позволили им во-время выйти из кольца вражеского окружения.

Но отряд все же продолжал существовать.

Было холодно и голодно. Оружия не хватало. Однажды командир послал Александровича в соседний лес — встретить людей из Минска. Невооруженный, пошел Александрович в незнакомый лес. Он очень устал, но гнал от себя сон. И все-таки не заметил, как оказался среди группы людей, одетых в немецкую военную и полицейскую форму.

— Кто такой?

— Лесной сторож.

Те начали допытываться, но Александрович чутьем старого подпольщика сразу понял, что это не гитлеровцы. Однако это и не группа из Минска. Почему они не знают пароля? Они требовали, чтобы Хаим указал им, где находятся партизаны. Но он твердил, что ничего не знает. Он — только лесной сторож. Тихо, очень тихо, словно про себя, он повторял:

— Случается, проходят лесом вооруженные люди... Да, ведь, кто их знает, чьи такие... Ежели встречу кого-нибудь, скажу им, что они вам нужны...

Пришедшие приказали Хаиму идти искать партизан, тоже поняв, с каким «лесным сторожем» они имеют дело...

Прошло немного времени, и прибывшие были радушно приняты в 406-м партизанском отряде. Это были товарищи, впоследствии прославившиеся на всю Белоруссию, как руководители крупных партизанских соединений: одному из них позднее было присвоено звание Героя Советского Союза, другой был назначен командиром бригады. Александровича с тех пор в отряде звали «подпольщиком» или «лесным сторожем».

Отряд, начало которому было положено выходцами

из Минского гетто (его комиссаром был еврей из Минска — Бинун), вырос, но еще не был настолько внутренне сплочен и вооружен, чтобы противостоять частым нападениям врага. Спустя некоторое время он встретился и присоединился к отряду героического партизанского командира «дяди Васи» (Воронянского). В этом отряде уже находилась значительная группа наших людей во главе с Каганом, ушедших из Минского гетто.

С помощью отряда «дяди Васи» были вырваны из гетто тысячи мужчин и женщин, стариков и детей и переброшены через линию фронта на «Большую землю».

Когда отряд отправился на выполнение задания по уничтожению вражеского гарнизона в местечке Мядель (Вилейской области), наши товарищи знали, что этот бой преследует еще одну цель — освободить евреев из тамошнего гетто. Александрович в этом бою, как и в других многочисленных боях, в которых он принимал участие, — был у пулемета.

Враг, почуввав опасность, выслал связного в соседний гарнизон за помощью. Александрович перехватил его. Начался штурм гарнизона. Обитатели гетто были заблаговременно предупреждены, что приближается час их освобождения. С нетерпением ждали они освободителей, чтобы слиться с ними в борьбе против кровавого врага. Бой длился пять часов. Партизаны понесли урон. Был убит помощник командира отряда и четверо партизан. Гнев и ожесточение мстителей возрастали. Опорные пункты врага были заняты. Партизаны вошли в местечко. Еще не все гитлеровцы были убиты, когда наши товарищи подошли к гетто с радостным призывом: «Выходите из гетто!» Молодые и боеспособные тут же вступили в ряды партизан. Стариков, женщин и детей отвели в лес, в семейный лагерь, чтобы потом переправить их через линию фронта.

Александрович вместе со всеми переживал великую радость освобождения, но в то же время думал о своей убитой Маше, о шестилетней дочурке Ноэми. Но Минск был далеко, а кругом враги, с которыми уже на следующий день пришлось снова столкнуться в кровавом бою.

В лагере, как обычно, оставалось немного народу. Ночью люди ушли — кто на боевую операцию, кто на диверсию, кто в разведку, кто по хозяйственным делам, или на пропагандистскую работу среди населения. В роте Александровича оставалось всего пять человек, и вдруг — тревога, враг близко! Во всей бригаде налицо

едва 120 человек. Обратились к соседнему отряду «Борьба» и вместе заняли оборону. Александрович со своим пулеметом на правом фланге. Правее — человек тридцать из «Борьбы». Левый фланг действует энергично. Гитлеровцы направляют направо сильный пулеметный огонь. Александрович готовится встретить врага, но в самый ответственный момент — стоп! Диск пулемета заело. Немцы почували, что у партизан что-то застопорилось, и устремились вперед. И вот они уже в десяти метрах от Александровича. Хладнокровно (таким хладнокровием никто из нас, кроме Хаима Александровича, не обладал) он вынимает диск, быстро вставляет другой, и буквально в последний момент пулемет его снова заговорил. Тринадцать гитлеровцев (эта «чортова дюжина» служила потом предметом шуток у партизан) полегло после первой же очереди. Остальные смешались. Они бросились в сторону, еще правее, туда, где засела группа из отряда «Борьба».

Группа не выдержала стремительного натиска, и гитлеровцы могли бы отрезать партизанам пути отхода. Но Хаиму удалось незаметно подобраться сюда, и снова его пулемет начал строчить. Враг отступил.

Хаим Александрович — очень уважаемый человек в бригаде. Он был командиром отделения и комиссаром отряда, затем секретарем парторганизации и помощником комиссара одной из лучших в Белоруссии партизанских бригад. Но прежде всего он был — пулеметчиком. Когда бригада выходила в бой, место его было точно определено — у пулемета. Позже он пристрастился к автомату, который наши летчики привезли ему в подарок. И даже тогда, когда Александрович вместе с Гиршем Добиним редактировали партизанский литературный журнал и серию своеобразных сатирических изданий «Книжка-малышка — фашистам крышка!», рядом с ним был неразлучный пулемет. В «строчке» пулемета ему слышались слова утешения в горе по убитой Маше, по заживо похороненной Ноэми, по замученном отце, по всей большой, полностью истребленной немцами, семье Александровичей.

IV. ЧЕШСКАЯ ВИНТОВКА ЦИЛИ БОТВИННИК

Причиной всего была чешская винтовка. Намучилась же Циля Ботвинник, пока ей удалось вынести по частям эту винтовку из немецких оружейных мастерских в Минске! Сколько смертельного страха пришлось пе-

режить, пока она пронесла эту винтовку мимо гитлеровских контрольных пунктов, мимо церберов, стороживших ворота гетто, а затем на протяжении всего пути до партизанского отряда! Но и здесь, в отряде, владелице шкодовской винтовки пришлось не легко. На винтовку было немало схотников. Циля принесла много патронов, а в отряде у многих партизан вовсе не было оружия. К Циле начали при-

ставать: «Тебе, мол, следует женскими делами заниматься. Работы невпроворот: готовить обед, стирать, ухаживать за больными... А винтовку отдай нам, мужчинам. Мы ею будем гитлеровских бандитов бить!» Примерно так неустанно «агитировали» Цилю. Но она упорно твердила — «Нет! Нет!» Она сберегла эту винтовку и прошла с ней полтора километра не для того, чтобы готовить обед, а для того, чтобы стрелять! Дело дошло до командира отряда. Циля на-

Партизанка Циля Ботвинник взорвавшая пять немецких эшелонов

стояла на своем, и новенькая чешская винтовка осталась у нее. Циля стала одной из самых храбрых диверсанток в подрывной группе лейтенанта Арона Шмушкевича (отряд им. Кутузова в бригаде имени Фрунзе).

Для того, чтобы добраться до наиболее тщательно охраняемых пунктов гитлеровского транспорта, кроме смелости, нужна была и ловкость. Нужно было нанести врагу удар по одному из самых чувствительных мест.

Объектом первой диверсии группа выбрала железнодорожную линию, проходящую у самой станции Минск-товарная. До тех пор на этой линии диверсий не было.

Циля пошла в разведку. Кругом по небу мечутся лучи прожекторов. Гитлеровцы начеку, однако, не настолько, чтобы заметить маленькую группу пробирающихся партизан. Взрывчатку закладывал Арон. Циля помогала. Она лежала на рельсах и ловила ухом ма-

лейший шорох. Как будто все идет хорошо. Еле уловимое вздрагивание, пробегающее по рельсам, свидетельствует о том, что по ним что-то движется. Проходит некоторое время, и издали начинает доноситься сопение паровоза. Очевидно, идет что-то тяжелое.

Уверенно и беззаботно (лесов здесь уже нет) к Минской железнодорожной станции приближается тяжело груженный состав. Но дойти до места ему не пришлось. Паровоз и двадцать два вагона, набитые живым и мертвым грузом, превратились в груды обломков. Движение на этой, чрезвычайно важной для врага, линии было прервано на 48 часов. А в военное время это много...

Командир отряда чем-то озабочен. За месяц, судя по возможностям, которыми располагает отряд, следовало бы уничтожить определенное количество вражеских автомашин. И дело не ладилось.

Когда Циля с диверсионной группой ушла на станцию Зеленая (недалеко от Минска), чтобы заминировать путь, она в душе таила желание, чтобы на мину наскочили вагоны, груженные автомашинами. Но желанию этому не суждено было осуществиться.

Был уничтожен эшелон с гитлеровскими молодчиками. Что же, и то хорошо...

Лишь месяц спустя возле станции Крыжовка на путях осталось двенадцать платформ с новенькими немецкими машинами.

Партизанам-подрывникам хорошо знакомо это чувство: из кожи лезешь вон, ускользаешь от хитро поставленных ловушек на пути, минуешь окопы, засады, заграждения, мины, добираешься до самой железной дороги, а там — ни с места!..

Приближалась годовщина Великой Октябрьской Социалистической революции. Существует партизанская традиция: в этот день должно греметь! Пять раз пыталась группа Циля подойти к объекту. Правда, место было выбрано очень опасное: между железнодорожным мостом и прожекторным пунктом. Уже успели заложить тол, как вдруг взлетели ракеты, трассирующие пули, кругом стало ослепительно светло... Циля не растерялась, успела убрать самое ценное для партизана-минера — тол. Партизанской группе удалось уйти из этого ада. Но что же делать дальше? Группа решила в лагерь не возвращаться с пустыми руками.

Пять томительных дней выжидала группа. С опозданием, правда, но с чистой совестью и спокойной душой

можно было доложить командиру: уничтожен эшелон из 27 вагонов. В вагонах были немецкие солдаты, которые, очевидно, за «особые заслуги» ехали в отпуск в свой «фатерланд». Партизанская группа предоставила им бессрочный отпуск...

V. РЫЖИЙ МЕЛЬНИК

Мы называли его «рыжим мельником». Мы знали, что он из какого-то местечка под Минском, что он буквально удрал из могилы и пришел в Минск. О том, что он рыжий, можно было догадаться по огненным волоскам, кое-где мелькавшим в его пепельно-седой бороде. А был ли он точно мельником, — никто не знал. Густые брови, заслзнявшие его зеленоватые глаза, были словно припудрены мукой. Каким образом он разыскал нас, подпольщиков, было неизвестно. Он ходил за нами по пятам, добирался до тех мест, где собирались люди, уходившие к партизанам, становился в угол и молчал. Упорным молчанием он добился своего: с одной из групп, в начале 1942 года, мы отправили его в партизанский отряд.

Мы давно уже забыли об этом человеке. Но однажды в записке, присланной в гетто, руководитель минской подпольной организации тов. Славек написал: «Привет вам от «рыжего мельника» (оказывается, и партизаны его так прозвали). Он заговорил. Присылайте побольше таких парней!» Хорош «парень», — подумали мы, — у него же, наверное, внуки были...

На партизанский отряд, в котором находился «рыжий мельник», возле Рудинска напал СС-овский карательный отряд, состоявший из 700 отборных бандитов. Партизаны заняли оборону. «Рыжий мельник» растянулся возле сосны, разложил патроны, зарядил винтовку и стал вести счет нараспев:

— Вот тебе, злодей, за верную мою жену Сарру, царство ей небесное! — гитлеровский молодчик свалился направо от сосны.

— А это за тебя, моя старшая дочь Хана! — второй бандит упал замертво.

— За сына моего, Носона...

— За Лею..., за Этл..., за Бейльку...

Трижды «Рыжий мельник» заряжал винтовку. Он не замечал ничего кругом и только каждый раз отыскивал новую мишень.

Он почувствовал, что его тянут за ногу. Схватил было единственную свою гранату, но во-время оглянувшись: оказалось, рядом лежит командир отделения.

— Рыжий! — злился командир. — Ползи назад, не то сейчас прикончат! приказ есть — отступить!

— погоди минутку! — ответил рыжий, в четвертый раз зарядил винтовку и шопотом, словно слова молитвы, произнес:

— Это в честь тебя, командира всех командиров, товарищ Сталин!.. — и уложил шестнадцатого фашиста.

«С этих пор, — писал тов. Славек, — «рыжий мельник» заговорил».

VI. ОН — НЕ СИРОТА

Двенадцатилетний Вилик Рубежин дважды остался круглым сиротой. В первый раз, когда коричневые бандиты заняли его родной город Минск, мальчик остался один, не зная, куда девались его родители. Его семьей стала подпольная организация в Минском гетто. Вилик был нашим лучшим связным. Всюду, где требовались ловкость, быстрота и изворотливость, посылали Вилика. Сколько бы раз в течение дня ни требовалось пробраться за ограду гетто, Вилик пробирался, и всегда благополучно. Если нужно было разыскать кого-нибудь в городе, даже не зная точного адреса, это поручалось Вилику.

Когда из гетто стали уходить в лес значительные группы, Вилик сделался проводником и разведчиком.

Все время он упрашивал: «Отпустите меня в лес! До каких пор я буду торчать в гетто!» Он мог бы, конечно, уйти самовольно с первой же группой, но это был мальчик дисциплинированный: нет — значит нет, и разговаривать нечего! Отпустить Вилика из гетто нам было очень трудно.

Когда Вилик все же пришел в партизанский отряд имени Дзержинского, бойцы вначале смотрели на него с удивлением. В 12 лет он, после тяжелой жизни в гетто, выглядел совсем ребенком. «Что мы будем с этим «детским садом» делать?»

Но командир Кашинский знал, что для нас в гетто значил Вилик, и в приказе, который читали перед всем отрядом, специальный параграф гласил: «Зачислить партизана Рубежина Вилика в 1-е отделение 1-й роты и оставить в распоряжении командира отряда для выполнения специальных заданий».

Сиротства своего Вилик давно уже не чувствовал. Он был постоянно в движении, часто ходил в гетто и возвращался, аккуратно выполнив задание. Он получил и оружие — обрезанную по его росту винтовку, которую партизаны называли «ППВ» — пулемет-пистолет Вилика.

Прекрасные отношения установились между высоким, широкоплечим украинцем из Полтавщины Александром Борисенко и мальчиком из гетто Виликом. Они не расставались. Вместе ели, вместе спали и вместе ходили на боевые операции.

Однажды Александр ушел без Вилика, и Вилик осиротел во второй раз. Недалеко от местечка Рубежичи Борисенко был убит. Смерть Александра для всех нас была большим горем. Мы отомстили за него. Вражеское гнездо, откуда стреляли в Александра, мы разнесли до последнего киринча.

Но Вилик не мог успокоиться: — «Почему меня с ним не было!» Вилик был уверен, что ему удалось бы уберечь Александра. Вилик сделался молчаливым. Мальчишеское лицо стало по-взрослому серьезным, плечи как будто раздалось вширь. Вооруженный теперь с головы до ног (помимо «большой винтовки», он имел полученные в наследство от Александра наган и гранату), Вилик стал прекрасным наездником, считался в отряде лучшим разведчиком.

Его группа направилась к шоссе, ведущему к важной железнодорожной станции Негорелое. Гитлеровцы чувствовали себя там очень уж свободно. Автомшины носились по этой дороге туда и обратно, так что было трудно улучшить минуту, чтобы заложить мину.

Группа растянулась неподалеку от шоссе, надо было притаиться и лежать, не поднимая головы. Вилик на четвереньках подполз к самому шоссе. Когда легковая машина, шедшая впереди колонны грузовиков, оказалась совсем близко, Вилик поднялся во весь рост и бросил в нее гранату. Это послужило сигналом для всей группы партизан. Они начали обстреливать остальные машины и устроили на шоссе такую «кашу», что немецкие санитарные повозки, прибывшие позднее, долго возили раненых и убитых бандитов. Крестьяне из ближних деревень потом передавали: 47 гитлеровцев было убито, а сколько было ранено, никто не знал.

Ко дню своего тринадцатилетия Вилик насчитывал семь спущенных им под откос вражеских эшелонов. Отдыхать в лагере Вилику было скучно. Поэтому он боль-

шую часть свободного времени проводил либо возле железной дороги, либо в засаде, откуда следил за каждым шагом врага, чтобы потом передать командиру важные сведения.

Не с легким сердцем командир отряда решил отправить Вилика на «Большую землю». А вот и случай подходящий — на партизанском аэродроме приземлился советский самолет. Как же это отряд обойдется без Вилика? Но ничего не поделаешь... Пусть летит, пусть живет на свободной советской земле, учится и наверстает то, что потерял за эти без малого три года.

Так партизанский отряд, заменивший Вилику сначала родителей, а потом — верного и лучшего товарища Александра Борисенко, в самый разгар борьбы позаботился о судьбе тринадцатилетнего Вилика Рубежина. О дальнейшей судьбе молодого борца за нашу Родину Вилика Рубежина заботятся сейчас наше Советское государство и отыскавшийся за это время отец Вилика.

VII. ШЕСТНАДЦАТИЛЕТНИЕ И ИХ КОМАНДИР

Вначале их было трое, — трое 16-летних из Минского гетто: Фимка Прессман (в партизанском отряде имени Буденного ему присвоили шуточное прозвище «Чуланчик»), Абрашка Каплан и Зямка Митель. Они пришли в лес с Наумом Фельдманом и держались неразлучно. Вместе им было легче переносить боль круглого сиротства. Вместе им, наверное, скорее удастся утолить жгучий гнев против убийц их родителей, братьев и сестер. Но ни у одного из них за плечами ничего не было, кроме 16 лет. Поэтому они выбрали командиром первой диверсионной группы партизанского отряда имени Буденного тов. В. Кравчинского, — того самого, который в гетто подготовил их к отправке в лес. Затем к ним прибавился Юзик Зибель, белорусс, тракторист из деревни Саковичи (Койдановского района), — тоже шестнадцатилетний. Так возникла пятерка бесстрашных истребителей немецких эшелонов и автомашин. Каждый из пятерки обладал качествами, которые, вместе взятые, давали диверсионной группе возможность совершать дела, гремевшие по всей окрестности.

Спокойствие и рассудительность Кравчинского были как воздух необходимы горячим головам шестнадцатилетних. Широкие знакомства Юзика среди крестьян ближних деревень давали им возможность всегда по-

дробно знать о каждом шаге врага, о его боевых средствах и слабых местах. Благодаря Юзику крестьяне нередко присоединялись к пятерке и ходили вместе с ними взрывать железнодорожную линию. Абрашка обладал тем, что называется «партизанской смекалкой». Как бы враг ни обставлял себя сторожевыми пунктами, пулеметными гнездами и караульными постами, Абрашка пробирался в самые ответственные места, выслеживал, узнавал все, что нужно, и во-время исчезал. Смелость Зямки была известна всем в отряде. Прежде, чем отправиться на рискованную операцию, он, бывало, пройдет по окрестным деревням, проведет собрания, беседы, почитает крестьянам оперативные сводки. С отеческой любовью деревня каждый раз провожала Зямку, чувствуя, что путь его сопряжен с величайшими опасностями и трудностями. Фимку Прессмана все знали, как упряма. Достаточно было сказать: «Чуланчик, не лезь туда, — там гитлеровцев чортова пропасть!», — чтобы он поступил наперекор. Он должен был своими глазами увидеть, действительно ли так велико число вражеских солдат, и не удастся ли малость «прочесать» белокрысы головы арийцев?..

Однажды пятерка направилась по обыкновению поближе к Минску, чтобы попытаться счастья на немецком эшелоне. В пути они узнали, что в деревне Капличи (километрах в трех от партизанского Старого Села) остановились на ночлег шесть немцев. Хороши были бы «языки», надо их живьем захватить!..

Пятерка направилась в деревню и проделала всю операцию так ловко, что все шесть немцев во главе со своим офицером без единого звука попали живьем в руки партизан. Это обогатило отряд оружием и амуницией. Однако, это было проделано между прочим. Основная работа предстояла на железной дороге.

На шестнадцатом километре от Минска, между Волчковичами и Койдановым, пятерка решила заминировать шоссе, по которой то и дело мчались гитлеровские автомашины. Дело было нелегкое. Гитлеровцы Щемочницкого гарнизона охраняли дорогу со всех сторон. Тем не менее пятерка добралась до шоссе. Одна мина была уже заложена. отошли подальше, чтобы заложить вторую, вдруг к небу взвились ракеты. Одна из них упала на плечо Юзика и сильно обожгла его. Враг с двух сторон открыл огонь из автоматов и винтовок. Гитлеровцы хотели загнать пятерку в сосед-

ною рошу, там окружить и взять живьем. Но наши ребята сообразили, в чем дело, и решили избрать наиболее опасный путь — прорваться между обеими наступающими группами врага. Так они и поступили.

Гитлеровцы, не замечая их, продолжали наступать на рошу. Кончилось это тем, что, когда одна группа фашистов открыла стрельбу, вторая приняла ее за партизан, и обе группы фашистов начали уничтожать друг друга.

Руководство гитлеровского гарнизона забеспокоилось: уже светает, кругом — стрельба, а в чем дело, непонятно. Тогда начальство выехало на машине к месту происшествия. По пути автомобиль наскокил как раз на ту первую мину, которую пятерка заложила ночью...

Крестьяне передали в штаб Буденновского отряда, что на следующий день их согнали с лошадьми и подводами убирать трупы. Из лесу было вывезено восемнадцать убитых, а с шоссе — десять.

К пятерке присоединился еврейский учитель Зундель Дротфимен. Приближается, говорит он, день его рождения. И вот он желает ознаменовать эту дату праздничным салютом. Обычно закладывается одна мина, но Зундель хочет, чтобы на этот раз было внушительнее. Заложили две. Каллиграфическим почерком Зундель написал несколько записочек пассажирам прибывающего немецкого воинского поезда: «В день моего рождения — подарочек гитлеровским путешественникам» — и разложил их вдоль линии. А поезд приближался особенно почетный, все — мягкие вагоны. Ехали в нем несомненно очень высокопоставленные лица. Зундель потянул один шнур, Кравчинский с Абрашкой — второй... Вагоны взлетели на воздух, раздался оглушительный грохот, и всю окрестность залило ярким светом. Юбиляр Зундель был очень доволен «салютом». Всю ночь гитлеровская железнодорожная охрана вела стрельбу. До самого утра возили убитых и раненых.

Когда пришли в лагерь отряда, оказалось, что разведка уже доставила сведения о результатах взрыва. С взлетевшим на воздух поездом ехал из Берлина какой-то очень важный гитлеровский разбойник с целым штабом «ученых» бандитов. У гитлеровцев в Минске невероятная кутерьма. Гестапо свирепствует: как можно было не обеспечить путь, по которому следовала такая почетная персона из самого берлинского штаба!

На войне, как на войне! Имеются и жертвы. Нередко боль бывает настолько велика, что, кажется, — конец

всему! Невозможно будет заменить погибшего товарища. Абрашка пал в бою. Гитлеровцы пришли в деревню возле Минска. Партизаны притаились у дороги. Пришедших немцев встретили интенсивной стрельбой и всех почти уничтожили. Один только спрятался под автомашину. И когда Абрашка приблизился, бандит его смертельно ранил.

Погиб и Зямка. Его подстрелили в деревне Волчковичи и ранили под ним коня. Зямка все время отстреливался и отбивался от врага. Но ранили и его. Он понял, что ему, тяжело раненному, не уйти из рук врага. И верный завету «живым врагу не сдаваться», вынесенному из Минского гетто, он пустил себе в сердце последнюю пулю.

В деревне Неумоваки Минского района белорусские крестьяне с почестями похоронили верного сына нашего народа Зямку Мителя. Голубоглазые белорусские девушки весною украшают его могилу и рассказывают с героических дел бесстрашного разрушителя вражеского транспорта.

Когда первая «пятерка» диверсантов Буденновского отряда перестала существовать, возникли новые «пятерки», которые, свято храня память Абрашки и Зямки, боролись днем и ночью против поработителей нашей земли. Из гетто пришли Лейзер Хургин, Хаце Хургин, Лева Бейлин, Толя Цирлин, Лева Рубин, Яша Яловицер и многие другие. Всех их по-товарищески встречал командир, который прежде всего рассказывал им, что сделала еврейская молодежь из гетто в борьбе против врагов нашей Родины.

И вновь прибывшие давали торжественное обещание быть такими, как Абрашка, быть такими, как Зямка! И все, как один, вступили в диверсионные группы: кто к командиру «Ваньке Свирепому» — героическому белорусскому крестьянину, показавшему чудеса в борьбе с фашистами, кто к Фимке Прессману («Чудланчику»), который в 18 лет был назначен командиром всех диверсионных групп партизанского отряда «25 лет БССР». Старшим одной из диверсионных групп был, назначен также Лейзер Хургин, который в течение месяца (как раз в такое время, когда каждый метр железнодорожной линии особенно тщательно охранялся врагом) сумел спустить под откос три вражеских эшелона и разрушил телеграфное сообщение на протяжении нескольких километров.

Хоть пустынно и разрушены улицы Минска, над ними все же реет радость возвращенной свободы. Фимка Прессман («Чуланчик») шагает по кривым улочкам, по развалинам гетто и, словно подводя итоги, рассказывает друзьям и товарищам:

— Я уничтожил одиннадцать эшелонов врага, девять раз я разрушал железнодорожное полотно, два гитлеровских хозяйства сравнял с землей, дважды участвовал в «рельсовой войне»... Ну, и что же? Враг еще сопротивляется (это было в первый месяц после освобождения Минска, в июле 1944 года). Значит, не пришло еще время возвращаться в родной город.

Фимка Прессман ушел в Красную Армию, чтобы покончить свои счета с врагом.

VIII. ИМЕННО ВОЗЛЕ ГЕТТО!

Первым из боевых рядов выбыл Хаим Цукер (бывший командир отряда имени Сергея Лазо). Вражья разрывная пуля попала ему в правую руку. Затем погиб Исаак Ботвинник. Он сопровождал новоприбывшую группу партизан из Минского гетто. Эта группа должна была послужить ядром будущего партизанского отряда имени Кагановича. Когда враг напал на группу, Ботвинник, прикрывая ее, дал возможность своим людям отступить. Из своего автомата (Ботвинник гордился своим автоматом, который он в течение нескольких месяцев собирал по мелким частям) он выпускал по врагу очередь за очередью. Ботвинник продолжал стрелять и тогда, когда он, раненный, лежал на земле. Последнюю пулю, как это принято у партизан, он оставил для себя.

Так Нохем Гольдзак остался один со своим планом, который состоял в том, чтобы уйти в район Минского гетто, и там, именно там, вести партизанскую диверсионную работу. Это был не каприз, — это была внутренняя потребность вредить фашистам именно в том месте, где они намеревались истребить всех евреев. И еще: пусть грохот взрывов придает бодрость оставшимся в гетто и будет для них сигналом, призывом — вырваться из-за ограды и принять участие в мщении, ставшем священным делом для каждого советского человека.

Когда командир отряда имени Кутузова назначил Гольдзак командиром подрывной группы, тот решил, что пришло время осуществить мечту Ботвинника, Хаима Цукера (который остался инвалидом) и его, Нохема.

В свою диверсионную группу он принял Цилю Клебанову, которая шесть раз ходила из леса в гетто и обратно с важными поручениями отряда. В группу вошел также молодой белорусс из Минска Витька Рудович (тот, который снабжал патронами Нонку Маркевича и других юношей). Его родители жили по соседству с Минским гетто. К этой же группе принадлежал и запевало отряда Нохем-Элье Каган. В лесу бывало и голодно, и холодно. Кругом подстерегали враги. И все же, как только выдавалась спокойная минута, мы собирались в землянке, и Нохем-Элье читал нам Шолом-Алейхема, Переца, главы из Бергельсона. У этого бывшего ешиботника, а затем революционера, память была феноменальная. Стоило ему показаться в крестьянской хате, как сбегалась вся деревня. Все знали, что уж тут без концерта не обойдется. И вот они все вместе ушли в Минск. На Татарском кладбище, недалеко от гетто, группа остановилась. Циля пошла в разведку. Было решено «нажать» в самом чувствительном месте — у сафара.

В ту ночь от мины, заложенной Нохемом, слетело под откос сорок платформ, груженных вражескими танками. В гетто никто не спал. Люди, которые позднее пришли в лес, рассказывали, что это была одна из самых счастливых ночей для пленников Минского гетто.

После краткого перерыва подрывная группа Нохема снова ушла в Минск, и снова на путях, в километре от гетто, было уничтожено десять вагонов. Разведка передала точные сведения о результатах: 54 убитых и 40 тяжело раненных фашистов; кроме того, на рельсах осталась груда обломков зенитных орудий и саперного инструмента.

В третий раз группа пошла на рискованную операцию: среди бела дня они на подводе въехали в Минск. Подводу нагроузили сеном, картофелем, птицей и яйцами. Под картофелем лежала взрывчатка. Как назло, среди дороги распряглась лошадь. Проезжавшие мимо гитлеровцы подняли шум по поводу того, что им загродили дорогу. Все дело висело на волоске. Но минеры любят иной раз пошутить с дьяволом в его собственной «малине». Благополучно добравшись до католического кладбища, заехали к знакомым Витьки Рудовича, отдохнули и пошли на «работу».

...Взрыв на железной дороге в эту ночь привел гитлеровцев в бешенство. Как раз в это время народные мстители уничтожили гитлеровского обер-палача Кубе. Нохем об этом еще не знал. Немедленно после взрыва он послал Цюлю и Витьку в гетто для улаживания ряда вопросов и для того, чтобы увести с собой оттуда людей. К утру гетто было оцеплено полицией и жандармерией. Однако, партизаны успели выполнить свои поручения и благополучно выбраться из гетто.

Восемь эшелонов с вражескими войсками и грузами уничтожила группа Нохема. И каждый раз Нохем напоминал своим товарищам: мера возмездия не может быть полной, пока кровавые злодеи ступают по советской земле. И еще он помнил о своем долге перед загубленной женой и сыном, перед героически погибшим боевым товарищем Ботвинником, перед всеми оставшимися в гетто, перед людьми, для которых каждый произведенный Нохемом взрыв был призывом к борьбе, к уничтожению стен гетто.

IX. СТАРЫЙ ШИМЕН РАССКАЗЫВАЕТ...

Обычно, когда разгорается партизанский костер, на душе становится легче. Бойцы усаживаются кругом вплотную и следят за шипением подброшенной сосновой ветки. Время от времени чьи-то руки, почти машинально, подкладывают в огонь хворостину, сучок. Хорошо так сидеть, не двигаясь... Дремлющие глаза полузакрыты... И вот тогда-то и наступает излюбленная минута краткого партизанского отдыха: общепризнанный рассказчик начинает: «Однажды»...

...Костер уже весело пылал. Но никому из бывших обитателей Минского гетто, прибывших в Колоднянский лес, не хотелось присаживаться к огню. Настрое было приподнятое: эти люди только что побросали в огонь свои желтые заплатки. Только что они слушали энергичную речь командира Исроэля Лапидуса, разъяснявшего законы беспощадной борьбы и мести. Каждый знает: обратного пути нет! Но там, в гетто, у Лейзера Лосика осталась мать и сестренка. Кто оставил отца, кто жену, брата, сестер... Как же быть?

Надо хорошо вооружиться, начать борьбу, ради которой мы сюда пришли, тогда мы сможем взять сюда десятки и сотни наших братьев и сестер, — говорит Исроэль Лапидус.

На душе становится легче. К костру присаживается один из самых старших членов группы, Шимен Лапидус, и начинает свой рассказ о том, как давно, лет двадцать с лишним тому назад, он, Шимен, впервые ушел партизанить в белорусские леса.

Ребята насторожились в ожидании интересного рассказа. Но послушать старого Шимена на этот раз не привелось.

Получен приказ от командира: приготовиться к бою!

Шестдесят человек, вооруженных винтовками и четырьмя пулеметами, ушли к шоссе на дороге, ведущей из Пуховичей в Старые Дороги. Возле деревни Омельная притаились, замаскировались и стали терпеливо («Главное — это терпение!» — говорит опытный партизан Шимен) дожидаться.

Десять грузовиков, набитых вооруженными до зубов гестаповскими разбойниками, мчались по тракту. Это был карательный отряд, едущий на расправу с окрестными «неспокойными» белорусскими деревнями.

— Огонь! — скомандовал Лапидус.

После первого залпа ошеломленные фашисты стали прыгать с машин. Ругань и стоны огласили окрестность. Партизаны подошли вплотную, и начался бой один на один, врукопашную. Били чем попало. Авром Холявский прикладом размозжил череп белобрысому фашисту, Исось Янкевич душил другого. Старый Шимен вскочил на немецкую машину и крикнул ребятам:

— Бейте собак! Не щадить их, братцы. Напомните им то, что было в Тучинке!

Семьдесят четыре гитлеровца валялись на дороге. Восемь бандитов попались живьем в руки партизан.

...Во временном лагере партизанского отряда, состоящего из бывших обитателей Минского гетто, весело горит костер. Одежда на многих партизанах вымокла до нитки, но никто об этом не думает. Все так заняты, что обо всем позабыли. Что может сравниться с радостью победителей, подсчитывающих богатые трофеи?

Сознание, что захваченным оружием можно будет снабдить целую сотню новых партизан, воодушевляло и волновало. Люди забыли об отдыхе, полагающемся после ожесточенного боя.

По окрестным деревням разнесся слух, что в лесах объявились еврей-партизаны, не дающие житья гитлеровским разбойникам. Они уже уничтожили такое-то количество СС-овцев (обычно называют чрезвычайно пре-

увеличенное число). В отряд Лapidуса стали стекаться советские люди разных национальностей. Пришли белорусы—Константин Шелог и Эдуард Черняк, русские—Борис Столбов и Степан Анохин, осетин—Цакулов и цыган Золотаренко. Сыны единого советского народа крепко сплотились в боевой дружбе и совместно добились славы 5-му партизанскому отряду II Минской партизанской бригады.

Для партизан принять, да еще неожиданно, открытый бой с врагом—дело нелегкое. Отряд Лapidуса, или, как его называли, 5-й отряд, шел на выполнение боевого задания к железнодорожному полотну. Дóтем на решили отдохнуть в деревне Большие Сенчи (Пуховичского района). Но вдруг разведка донесла, что приближается сильно вооруженный вражеский отряд—с пушками и пулеметами. Было еще время отступить, но это не в правилах 5-го отряда. Можно ли бросить на произвол фашистских злодеев окрестные деревни, женщин, детей и стариков? И отряд решил принять неравный бой.

Ожесточенно дрались Яков Шиф и Алексей Кривчик, Гиршель Дукорский и Иван Радкевич, Элье Гольдберг и Василий Кожемяченко. Враг стал пускать ракеты, вызывая на помощь соседние гарнизоны. Из Пуховичей пришли танки. Тогда партизаны отошли к соседнему селу Клетчишино, закрепились и не пропустили значительно превосходящего численностью и вооружением врага. По окончании боя отряд пошел на выполнение намеченного задания.

...Никакого соревнования здесь не было. Но Лейзер Лосик ни на йоту не уступал Аврому Холявскому. Сколько спущенных под откос поездов насчитывалось у Аврома, столько же должно было быть и у Лейзера. У обоих уже было по двенадцати уничтоженных эшелонсв. И велика была радость и гордость всего отряда, когда среди первых белорусских партизан, награжденных еще в лесу серебряными партизанскими медалями, был подрывник гитлеровских эшелонсв Лейзер Лосик. Эту медаль он честно заслужил и с гордостью носил.

Однажды Лейзер с группой подрывников проезжал через ближнюю деревню. Его остановил знакомый крестьянин, долго смотрел на медаль с профилями Ленина и Сталина и никак не мог надвинуться: этакое он еще ни разу не видел.

— Как же добыть такую штуку?

— В бою.

Лейзер дал крестьянину задание, и тот охотно взялся его выполнить: ушел в Минское гетто, чтобы привести оттуда людей. Один раз съездил благополучно (привел мать и сестру Лейзера), второй раз съездил, и тоже удачно. Но в третий раз ему не повезло. Крестьянин погиб, так и не дожив до дня, когда на его гимнастерке, под которой билось горячее сердце советского патриота, красовалась бы партизанская медаль. Но его работу продолжали другие крестьяне, вывозившие из Минского гетто детей. Многих подобрали на дороге (дети из гетто сами уходили искать Лapidуса). Детей устраивали в деревнях партизанской зоны, где действовал 5-й отряд. Они дожили до счастливого дня освобождения. В одной лишь деревне Поречье (Пуховичского района) было спасено 40 еврейских детей.

Х. НЕМЕЦКАЯ БОМБА НАЛОЖЕННЫМ ПЛАТЕЖОМ

Приказа такого не было, но сами по себе шумные летние сумерки—с гармошкой, с песнями и веселым смехом—в партизанском отряде имени Пархоменко становились все тише и тише.

Забота легла на лица партизан. И всё, что ни делали, делали основательнее, поспешнее, без лишних разговоров.

Надвигался «марафон»... Об этом сообщала партизанская разведка, об этом доносила широко разветвленная агентура из всех окрестных административных пунктов, в которых были расположены вражеские гарнизоны.

Уже не в первый раз немцы снимали с фронта целые дивизии, чтобы бросить их на борьбу против партизан (это на партизанском языке и называется «марафоном»). Надо суметь выстоять и победить в неравном бою—вот что заботит партизан-пархоменковцев, большинство которых всего 3—4 месяца тому назад пришли из Минского гетто.

Оживленнее стало в отряде, когда пришел первый «привет» от врага. На лагерь налетела стая фашистских самолетов. Миндель был у себя в шалаше как раз в ту минуту, когда рядом упала бомба. Упала—и не разорвалась.

— Пой молебен!—шутили ребята.

Но партизан Цукерман думал не о молебне, когда он со всех сторон осматривал и ощупывал немецкий

«подарок». Вместе с Хаимом Бернштейном и Хаимом Двоскиным они взяли бомбу и ушли с тем, чтобы отослать ее, как они говорили, «наложенным платежом» хозяевам — по принадлежности.

У Полдорожья (Ивенецкого района) эта тройка заминировала немецкой бомбой путь, по которому враги должны были вести наступление на партизанский лес.

Осторожно продвигалась к лесу грузовая машина, в которой ехали гитлеровские автоматчики. Впереди шли разведчики и время от времени сообщали: «Можно! Путь свободен!»

У троих партизан-минеров так застучали сердца, что, казалось, враг может услышать... Неужели путь для этих головорезов действительно свободен?!

Вскоре, однако, образовалась пробка. Немецкая бомба взорвалась и разлетелась в куски вместе с головами, руками и ногами тридцати гитлеровских бандитов, пришедших «марафонить» в партизанский лес.

Был и еще один вечер, глубокой осенью, когда привычный партизанский быт снова получил основательную встряску. По всей огромной Налибокской пуше — из края в край молниеносно пронеслась весть: гитлеровские агенты польской эмигрантской клики убили тринадцать евреев-партизан 106-го отряда. Это послужило сигналом для многочисленных партизанских бригад и отрядов взяться за оружие и уничтожить банду, терроризирующую окрестное население.

Командиры отряда имени Пархоменко получили сообщение о том, что в одной из деревень Лидского района белопольские бандиты обосновались прочно. Был дан приказ: уничтожить банду. Пархоменковцы вместе с партизанами-чапаевцами и фурмановцами начали окружать бандитов. Однако, те не сдавались — оружия и боеприпасов у них было достаточно.

Шлойме Кацнбоген старался стрелять без промаха. Он переходил с места на место, продвигаясь в сторону врага. Однако желаемых результатов это не давало. Тогда он вскочил на коня и пустился галопом по направлению к бандитскому гнезду. Теперь он увидел ясно, куда и в кого надо стрелять. Командир взвода Фейгин неоднократно предупреждал его, что нельзя так безрассудно рисковать собой на виду у врага. Но Кацнбоген не слушал. Пуля сразила его. Он лежал, растянувшись, и судорожно цеплялся пальцами за землю.

Боль нестерпима. Глаза заливают кровь, страшно тяжело голова. Но вдруг он услышал шаги приближающегося врага. И откуда взялись силы? — он схватил винтовку и успел всадить 15 пуль в самую гущу подводящей банды.

Шлойме Кацнбоген с лихвой заплатил за тринадцать партизан 106-го отряда.

Среди шестидесяти уничтоженных фашистов значительная часть была убита тяжело раненым Кацнбогеном.

XI. МЕДСЕСТРА ТАНЯ

Было время, когда партизаны предпочитали смерть тяжелому ранению. Медикаментов мало, врачи далеко не в каждом отряде. Раненому приходилось тяжело. Шляхтович и Лейкин сами себя «оперировали», собственноручно ампутировав свои безнадежно отмороженные пальцы на ногах...

Х. Цукер во время страшных приступов боли в простреленной руке... напевал: «Если ранили друга»...

Но с тех пор, как из Минского гетто пришла в отряд Таня Либо, раненые перестали звать к смерти.

Когда мы возле одной деревни впервые встретили Таню, шедшую с еще несколькими женщинами, ее вид вызвал у нас невольный смех. Она смеялась с нами. Винтовка, с которой она пришла в отряд, так не вязалась со всем ее видом, что даже мы, привыкшие видеть партизан в самых разнообразных одеяниях — в шляпах и котелках, в военных формах всех стран и эпох, не могли не пошутить по адресу Тани.

По специальности она учительница. До войны работала в одной из минских средних школ. Во время оккупации была чернорабочей на кирпичном заводе под Минском. Отсюда путь вел в западную партизанскую зону. Отсюда Таня, с другими женщинами гетто, без проводника, и пошла «куда глаза глядят», чтобы добраться до партизанского отряда. К медицине Таня имела отношение постольку, поскольку она когда-то окончила фармацевтические курсы. И вот она стала медсестрой и «врачем» сначала в отряде имени Лазо, а затем в отряде имени Кутузова.

Партизаны считали, что у Тани легкая рука. Даже тяжело раненных она возвращала в строй. Но главное, конечно, было в том, что Таня, кроме весьма скромных познаний в области медицины, обладала чрезвычайно

важными в партизанских условиях качествами: преданностью делу и большим запасом материнской нежности.

Когда тяжело раненного партизана Ванюшку Бурачевского усадили наконец в приземлившийся на нашем партизанском аэродроме советский самолет, чтобы отправить его на «Большую землю», Ванюшка на непонятном своем наречии стал о чем-то просить, звать кого-то... С трудом удалось понять, что Ванюшка просил вместе с ним посадить и Таню.

Вражеская разрывная пуля выбила Ване Бурачевскому глаз и оторвала язык. Никто его не мог понять, только Таня каким-то образом понимала каждое его «слово» и переводила нам. Она от него не отходила ни на минуту, проводила возле него бессонные ночи и тяжкие долгие дни и добилась того, что Ваня, не раз прошивший, чтобы его пристрелили и перестали с ним возиться, начал стыдиться своего малодушия и захотел жить.

Однажды случилось то, что неизбежно в партизанском быту: получили приказ — сниматься с места и перейти в другой, отдаленный, район. Путь предстоял опасный: дважды надо было переходить железнодорожное полотно. Без боя, наверное, не обойдется. Брать с собой тяжело раненных было невозможно. Решили оставить их на месте, в соседнем еврейском семейном лагере. Перед Таней стояла дилемма: идти с боевым отрядом, с партизанами, с которыми Таню сроднили походы, или остаться с больными и ранеными, нуждающимися в ее помощи. Таня решила остаться и продолжать свое партизанское дело, несмотря на трудные условия семейного лагеря. Она будет выхаживать больных, раненых, искалеченных людей и возвращать их в боевые ряды, чтобы они с удвоенной энергией могли мстить за свои раны, за загубленное здоровье, а заодно и за ее, Танины, муки, которые ей пришлось вынести в Минском гетто.

ХII. ЗНАМЕНОСЕЦ

Четырнадцатилетний партизан Леня Окунь знал, что сегодня отряд построили в последний раз, чтобы выслушать приказ командования.

Присутствующие командиры передовых фронтовых красноармейских подразделений выступают перед партизанами: «Великая война народов против фашизма близится к победному концу. Каждый из вас, партиза-

ны, на своем месте должен будет напрячь все силы, чтобы приблизить день великой победы».

Затем последовал приказ штаба:

— Приготовиться в путь в столицу, в Минск!

— Зачем в Минск? — спрашивает шопотом Леня. Его мать и сестру фашисты убили в гетто. Об отце и брате Леня ничего не знает. Куда же он вернется и что он сможет делать в Минске, чтобы успокоить растревоженное сердце, чтобы утолить жажду мести за свое сиротство, за ограбленную свою юность?

Леня тихо отошел в сторонку, подождал, пока старший из офицеров на минутку отстал от группы, и обратился к нему:

— Возьмите меня с собой... Я хорошо стреляю...

Он и в самом деле хорошо стрелял... Еще в Минске он утащил пистолет у гитлеровского офицера. Он прекрасно владел оружием. Командир взял его с собой.

Из леса Леня принес в армию способность выслеживать и оказываться там, где враг чувствует себя абсолютно спокойно. Он в своей части стал специалистом по добыванию «языков».

Это было накануне исторической битвы у границ Германии. Во что бы то ни стало требовался «язык». Леня вызвался добровольно пойти за ним.

Немца, которого Леня наметил в качестве «языка», он прежде всего ошеломил своим прекрасным немецким произношением (этому Леня научился в Минске), затем он его хватил автоматом по голове с такой силой, что тот упал без чувств, и притащил немца на командный пункт в полуобморочном состоянии.

Перед строем красноармейской части был прочитан приказ о награждении Лени Окуня орденом «Славы» III степени.

В другой раз Леня с несколькими красноармейцами привел сразу двоих «языков». Его узкая мальчишеская грудь украсилась вторым орденом «Славы», на этот раз — II степени.

Бывали в боевой жизни Лени и трудные, критические минуты. Вот тогда-то ему и пригодились твердость и хладнокровие, вынесенные из партизанского отряда.

Был приказ — штурмовать высоту, с которой враг поливал свинцом наши части. С громовым «ура!» красноармейская часть двинулась в атаку. Впереди — боевое знамя. Знаменосец упал, его сменил другой. Упал

и второй. Тогда подбежал Ленька, поднял знамя, пустился с ним вперед и первым вступил на высоту.

Долго задерживаться нельзя, надо преследовать врага! Не давать ему опомниться! Раненый Ленька чувствует, что силы покидают его. Он обливается холодным потом. Он бежит вперед с развевающимся знаменем, рядом с ним — наступающие боевые товарищи. Командир кричит ему: «Ложись! Санитары заберут тебя! Кровью изойдешь!»

Но Ленька не останавливается, потому что сильнее боли — радость, великая радость наступления и победы, заливавшая сердце бывшего обитателя гетто.

Как он попал в госпиталь, Леня не помнит. Красноармейцы рассказывали, что он упал без чувств, так крепко прижимая к себе знамя, что его силой пришлось отобрать у него.

И еще рассказывали красноармейцы Леньке, когда он впервые пришел в себя, что в госпиталь приходил его проведать командир фронтового подразделения и сообщил: бывший партизан, красноармеец Леонид Окунь, 1930 года рождения, за мужество и смелость, проявленные в боях против немецких захватчиков, представлен к награждению орденами «Красная Звезда» и «Красное Знамя».

Когда санитарный поезд, в котором ехал Ленька, приближался к Минску, сердце юного красноармейца начало учащенно биться. Каким он увидит теперь свой родной город после многих месяцев, проведенных в гетто, после жизни и боев в лесу и на фронте? Ушел он из Минска почти ребенком, а возвращается закаленным бойцом, несмотря на свои неполные 15 лет. Вражеские пули в нескольких местах продырявили его тело. И все же он твердо и уверенно шагает по улицам оживающей столицы, так же твердо и уверенно, как шагают сейчас по всем улицам и дорогам нашей необъятной Родины все ее сыны и дочери, грудью и жизнью своей защищавшие ее свободу и независимость.

ХIII. РАПОРТУЕМ!

Все дороги, ведущие в Минск, запружены вооруженными мужчинами и женщинами, молодыми и старыми, в строгом боевом порядке идущими к белорусской столице. Этот поток сотен и тысяч провожают бескрайние дремучие леса Белоруссии, которые на протяжении трех

лет так верно служили крепостью мощной армии народных мстителей.

Снова белорусские леса стали только лесами. Покинутые землянки и шалаши остались в качестве следов той бурной жизни, которая подземным потоком мчалась вперед и теперь вышла на поверхность. Настал день освобождения!

На широкой площади Минского инподрома собираются партизанские бригады и отряды для итогового рапорта о борьбе против врага у него в тылу.

Мы все это знали: за каждым кустом, в поле, в каждой крестьянской хате и городском доме советские люди подстерегали врага. Мы хорошо знали, что во многих районах законы родной Советской власти были установлены гораздо раньше, чем пришли окончательное освобождение и носительница его — Красная Армия.

Но во всем величии и мощи наших партизанских сил мы воочию убедились в этот исторический день освобождения, в июле 1944 года.

Шеренга за шеренгой, отряд за отрядом шагают партизаны и рапортуют представителям партии и правительства о своем участии во всенародной борьбе против фашистских угнетателей, о полной готовности снова идти в бой до полной победы.

В этих боевых рядах маршируют и те, которые сломали ограды гетто и примкнули к мощному движению народных мстителей.

В общем партизанском боевом рапорте говорится, что в страшных условиях лагеря уничтожения, именуемого гетто, верные сыны народа высоко подняли знамя борьбы, призывавшее:

Не терять веры в безусловную победу нашего правого дела!

Не терять боевого духа, необходимого для полной расплаты за наши мучения и жертвы!

Разбить ограду гетто и крепить дружбу советских народов и во вражеском тылу!

Примкнуть к всенародной борьбе для окончательного уничтожения врага!

Десятки тысяч последовали этому призыву. Только тысячи дошли до партизанских рядов.

Мы рапортуем нашей партии и правительству, что люди из Минского гетто были организаторами семи партизанских отрядов:

Партизанского отряда № 406 (позднее соединившегося со славным отрядом «Дяди Васи»);

5-го партизанского отряда имени Кутузова (II Минской партизанской бригады);

Партизанского отряда именей Буденного (бригада имени тов. Пономаренко);

Партизанского отряда имени Дзержинского (бригада имени Фрунзе);

Партизанского отряда имени Сергея Лазо (позднее соединившегося с отрядом имени Кутузова бригады имени Фрунзе);

Партизанского отряда имени Пархоменко (бригада имени Чапаева);

Партизанского отряда № 106, в котором состояло свыше 600 евреев из Минского гетто.

Мы рапортуем нашей партии и правительству о том, что все, вырвавшиеся из смертных тисков Минского гетто, дисциплинированно встали в ряды партизан и героически дрались на многочисленных фронтах великой войны народных мстителей.

И еще рапортуем мы:

Многие из лучших и героических сынов нашего народа не дожили до великого Дня Победы. Они пали на боевых постах как в гетто, так и в партизанских рядах, выполняя свой долг, как верные бойцы за нашу Родину.

И мы, оставшиеся в живых, поклялись, перефразируя клятву наших предков:

Если позабудем павших,
Пусть память о нас изгладится навек!

В память о них и написаны эти строки в освобожденном Минске, зимою 1945 года.

Редактор *Б. Котик*

Техредактор *Ф. Фрумкина*

Сдано в производство 26/XI — 462. Подписано к печати 15/1 — 1947 г. 8 печ. л.
Уч. изд. 7, 11. Печ. знаков в 1 печ. листе 36 700. Тираж 50 000. А 00152
Формат 60 × 83/16. Заказ 593. Цена 4 руб.

13-я тип. треста «Полиграфкнига» ОГИЗа при Совете Министров СССР,
Москва, Денисовский, 30.